

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

АВГУСТ

2011

АВ

5771

№ 8(232)

ЛЕХАИМ 8/232

**Ежемесячный литературно-публицистический журнал
выходит с 1991 года**

**Главный редактор
Борух Горин**

**Административный директор
Яков Ратнер**

**Ответственный секретарь
Елена Калло**

**Художественный редактор
Евгения Черненко**

**Выпускающие редакторы
Лариса Беспалова, Ишайя Гиссер
Елена Дворецкая, Галина Зеленина, Александр Иличевский,
Афанасий Мамедов, Йеуда
Рабейко, Михаил Эдельштейн**

**Помощник художественного редактора
Дмитрий Кобринский**

**Корректор
Виктория Рябцева**

**Авторы макета
Андрей Бондаренко
Дмитрий Черногаев**

**Художники
Дмитрий Шинбин (с. 15, 69), Павел Шевелев (с. 38, 41), Шмуэль Гиршенберг (с.
66), Александр Горнов (с. 71), Яна Сметанина (с. 73, 74), Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(приложение)**

**Фотографы
Вадим Бродский (с. 1, 35–37); Hilla and Max Jacoby (с. 16); из архива Пинхаса
Рутенберга (с. 23, 25, 26);
издательство АО «Молодая гвардия» (с. 29, 32, 34); Василий Должанский (с. 51);**

Людмила Жукова (с. 76); из семейного архива потомков Ф. Ф. Перепеченова (с. 78); фото

**предоставлено посольством США в Москве (с. 82); Nadav Aharonovitz (с. 97); Tony
Dougherty (с. 98); Henrik Stenberg (с. 99); из архива Ирины Головинской (с. 104–106); фото
предоставлено ганноверской общиной «Эц Хаим» (с. 107)**

**Фото предоставлены агентствами
Fotobank (с. 4–6, 54), PhotoXPress (с. 52), Fotolink (с. 55), РИА «Новости» (с. 58,
109), Артефакт (с. 100, 101), Фото ИТАР-ТАСС (с. 108, 110)**

На обложке

**Елена Боннэр на Конференции по «человеческому измерению» СБСЕ. 1991 год.
РИА «Новости»**

Подписано в печать 13.07.11.

Формат 60×90/8. Тираж 30 000 экз.

Объем 16 печ. л. Цена договорная

ISSN 0869-5792

**Журнал «Лехаим» зарегистрирован в Комитете РФ по печати, регистра-
ционный номер 01126 от 22.05.92**

© «Лехаим», 2011

**Адрес редакции: 127018, Москва,
2-й Вышеславцев пер., 5а.**

Тел. (495) 710-88-03

E-mail: lechaim (@) lechaim.ru

Internet: <http://www.lechaim.ru/>

**За содержание рекламных материалов и кошерность рекламируемых продуктов
редакция ответственности не несет.**

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

Сайт: <http://www.оаомпк.ru>, <http://www.оаомпк.рф>

Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Мой прадед Хаим-Йосл родился в Едвабно. Он прожил там до свадьбы, потом переехал в соседнее местечко, где жила семья его жены, — Радзилово. Вскоре они уехали и оттуда — в Одессу, где прадед получил место кантора и резника в синагоге портных «Малбиш Арумим».

В эти дни отмечалась семидесятая годовщина тотального уничтожения евреев Едвабно и Радзилово. Перед прошлой круглой датой, шестидесятой, захудалый городишко Едвабно стал печально знаменитым. Американский исследователь Ян Гросс опубликовал книгу «Соседи», в которой поведал о том, что в июле 1941 года евреев Едвабно заживо сожгли не немцы, а соседи. Причем немцы при этом даже не присутствовали.

На траурной церемонии в 2001 году президент Польши Квасьневский покаялся от имени польского народа за это страшное преступление. Начался форменный скандал. Политики, священники, журналисты ополчились на Квасьневского. Если объединить их претензии, то получится примерно следующее. Едвабнинцы убивали евреев из-под немецкой палки, убили не так уж много, пару сотен, и, в общем-то, их можно понять: за два года до того евреи с энтузиазмом приняли советскую власть, пришедшую в эти края после пакта Молотова—Риббентропа.

В этом году уже нынешний президент Польши, Коморовский, присоединился к покаянию Квасьневского. Консенсуса в Польше по этому вопросу как не было, так и нет.

Едвабно стало символом. Не нашлось своих исследователей для описания идентичных событий в сотнях местечек Польши, Литвы, Украины. Поэтому, говоря «Едвабно», мы имеем в виду и их.

И если два президента Польши нашли в себе мужество дать однозначную оценку событиям в Едвабно, то в республиках Балтии высшее руководство сделать подобное в отношении идентичных событий в своих странах не смогло.

За всеми попытками приравнять коммунистическую идеологию и нацизм, Гитлера и Сталина, стоит именно страх покаяния. Встречали ли хлебом-солью польские евреи Красную Армию в сентябре 1939 года? В массе своей — да. Мне за них не стыдно. Мне не стыдно за людей, которые предпочли лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» доктрине геноцида. И в итоге они оказались правы. Большевицкие лозунги остались только лозунгами, в то время как нацистская доктрина была пунктуальнейшим образом приведена в действие: миллионы евреев превратились в прах, а спасенные остались в вечном долгу перед солдатом в форме Красной Армии.

Слушайте риторику, слова многое значат. Коммунистические лозунги, пустые и лживые, все же повели народ на гибельный бой с бесчеловечной гидрой. Государственная пропаганда, официально проповедующая расовую ненависть, превратила миллионы добропорядочных граждан в хладнокровных детоубийц. Чудовищная сталинская машина репрессий вынуждена была приписывать невинным фантастические преступления, гитлеровским людоедам вполне хватало еврейского происхождения жертв. Поэтому любые попытки их приравнивания по сути своей есть оправдание Холокоста.

Родные моего прадеда были сожжены в июле 1941 года в Едвабно и Радзилово. К счастью, большая часть его братьев и сестер покинули эти места до войны. Их потомки живут в Израиле, США, России, Украине, Пуэрто-Рико.

Из десятков зданий бывших синагог Одессы первой еврейской общине была возвращена бывшая синагога портных «Малбиш Арумим», синагога моего прадеда, кантора и резника Хаима-Йосла.

Аידוו אידעז

ЛЕХАИМ АВГУСТ 2011 АВ 5771 – 8(232)

ПИСЬМА О ВОСПИТАНИИ

Νῆπιόλαοὶ ὁ ἀεὶ Ἐσραῆλ Ἄεινῶν

26 ἰεὺῖ ἂ, 572Α (ἰ ὄῖῖῖῖῖῖῖῖ)

1. Утверждают, что ребенок, посещающий общеобразовательную школу, подобен «пленному», поскольку отказ от участия в молитве сделает его «белой вороной». Соответственно, его участие в молитве будет вынужденным и тем самым будет нарушена его свобода.

По моему мнению, сравнение с «пленным» приводит нас в данном случае к прямо противоположному выводу, и вот почему. Ребенок, который учится в государственной школе, знает, что его пребывание там является обязательным, поскольку родители и правительство считают крайне важным, чтобы он получил образование. Вместе с этим приходит осознание того, что обо всем действительно важным и значимом для его образования, так или иначе, заботится школа. Ребенок инстинктивно чувствует или приходит в своих рассуждениях к выводу, что то, что не вошло в школьную программу, не слишком важно или даже вовсе не важно. Соответственно, если религии (молитве) не нашлось места в школе, ребенок неизбежно будет относиться к ней, как к дополнительному иностранному языку, танцам или урокам музыки,

которыми он занимается помимо школьной программы по желанию родителей и которые большинство детей вполне справедливо считают ненужной нагрузкой или даже насилием над собой. Иными словами, нынешняя система государственного образования устроена таким образом, что внушает ученикам мысль: все, что связано с религией — например, вера в существование Творца, — не слишком важно или даже вовсе не важно.

Детям не важны и не интересны объяснения, что в школе нет молитвы во имя принципа отделения религии от государства или в силу высших конституционных соображений. Эти доводы и объяснения, даже если время от времени делиться ими с детьми, повлияют на них куда меньше, чем очевидный факт, с которым они сталкиваются ежедневно: ничто не может считаться важным для их воспитания, если оно не включено в школьную программу. В этой ситуации ребенок может лишь укрепиться в своем равнодушии или даже неприязни к религии.

Сказанное выше справедливо и в отношении детей, выросших в религиозных домах и получивших религиозное воспитание. Тем более это так в отношении детей, чьи родители и семьи не слишком религиозны, где религия — нечто, что практикуется в лучшем случае раз в неделю, в выходной, по большим праздникам или в связи с особыми обстоятельствами[1]. Именно таковы семьи большинства учеников общеобразовательных школ, поскольку большинство религиозных родителей готовы на любые жертвы, чтобы дать детям религиозное образование и соответствующее окружение в религиозной школе.

2. Возражения против внеконфессиональной молитвы «из конституционных соображений» свидетельствуют, на мой взгляд, о непонимании и искажении истинного положения дел.

Вопрос состоит в следующем: соответствует ли внеконфессиональная молитва в начале учебного дня интересам детей? Если мы отвечаем на этот вопрос утвердительно, то следует сделать это конституционным, поскольку не может быть двух мнений, что конституция создана во благо людей, а не наоборот. <...>

3. Утверждают, что принцип отделения религии от государства — единственная гарантия религиозной свободы, равноправия меньшинств и т. д.

Не вдаваясь в обсуждение вопроса, можно ли говорить о строгом соблюдении принципа отделения религии от государства в этой стране (с учетом таких бесспорных фактов, как институт военных капелланов, молитва, которой открываются заседания конгресса, надпись «На Бога уповаем» на американской валюте, упоминание о Провидении в Декларации независимости[2] и т. д.), давайте посмотрим, кто защищает этот принцип, каким образом его интерпретируют и используют. Как мне кажется, здесь будет достаточно взять для примера два ныне существующих государства: в одном из них этот принцип реализован в полной мере, в другом — нет. В первом[3], как ежедневно пишут все газеты, ведется настоящая планомерная война против религии и религиозных обрядов, подавляются все проявления религиозной свободы. Между прочим (возможно, это имеет отношение к обсуждаемому вопросу), эти гонения начались с запрета религиозного обучения маленьких детей[4]. В других странах, к примеру, в Англии, религия не отделена от государства[5], в государственных школах есть преподавание религиозных дисциплин, и вместе с тем все религии пользуются полной религиозной свободой.

4. Некоторые идут еще дальше, утверждая, что принцип отделения религии от государства следует защищать любой ценой, чтобы не допустить возобновления религиозных гонений, свойственных Средневековью, когда государственная религия не признавала каких-либо прав за последователями других религий.

Несостоятельность этого возражения совершенно очевидна. Воспользуемся примером: допустим, человек долго болел, и врачи прописали ему определенное лечение и процедуры. Прошло несколько лет, и тот же человек опять заболел, но на этот раз другой, можно сказать, «противоположной» болезнью. Насколько разумно будет предложить ему такое же лечение и те же процедуры, что и в первый раз?

В Средние века человечество страдало от излишнего религиозного рвения и нетерпимости. В наши дни оно страдает равнодушием к религии, переходящим в материализм и атеизм. Даже там, где религиозные обряды соблюдают, религиозность лишена глубины (это слишком большая тема, чтобы подробно на ней останавливаться). Соответственно, даже если в свое время отделение религии от государства было необходимо, оно вовсе не помогает решению проблем современной молодежи. Кроме того, о нарушении принципа речь в данном случае не идет, поскольку внеконфессиональная молитва в

государственной школе ему ничем не угрожает. В крайнем случае, в закон можно внести соответствующие поправки.

5. Можно услышать аргумент, что, если внеконфессиональная молитва будет разрешена, а ее организация будет возложена на руководство каждой конкретной школы, это приведет к злоупотреблениям.

Это возражение кажется мне неубедительным. Во-первых, речь идет о строго внеконфессиональной молитве, о чем будет несложно договориться. Для каких-либо закулисных злоупотреблений также не будет места, поскольку молитва будет проходить открыто, на глазах всей школы. Кроме того, можно потребовать внесения в закон особой поправки, что для введения в школе конкретного варианта внеконфессиональной молитвы потребуются единогласное согласие представителей всех религиозных конфессий <представленных в школе>. Наконец, нет необходимости придумывать новые внеконфессиональные молитвы, поскольку таковые уже существуют.

6. Возражение, что короткая внеконфессиональная молитва не окажет никакого воздействия на произносящих ее детей, не может быть серьезно воспринято кем-либо, кто имеет достаточный опыт работы с детьми. Напротив, сам факт, что молитва будет произноситься в школе, всем классом, день ото дня, неизбежно приведет к тому, что она станет неотъемлемой частью сознания ребенка, превратившись в фактор, который в процессе взросления будет способствовать его духовному и психологическому развитию.

Суммируя сказанное выше, моя позиция предполагает следующее.

1. Нужно приложить все усилия, подписывать петиции и т. д., чтобы в конституцию была внесена поправка, позволяющая произнесение строго внеконфессиональных молитв во всех государственных школах.

2. В то же время следует подчеркнуть, что любые другие молитвы и религиозные обряды, включая чтение Библии, в государственной школе нежелательны, поскольку это вызовет неизбежные в подобном случае трения и конфликты. Было бы крайне нежелательно вносить поправку, которая приведет к таким результатам.

3. Мне было приятно узнать, что многие конгрессмены, поддерживающие принятие этой поправки, вместе с тем возражают против конфессиональных молитв или чтения Библии.

4. Спор о том, противоречит ли подобная внеконфессиональная молитва конституции, не имеет отношения к основной проблеме. Вопрос состоит в том, как внушить морально-нравственные основы подрастающему поколению, которое учится в государственных школах. Будут ли американские дети воспитываться в рамках общеобразовательной системы, запрещающей упоминание имени Всевышнего, что неизбежно приведет к тому, что они будут видеть мир как безбожные джунгли, — или же мы будем

стараться внушить им, что существует Высшая сущность, Творец и Хозяин вселенной, который предписал всем законы свободы и справедливости и который является источником всех благ.

Разумеется, внеконфессиональная молитва в государственных школах не сможет, сама по себе, стать основой правильного мировоззрения, однако она является необходимым первым шагом в этом направлении — по крайней мере, исходя из нынешнего состояния общества, которое, насколько можно судить по преобладающим тенденциям и факторам, еще долго останется неизменным. <...>

[1]. *Имеются в виду свадьбы, похороны, рождение детей и другие подобные события.*

[2]. *«С твердой уверенностью в покровительстве Божественного Провидения мы клянемся друг другу поддерживать настоящую Декларацию своей жизнью, своим состоянием и своей незапятнанной честью».*

[3]. СССР.

[4]. *Видимо, Ребе имел в виду декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», пункт 9 которого гласил: «Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом».*

[5]. *Англиканская церковь стала государственной в XVI веке во время Реформации. Английский король считается главой церкви, именно он назначает архиепископов и епископов. В свою очередь, все священнослужители клянутся в верности короне.*

ПРЕДКАМИ НЕ ТОРГУЮТ

Аиде Эацад

Недавно я с московской группой в очередной раз посетил Израиль. Это стало хорошей традицией для нашей общины — каждый раз, как выдается возможность, отправляться в Эрец-Исраэль, чтобы почувствовать святость земли, дарованной нам Б-гом.

На сей раз поездка была не совсем обычной. Как правило, мы ездим в Иерусалим, в Цфат — места, уже обустроенные соблюдающими евреями и для соблюдающих евреев. А этим летом активисты московской общины решили провести шабат в Хевроне — городе, где долгое время евреям вообще запрещено было жить, да и сейчас их там совсем немного.

Однако Хеврон — не обычный город, для нашей религии, для нашей истории он имеет непреходящее значение. Именно здесь находится одна из главных святынь еврейского народа — Махпела, «пещера патриархов». Здесь похоронены Авраам и Сара, Ицхак и Ривка, Яков и Лея. Это один из древнейших городов на свете, евреи жили здесь с тех времен, когда Б-г впервые пообещал отдать эту землю нашему народу.

К сожалению, еврейская жизнь в Хевроне всегда была трудной. История сохранила длиннейший перечень погромов, убийств, разрушений еврейских домов и храмов. Да и сейчас еврейская община Хеврона живет под постоянной угрозой террористических атак. Но живет! И полна решимости оставаться на святой для каждого еврея земле. Это было самое сильное наше впечатление от визита в Хеврон: там каждый понимает, что такое святость земли, святость предков, святость народа.

Многие евреи помнят годы, когда они не могли и помыслить о том, чтобы помолиться на могилах праотцев. Вход в Махпелу евреям был закрыт. Только в последние годы нам разрешено здесь молиться — да и то не везде, а только в безопасных местах, под охраной Армии обороны Израиля. И старый еврейский квартал Хеврона — сейчас там живет чуть больше сотни семей — тоже существует только потому, что по периметру его защищают израильские солдаты. Лишь повседневная работа армии и спецслужб позволяет не допустить массового террора и физического истребления еврейских жителей города.

Часто приходится слышать недоуменный вопрос, в том числе от евреев: зачем держать сотни военных для защиты крошечного квартала, окруженного десятками тысяч враждебно настроенных арабов, не лучше ли переселить эти сто семей и положить конец конфликту? Когда я слышу подобные мнения, вспоминаю историю, услышанную как раз в Хевроне. Есть в городе древняя синагога, носящая имя праотца Авраама. Как-то раз, после одного из погромов, в Хевроне осталось совсем мало евреев: даже на Йом Кипур не хватало одного человека до миньяна. Сперва евреи думали поехать молиться в Иерусалим, но потом решили: негоже оставлять синагогу пустой в святой день. Вышли на дорогу, надеясь привести случайного еврея к себе на молитву. Долго ждали — и буквально в последний момент появился старый еврей почтенного вида, с длинной седой бородой. Миньян был спасен. Но после окончания молитв Судного дня, когда самый старший и уважаемый член общины собирался пригласить пришельца к себе на праздничную трапезу, — тот вдруг исчез! Как и не было его! Еврей, конечно, огорчился, долго переживал. А потом старец явился ему во сне и сказал, что он и есть праотец Авраам, и пришел он к молящимся, потому что увидел, как важно для них не оставить Хеврон без миньяна...

Потом эта синагога пережила множество бед: и разрушали ее, и превращали в загон для скота. И именно евреи из России ее восстановили. В 1970-х годах реставрацию начал репатриант из бывшего СССР, профессор физики Бенцион Тавгер; затем приехал еврей из Москвы по имени Илья Эйдинов, который полностью завершил ремонт, так что теперь это одно из красивейших зданий еврейского Хеврона.

Когда видишь эту синагогу, начинаешь понимать, почему евреи отсюда не уходят, почему им нельзя отсюда уходить. Древний Хеврон, его синагоги, пещера Махпела — это наши корни, наше наследие. Наш народ выжил, несмотря на гонения и погромы, именно благодаря тому, что никогда не отрывался от корней. Если мы не будем их хранить, если не будем уверены, что всегда сможем молиться на могилах праотцев, — это станет началом конца страны и народа.

Как бы ни хотелось нам всем мира на Ближнем Востоке — этот мир нельзя купить «любой ценой». Есть цена, которую платить нельзя. Нельзя ради «компромисса» отказаться от заповедей наших отцов, нельзя бросать святыни, нельзя продавать своих предков. Ради этого и живут наши герои в Хевроне.

ГРЕХ РАЗВЕДЧИКОВ

Èðààé Ñòðàéííèèé

*Íñò 9 àà àòòàííàéí á íàí γòù í ðàððòáíèè Õðàí à Ñíæàííí Ì èøíá (Òààíèò, 4:6),
éðíí á ðàððòáíèéγ Õðàí à á γòíò àáíü ïðèçíøéí àíá íáíèíèíèí òðààé-áíèèò ñáúòèè á èñòíðèè
áàðèèíèíá íáðíáà. Ñàí ùí íáðàíí èç íèò áúè ïðèááíð Õáíðàá í òíí, ÷òí ïíèíèí èá Èíðíáà í á áíéáàò
á Ýðáò-Èíðáγèü*

Осень, или Виноград, принесенный из Земли обетованной.

Фрагмент.

Никола Пуссен.
1660–1664 годы.

Лувр

Первое описание этой истории приводится Торе, в недельной главе «Шлах». По повелению Всевышнего Моше отправил двенадцать глав колен Израиля из пустыни в страну Ханаан, поручив: «Осмотрите страну, какова она, и народ, живущий в ней, силен он или слаб, малочислен он или многочислен? И какова страна, в которой он живет, хороша она или плоха? И в каких городах он живет, в станах или в крепостях? И какова земля, тучная она или тощая, есть ли на ней деревья или нет? Постарайтесь и возьмите плодов этой земли» (Бемидбар, 13:18-20).

Посланники обошли весь Ханаан, срезали лозу с огромной гроздью винограда, которую пришлось нести на шесте вдвоем, набрали плодов граната и смоковницы и вернулись через сорок дней. Они рассказывали: «Мы пришли в землю, в которую ты нас послал, и она течет молоком и медом, а это — ее плоды. Но могуч народ, населяющий эту страну, а города укреплены и очень большие, и также потомков Анака видели мы там! Амалек живет в земле Негев, хетты, евусеи и эморей обитают в горах, а ханаанеи обитают у моря и возле Иордана» (Там же, 13:27-29).

Один из посланников — Калев, сын Йефуне из колена Йеуды, успокаивал народ, говоря: «Поднимемся и унаследуем [эту страну], это нам по силам!» Но другие разведчики опровергали его: «Мы не можем подняться против этого народа, потому что он сильнее нас». Это — «страна, пожирающая своих жителей», а все люди, которых они там видели, — огромные. Они сказали: «Мы были в наших глазах как

кузнечики, и такими мы были в их глазах» (Там же, 13:30-33). Тора определяет их слова как клевету на обещанную Всевышним землю.

Народ рыдал целую ночь. Сыны Израиля говорили Моше и Аарону, что лучше бы им было умереть в Египте, спрашивали, зачем Г-сподь ведет их в страну, где они могут пасть от меча, а их жены и дети сделаются добычей? Начались разговоры о том, чтобы назначить себе нового вождя и вернуться в Египет. Лишь Йеошуа, сын Нуна, и Калев, сын Йефуне, двое из двенадцати посланников, противостояли «общественному мнению», говоря, что страна очень хороша, и если Г-сподь будет благосклонен к сынам Израиля, Он приведет их туда и отдаст ее им. Они призывали не восставать против Всевышнего и не бояться взойти в Обетованную землю. Реакция толпы была жесткой — народ в гневе и смятении хотел забить их камнями.

Всевышний сказал Моше: «Доколе этот народ будет отвергать Меня, доколе они не будут верить в Меня вопреки всем чудесам, которые Я совершил среди них?» (Там же, 14:11). Он был готов истребить весь неблагодарный народ мором и произвести новый народ — от Моше. Но тот смог умолить не делать этого, аргументируя тем, что народы мира, услышав об истреблении народа Израиля, скажут, что Б-г погубил сынов Израиля в пустыне, потому что не мог привести их в обещанную им страну. В результате Всевышний обрек мужчин того поколения, за исключением Калева, сына Йефуне, и Йеошуа, сына Нуна, на смерть в пустыне, запретив им войти в страну Ханаана.

Грех глав колен и всего народа Израиля упоминается в речи Моше в книге Дварим, где можно увидеть некоторые отличия от того, что сообщается в книге Бемидбар. Сравним данные обоих текстов о том, кто инициировал посылание людей в Землю ханаанскую:

Книга Бемидбар, глава 13 (недельная глава Шлах)	Книга Дварим, глава 1 (недельная глава Дварим)
1. Г-сподь сказал Моше:	22. Подошли ко мне вы все и сказали:
2. «Пошли людей, и пусть они высмотрят Землю ханаанскую, которую Я даю сынам Израиля. По одному человеку от каждого отчего колена пошлите, всех вождей у них».	«Пошлем людей перед нами, и пусть они разведуют для нас страну и расскажут нам о дороге, по которой мы будем подниматься, и о городах, к которым мы пойдем».
3. Моше отправил их из пустыни Паран, по слову Г-спода. Все эти люди были главами сынов	23. Мне понравилось это слово, и я взял из вас двенадцать человек, по одному человеку от колена.

Израиля.	
----------	--

Как мы видим, согласно книге Бемидбар, Моше действует по повелению Всевышнего, а согласно книге Дварим, он выполняет просьбу народа, которая ему понравилась. Попробуем разобраться, как именно могли происходить эти описанные в Торе события.

Рабби Шломо Ицхаки (Раши; 1040–1105) объясняет, что слова Всевышнего в недельной главе «Шлах» являются не повелением, а разрешением. Б-г говорит Моше, что тот может отправить людей по своему усмотрению, после того как сыны Израиля пришли к Моше с предложением послать разведчиков и тот обратился к Б-гу за разрешением. Рабби Моше бен Нахман (Рамбан; 1194–1270) также считает, что предложили послать разведчиков именно сыны Израиля, эта идея понравилась Моше, и он получил на это разрешение от Всевышнего. При этом Раши считает, что за просьбой народа скрывался недостаток веры, а по мнению Рамбана, просьба была весьма логичной и ненаказуемой, ведь так обычно и поступают все завоеватели. Рамбан видел грех разведчиков в том, что они запугали народ рассказами, призванными убедить в невозможности захвата Ханаана.

Рамбан приводит еще одно возможное объяснение двух разных описаний. Согласно его мнению, когда сыны Израиля обратились к Моше и сказали: «Пошлем людей перед нами, и пусть они разведают для нас страну», это действительно было продиктовано необходимостью сбора разведывательных данных для завоевания. А когда Всевышний велел Моше «Пошли людей, и пусть они высмотрят Землю ханаанскую», то целью этого было вызвать у сынов Израиля желание поселиться там. Моше приказал посланникам разузнать о ландшафте, климате, населении и его образе жизни, чтобы ответы посланников показали евреям, насколько хороша эта страна, и чтобы вышедшие из Египта вчерашние рабы вступили туда с радостью и по своему желанию.

Эту мысль развил раввин Эльханан Самет в своих исследованиях недельных глав «Шлах» и «Дварим». Среди прочего он объясняет значение глагола «латур», который используется в Бемидбар, 13:2, в недельной главе «Шлах» (в русских переводах Торы его обычно переводят как «высмотреть» или «исследовать»). Согласно его объяснению, основанному, среди прочего, на использовании этого слова в иных местах Танаха (напр., Бемидбар, 10:33; Дварим, 1:33; Йехезкель, 20:6), значение этого глагола может быть «идти с целью выбрать самое лучшее место».

Согласно повелению Всевышнего, задачей глав колен — представителей всего народа было сделать выбор страны, которую Всевышний дал народу Израиля, и тот должен был добровольно присоединиться к решению Всевышнего. Однако, вместо того чтобы рассказать о ней так, чтобы народ пожелал жить именно там, они искали различные пути отвергнуть дар Творца, используя страх и слабость вчерашних рабов.

Согласно мнению раввина Э. Самета, приказ послать двенадцать глав колен высмотреть Землю ханаанскую (о котором рассказывается в главе «Шлах») предшествовал просьбе народа, о которой рассказывается в главе «Дварим». Уже после того, как Моше назначил двенадцать вождей колен, чтобы выполнить повеление Всевышнего, народ обратился к нему со своей просьбой, и Моше решил использовать посланников также и в качестве разведчиков и возложил на них двойную задачу. На тех, кто отправился осмотреть и выбрать страну, были возложены и разведывательные функции, поэтому они подчеркнули в своих ответах именно военные аспекты, а не то, что ожидал услышать от них Моше.

Грех разведчиков можно сравнить по его тяжести с грехом поклонения золотому тельцу. Именно после этих двух грехов Всевышний высказал намерение наказать народ Израиля полным уничтожением и создать новый народ из потомства Моше. Моше не удалось добиться полного прощения за грех разведчиков, и только следующее поколение удостоилось возобновления союза со Всевышним в полной мере и вступления в Страну Израиля. Ознакомившись с описанием греха разведчиков в Торе и толкованием этих событий некоторыми комментаторами, можно отметить два аспекта: недостаток веры и пренебрежение обещанием Всевышнего о том, что Страна Израиля будет отдана еврейскому народу. Два этих аспекта взаимосвязаны. Вожди Израиля, отправившиеся в Землю обетованную, отказались поверить, что Всевышний, обещавший дать Страну Израиля народу Израиля, в состоянии выполнить свое слово, потому что увидели «исполинов». Они распускали клевету об обещанной Всевышним стране и использовали недостаток веры и слабость народа, чтобы лишить его желания бороться. В день 9 ава мы

должны осознавать, что на нас возложено сделать все возможное, чтобы исправить грех разведчиков, чтобы пренебрежение Страной Израиля, данной нам Всевышним, и недостаток веры не повторялись в нашем поколении.

ЛЕХАИМ АВГУСТ 2011 АВ 5771 – 8(232)

«КАК ОДИНОКО СИДИТ ГОРОД, НЕКОГДА МНОГОЛЮДНЫЙ!»

Александр Элькин

Традиция составлять скорбные песни в память об умершем или каком-либо бедствии восходит к глубокой древности. Уже в Танахе приводится элегия, написанная Давидом на смерть его близкого друга Йонатана, сына царя Шауля: «Как пали герои! Не сообщайте в Гате, не возвещайте на улицах Ашкелона, чтобы не радовались дочери Пелиштимлян, чтоб не ликовали дочери необрезанных. Горы Гильбоа! Ни росы, ни дождя да не будет на вас, ни полей плодоносных, ибо там осквернен щит героев! Щит Шауля не мазан елеем. От крови убитых, от тука героев лук Йонатана никогда не отступал, и меч Шауля не возвращался ни с чем. Шауль и Йонатан, любимые и приятные при жизни своей, и в смерти своей неразлучны; быстрее орлов, сильнее львов они были» (Шмуэль II, 1:23). Такие произведения получили название «кинот» — множественное число от слова «кина» (плач, причитание).

יִדְוֶה עָאֵי עֵי.

*רַעֲוִי אִיִּדְוֶה עָאֵי עֵי
עַצְמֵהּ «עֵיִרְוֶה דְּאֵי אֵי אֵיִ».*

1840-1860-א אֵיִ

В конце эпохи Первого храма уже существовали сборники подобных скорбных элегий. Один из них упомянут при описании похорон царя Йошиу (Иосии) — праведного, не неудачливого правителя Иудеи, погибшего в битве с египтянами: «И оплакал Ирмею Йошиу в песне скорбной; и поведали все певцы и певицы о Йошиу в скорбных песнях своих, [известных] до сего дня, и передали их потомкам, и они узаконились в Израиле; и вот они вписаны в книгу скорбных песен» (Диврей а-ямим II, 35:25). Как и бо́льшая часть упомянутой в Танахе еврейской литературы той эпохи, эти книги до нас не дошли. Сохранилась лишь написанная пророком Ирмею (Иеремией) составленная в жанре траурной элегии книга «Эйха» («Плач Иеремии»), оплакивающая разрушение Храма вавилонянами. (Первый стих этой книги стал

заголовком нашей статьи.) Это почувствовали еще древние читатели книги — в одном из греческих переводов ей предпослано предисловие: «И было после изгнания Иудеи и разрушения Иерусалима, пророк Ирмею сидел и стонал, произнося этот плач по Иерусалиму».

Как уже сказано, книгу «Эйха» читают во время поста 9 ава, когда евреи оплакивают разрушение Храма. Тогда же в синагогах читают специальные подборки кинот, созданных в память об этом и других национальных бедствиях. Древнейшие из них были составлены в Стране Израиля прославленным поэтом-литургистом Элизером Калиром. Созданными им образцами впоследствии пользовались и другие еврейские поэты: Шломо Ибн-Гвириоль, Йеуда Галеви, ашкеназские литургисты... В отличие от большинства традиционных молитв, кинот обычно писались сложным поэтическим языком, с многочисленными аллюзиями на библейские тексты и мидраши, в результате их чтение превращалось потом в своего рода разгадывание шарады. Так, в одной из элегий пророк Ирмею, покидая руины сожженного вавилонянами Иерусалима, встречает прекрасную девушку в запачканных одеждах. Пораженный пророк спрашивает, человек она или демон, и слышит в ответ:

В іа ааі іі, іі є іа мґаі еа, оаі даі іа еґ і даа

В — ааа і ааі аа Еґааеґ.

Аі-у іаі іа є о даа

І іа і і о і і о аі — іаі іа і і о ааа є аааа

І о і еґ і о аааа і о ааі аааа о є.

Є іаі іа і і о і ааі.

(І аааа і і е. — А. Я.)

Каждое из этих чисел связано с происхождением еврейского народа: один — праотец Авраам, три праотца — Авраам, Ицхак и Яков, двенадцать колен Израиля, семьдесят один член Сангедрина.

Сегодня кинот обычно читают после молитвы, однако в Средние века во многих общинах их произносили прямо во время молитвы амида в виде специальных вставок наподобие тех, которые сегодня читают в рош ходеш (новомесячье), Пурим или Хануку. Так, в первом благословении после слов «Ты — Царь, помогающий, спасающий и защищающий» нередко читали элегию Калира, написанную на основе стиха «Они заблудились в земле сей, заперла их пустыня» (Шмот, 14:3).

Поскольку кинот читают 9 ава, в большинстве из них оплакивается разрушение Храма, изгнание и опустошение Страны Израиля, однако другие трагические события еврейской истории также становились поводом для написания траурных элегий. Множество кинот было создано в XII веке после кровавых погромов, которыми сопровождалась Крестовые походы, а широко известная элегия «Шаали сруфа» была написана р. Меиром из Роттенбурга в память о массовом публичном сожжении Талмуда в Париже в 1242 году (по преданию, в тот день были преданы огню двадцать четыре телеги (!) еврейских книг).

Первый печатный сборник кинот увидел свет в Кракове в 1585 году и соответствовал традициям ашкеназских общин. Книга сефардских кинот увидел свет на пять лет позже в Венеции, где была напечатана «Книга четырех постов», куда вошла подборка траурных элегий.

В еврейской литургии кинот читают сразу после книги «Эйха». Традиционный порядок траурных элегий в разных общинах неодинаков. Чаще всего начинают с поэмы Элизера Калира, основанной на стихе «Вспомни, Всевышний, что с нами случилось» из книги «Эйха». Каждые ее два стиха заканчиваются рефреном: «Ой, что случилось с нами!» Заканчивают же чтение подборкой элегий, известной как «Сиониды», поскольку в них прославляется Сион (Страна Израиля) и оплакивается его опустошение.

Одна из наиболее знаменитых сионид была создана в XII веке прославленным раввином и поэтом, жившим в Испании, — Йеудой Галеви, которого за огромный поэтический дар называли королем поэтов:

*Òù æääæüèè àùá Ñèíí, ááðáé íò ááòáé òáíèõ,
 Í éáíáíúõ, ðáññýííúõ áááèè íò ííéáé òáíèõ?
 Ęç áéæáíèõ è ááèüí èõ ñò ðáí, í á áññ : áò ú ðáò ááò ðáò,
 Ñèíí, í ðéíèí áé ííééíí, í ðéááò ñúííáé òáíèõ!
 Ęáéçð òíñéó í íð è ñéáí, éáé áíáá, èüð;
 Í ááòò èè ðíñé ííé áí í ðáò í á ñ ðáò òáíèõ?
 Í í æææóííððí ñú : ááðí òòñý òáíè ñúí ú;
 В á áðòíð ñòáé òíáá è íæ í á í è ðáò òáíèõ!*

(Í áðíáíá Á. Ááçíáá-Áéíçááðá)

Кинот читают как вечером, так и утром 9 ава. Ашкеназские евреи читают в этот день утреннюю молитву, не возлагая тфилин и не облачаясь в цицит. Сефарды не придерживаются этого обычая и молятся 9 ава, как обычно, однако перед тем, как читать кинот, они снимают и талиты, и тфилин, подражая скорбящим, в первый день траура освобожденным от исполнения этих заповедей.

И книгу «Эйха», и кинот следует читать даже в отсутствие миньяна. Обычно это делают, сидя на полу или на низкой табуретке. Многие благочестивые люди не прекращают чтения траурных элегий вплоть до полудня.

9 ава запрещено изучать Тору, за исключением книги Иова, «Эйха», некоторых глав из книги пророка Ирмеяу, талмудических отрывков, повествующих о разрушении Храма и других национальных бедствиях, а также законов траура. В алахической литературе несколько раз поднимался вопрос, не распространяется ли этот запрет и на чтение кинот, однако практически все авторитеты отвечали на этот вопрос отрицательно.

В отличие от большинства сборников молитв, кинот написаны сложным поэтическим языком, с многочисленными аллюзиями на библейские и талмудические тексты. Поэтому в оригинале кинот не всегда понятны даже тем, для кого иврит является родным языком, русского же перевода кинот долгое время не было. В 2007 году издательством «Лехаим» был выпущен сборник «Плачи Девятого ава», в который, кроме библейской книги «Эйха», вошел стихотворный русский перевод всех сорока шести кинот, которые читают 9 ава в ашкеназских синагогах. Каждый плач снабжен комментарием, позволяющим понять если не все, то многие аллюзии. Стихотворный перевод в полной мере передает не только букву, но и настроение традиционных траурных плачей. Насколько мне известно, ничего подобного на других языках еще нет, так что русскоязычным евреям можно только позавидовать. Кроме того, в книгу вошла работа Меира Левинова «Храм, который мы потеряли», посвященная значению Иерусалимского храма в еврейской истории и традиции.

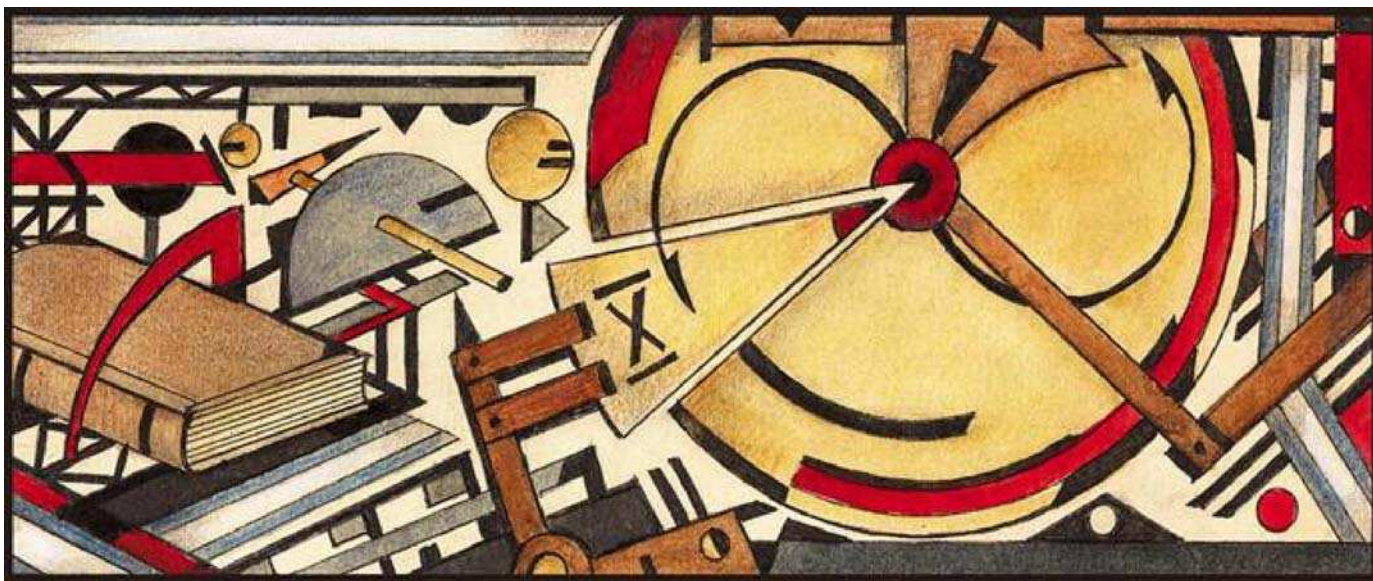
Во многих общинах было принято, уходя 9 ава из синагоги, оставлять там свой сборник кинот. По окончании траурного дня синагогальный служака собирал эти книги и относил их в генизу (специальное место для захоронения священных текстов). На следующий год накануне 9 ава покупались новые книги, которые затем также оставляли в синагоге. Разумеется, это делалось не для того, чтобы дать заработок еврейским издателям и книготорговцам. Поступая так, евреи тем самым демонстрировали упование, что до следующего 9 ава придет Машиах, Храм будет отстроен, изгнание закончится и необходимость в траурных элегиях отпадет навсегда.

По мнению Рамбама, в будущем все дни поста и траура, а также все связанные с ними законы будут отменены. Будем надеяться, что это произойдет уже при нашей жизни, и сборники кинот останутся актуальными только для ученых исследователей и библиофилов.

ДОБРОВОЛЬНО ИЛИ ПРИНУДИТЕЛЬНО?

Александр Фейгин

О большинстве заповедей мы знаем, что является их источником — Тора или слова мудрецов. Правда, рядовой «потребитель иудаизма» — еврей, живущий по еврейскому религиозному законодательству и не обременяющий себя регулярным, глубоким его изучением, — как правило, не пользуется этим знанием. Разделение заповедей на «де-орайта» (арам. «из Торы») и «де-рабанан» (арам. «из [слов] мудрецов») остается без применения. На самом деле классификация несколько сложнее — действия, которые еврей совершает, исполняя волю Творца, делятся на три категории: заповеди Торы или пророков, установления мудрецов и обычаи[1]. Все три вида законов следует соблюдать, но между ними есть иерархические отношения. Впрочем, оставим раввинам сложные и сомнительные ситуации.

Так, по поводу отделения десятины (см.: [Лехаим. 2011. № 6](#)) мнения законоучителей разделились. (Чтобы читатель мог понять важность и сложность этой на первый взгляд простой заповеди, мы решили привести все три мнения, хотя большинством практикующих раввинов в качестве закона принято третье.) Одни (напр., Баалей Тосафот, Мордехай) считают, что отделение десятины (или, по желанию, одной пятой) от прибыли является заповедью Торы. Другие (напр., Маариль, Таз) — что это установление мудрецов. Любавичский Ребе от имени основателя Хабада Алтер Ребе утверждает, что отделение десятины — установление мудрецов (Шаарей цдака, 80). Однако большинство (напр., Бах, Маарам, Пней Йеошуа, Хават йеор, Швуг Яков, Шеэлат Явец) считают, что это древний обычай, предшествовавший даже дарованию Торы, то есть берущий свое начало в жизни праотцев еще до возникновения еврейского народа.

В самом деле, об Аврааме сказано: «И отдал десятую часть от всего» (Берешит, 14:20). Его сын Ицхак «посеял в той земле и собрал в том году во сто раз больше, и благословил его Всевышний» (Берешит, 26:12) за то, что отделял десятину (Раши. Там же). Яков обещал: «От всего, что Ты дашь мне, десятину отдели» (Берешит, 28:22).

Кроме общей обязанности отделять десятину по Торе, словам мудрецов или обычаю есть и особая «динамика необратимости». Тот, кто принял на себя отделение десятины и сделал это более трех раз, не может «передумать» (даже если речь идет о местном обычае, ведь в таком случае повседневная практика приобрела статус обета). Даже если вы не произносили вслух обещание отделять десятину и даже не думали об этом, — повторение действия создает эффект обязательства. А обет сильнее установления мудрецов (Хават йеор, Хатам Софер), и порой его нарушение может оказаться и нарушением заповеди Торы (р. Ш.-3. Ойербах, р. М. Кляйн).

Если отделение десятины является решением общины города или многолетним, пусть не оформленным в виде письменного устава обычая общины, ни один из ее членов не вправе независимо решать, как вести себя в этом вопросе (Риваш, Хават йеор, Хатам Софер).

Если ваши родители или их родители имели обыкновение отделять десятину, вы не вправе прервать семейную традицию, уже приобретшую силу закона, как сказано: «Не оставляй Тору матери твоей» (Мишлей, 1:8).

Отделение десятины имеет временные рамки. Тот, кто держит при себе отделенную десятину, задерживая ее передачу по назначению, нарушает, по словам Рамбама, запрет Торы «не задерживай» (Дварим, 23:22).

Казалось бы, чем больше цдаки дает человек, тем лучше. Многие так и поступают, говоря: я уж точно даю больше одной десятой. Такой подход, разумеется, лучше нежелания давать цдаку, но отнюдь не идеален или рекомендован. Раздающий пожертвования щедро, не делая точного расчета, конечно, исполняет заповедь цдаки, но его бизнес не получает от этого никакого преимущества по сравнению с другим. Тот же, кто точно отделяет десятину (или пятую часть), ведет себя со Всевышним как честный деловой партнер. И Всевышний ведет их совместное дело как честный партнер (Ават хесед, 2, 2:6).

Точный расчет важен и с точки зрения еврейской мистической традиции: обычай отделять именно десятую часть (или две десятые) «имеет тайное основание и содержит в себе тайну» (Авкат Рахель, 3; Пеле йоец, мем).

Хотя закон и не запрещает отделять десятину приблизительно, на глаз, все же не следует приобретать такую привычку: это приводит к общей небрежности в делах и в исполнении заповедей (Дерех хаим, Тосфот Йом-Тов). Раббан Гамлиэль^[2] любил повторять (Авот, 1:16): «Сделай своим наставником знающего [букв.: сделай себе раввина]^[3], и избегай сомнения, и не привыкай отделять десятину на глаз». Внимательный читатель Мишны заметит, что последние два слова стоят в странном порядке: если передать игру слов по-русски, вместо «отделять десятину на глаз» сказано «десятинить глазомером» — לעשר אמתו вместо לפרוט תמא — возможно потому, что имеется в виду не неточное отделение десятой части, а отделение десятой части от неправильно рассчитанной базовой суммы. (О том, какая сумма должна служить базой, какие доходы учитываются, а какие нет, какие расходы следует из «базы» вычесть, а какие нет, мы поговорим в последующих статьях.)

Разумеется, пожертвования можно раздавать щедрой рукой, не ограничиваясь точной десятиной, но и в этом случае стоит произвести строгий и точный расчет, отдать десятину или две, а затем — отдельно — сколько душа просит.

Запрет раздавать более пятой части также основан на важном принципе: «Раздающий щедро пусть не раздает больше пятой части, чтобы он сам не нуждался потом в помощи людей» (Установление общины в Уше. Ктубот, 50а). Однако это ограничение, вводящее «потолок» пожертвования, касается не всех. В Шульхан арухе (Йоре деа, 249) устанавливается, что тот, кто может раздать более пятой части, не пошатнув своей экономической самостоятельности, раздает столько, сколько нужно бедным. Современные великие раввины высказывались в том смысле, что все же не следует раздавать более пятой части, если только это не связано с понятием спасения жизни (р. Моше Файнштейн. Игрот Моше, Йоре деа, 1, 143 [на основании слов Рамы в Шульхан арухе]). Иные (Минхат Ицхак, 5:34) считали, что люди состоятельные, положению которых не повредит превышение нормы в 20%, могут давать цдаку и в большем размере — это будет похвальным.

Во второй половине XX века Любавичский Ребе не раз говорил, что с приближением Избавления отделение пятой части (Ребе обычно говорил: «близко к пятой части») становится нормой не только для богатых, но и для людей среднего достатка (письма от 12 ава 5714 года, 23 элула 5714 года, 12

тевета 5715 года, 25 хешвана 5720 года и т. д.). Ради освобождения евреев из заключения любой человек может дать более пятой части своего дохода (р. Моше Файнштейн).

Для людей баснословно богатых нет максимальных ограничений (Хохмат адам, 144:10) — они могут раздавать сколько пожелают. Инициатива Билла Гейтса и Уоррена Баффета, призывающих своих соседей по рейтингу «Форбса» отдать на нужды благотворительности половину своего состояния, вполне может служить еврейским миллиардерам образцом для подражания.

[1]. *Не стоит пренебрежительно относиться к этой категории. Следовать обычаю — не «хорошая привычка», а обязанность, основанная на словах Писания: «Слушай, сын мой, поучение отца твоего и не оставляй Тору матери твоей» (Мишлей, 1:8, в толковании Псахим, 50б) и «Не отклоняйся <...> ни вправо, ни влево» (Дварим, 17:11; Рамбам. Законы об отступниках, 1:2). Не все привычное можно считать обычаем. Не становится обычаем поведение, принятое среди необразованных, а тем более не соблюдающих Закон евреев. Не становятся обычаями привычные действия, если они вошли в жизнь общины по ошибке или в связи с временными обстоятельствами, более не действующими (Маарашдам, респ. Йоре деа, 40). Например, хотя наши предки ходили в синагогу пешком не только в дни, когда ездить нельзя, но и в будни, мы вполне можем пользоваться в будни современным транспортом. Обычай не устанавливается в отношении обстоятельств крайне редких, не повседневных (Сдей хемед, 4, 40:37). Часто говорят: «Обычай Израиля — это Тора», цитируя комментарий Тосфот к трактату Менахот, 20б. И в любом случае, в своей религиозной практике стоит положиться на обычаи предков, ведь «Сыны Израиля, если и не пророки, то потомки пророков» (Псахим, 6ба).*

[2]. *Танай первого поколения, глава Сангедрина, I век.*

[3]. *Р. Овадья из Бертиноры объясняет выбор глагола так: сделай себе раввином одного, не учишь то у одного, то у другого.*

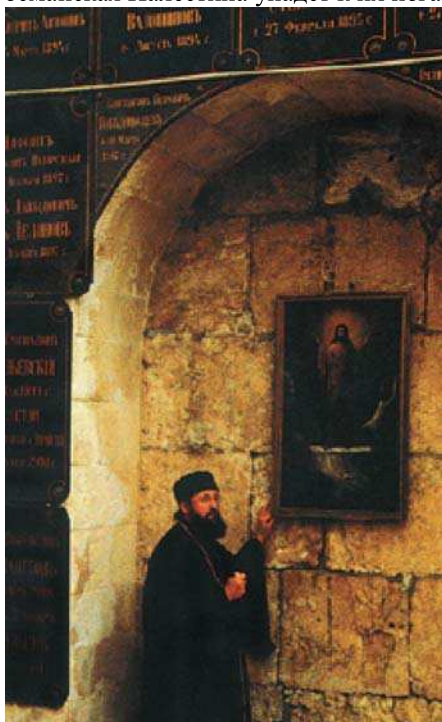
ЛЕХАИМ АВГУСТ 2011 АВ 5771 – 8(232)

ПРИСУТСТВИЕ И ИНТЕРЕСЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЗЕМЛЕ ИЗРАИЛЯ

Александр Яновицкий

Страна Израиля, называемая также Палестиной, – земля трех религий. Евреи, мусульмане, христиане почитают ее как святую. Здесь родилась христианская религия, что всегда давало христианам всех направлений основание считать эту землю христианской. На святых для христианства местах издавна сосуществуют учреждения католические и протестантские, православные и армяно-григорианские, и это всегда придавало Стране Израиля и особенно Иерусалиму подлинно интернациональный характер. После окончания Крестовых походов в XIII веке христиане уже не имели политической власти в Стране Израиля; с тем большим рвением различные христианские конфессии, а равно и христианские державы, считавшиеся их заступниками, соперничали друг с другом, стараясь приобрести в Стране Израиля влияние и взять под свой контроль главные христианские святыни.

Город Иерусалим оказался в фокусе внимания европейских держав и США после окончания наполеоновских войн, а еще больше после 1829 года, когда Греческое королевство добилось независимости и стало ясно, что Османская империя распадается. За Иерусалим соперничали Англия, Франция, Россия, Пруссия и США. Каждая держава стремилась застолбить свое присутствие в Святом городе. В этом соперничестве религиозные цели были неотделимы от политических: каждое церковное учреждение – церковь, монастырь, школа или больница – было проводником влияния страны, которая его открывала. Церкви – католическая, православная или лютеранская – стремились укрепить свое влияние на Святой Земле; державы – Франция, Россия, или Германия – ждали, пока османская Палестина упадет к их ногам, и готовились к этому моменту.

Ἄ ὁδοὺς ἡμῶν ἄρα ἡμεῖς ἴδομεν. 1990 ἄ

Так, в 1834 году русское правительство выдало деньги на восстановление монастыря Св. Саввы, разрушенного землетрясением; оно финансово поддерживало и другие православные учреждения. В 1841-42 годах было основано англиканское епископство в Иерусалиме. Тогда же, по совету России, православный (греческий) патриарх Иерусалима перевел свою резиденцию из Константинополя в Иерусалим. В ответ на это

папа Пий IX в 1847 году восстановил в Иерусалиме Латинский патриархат – шаг, укрепивший более всего влияние Франции в регионе.

Россия вступила в борьбу за гегемонию в Иерусалиме и в Земле Израиля в целом в эти же годы. Цель ее была двоякая. С одной стороны, она, как православная держава, стремилась не допустить захвата большинства христианских святынь католиками и протестантами («инославными церквями»), а наоборот, хотела превратить их в православные святыне места. С другой стороны, Россия стремилась к политической гегемонии в этой важнейшей провинции угасавшей Османской империи, а путь к этой гегемонии лежал через религиозное присутствие. В 1847 году в Страну Израиля была направлена первая русская духовная миссия – характерно, что направил ее не Синод, а Министерство иностранных дел. В 1858 году было учреждено русское консульство в Иерусалиме.

Важной стороной деятельности по укреплению русского присутствия в Стране Израиля было подчинение всех православных общин страны русской патриархии. До этого общины – большинство православных в Палестине составляли арабы, меньшинство греки и другие – были подчинены греческому Иерусалимскому патриархату. Стремление оттеснить греческую иерархию и взять православные общины под русское управление преследовало не только политические цели: русские упрекали греческое церковное руководство за то, что оно не противодействует успешной католической и протестантской миссионерской деятельности среди православных Сирии и Палестины; однако попытка «русификации» церкви не могла не повлечь конфликта с греческим клиром.

Àëä íà Áíðíáííêëé æáííêëé ì íí àíðò ùðíá Yéí-Èáðáí á

Главным признаком русского присутствия в Земле Израиля были паломничества православных подданных России на святыне места. До Крымской войны 1853–1855 годов паломничество было стихийным. Оно шло через Кавказ и Малую Азию, что было опасным – только 50% русских возвращались из таких паломничеств живыми и невредимыми. Далее, паломники вынуждены были полагаться на греческие монастыри, которые весьма неохотно предоставляли русским хлеб и кров. Греческие священнослужители не знали русского языка и не могли, например, паломника исповедовать. Русской церкви необходимо было наладить организованные паломничества и создать для паломников опорные пункты.

В 1856 году Хатт-и Хумаюн, указ османского правительства, разрешил иностранцам покупать земли в империи. В 1860 году русские купили участок рядом с Яффскими воротами Иерусалима, примыкающий к Яффской дороге. Раньше на этом месте был «майдан» – плац-парад турецкого гарнизона. Приобретенный участок окружили высоким забором с воротами на двух каменных столбах и начали строительство церкви, которая была бы видна всякому путешественнику, въезжающему в Иерусалим со стороны портового города Яффо. Хотя русские ставили забор для защиты от грабителей, многие воспринимали это как военное сооружение и смотрели на стройку с подозрением: не собираются ли русские разместить здесь свой гарнизон, когда Палестина перейдет из рук Турции в руки России? Построенный на огороженном участке Свято-Троицкий собор был освящен в 1872 году; со временем добавились дом духовной миссии и два странноприимных дома – Сергиевское подворье и Николаевское подворье. Тут же располагались больница и консульство. Еще раньше, в 1858 году, в непосредственной близости от церкви Гроба Господня было затеяно строительство странноприимного дома, который бы вмещал несколько тысяч паломников. Здание таких размеров построить не удалось, вместо него в 1887–1891 годах было построено более скромное строение — Александровское подворье с церковью Александра Невского внутри. В странноприимных домах паломникам подавалась исключительно русская пища: щи, борщ, гречневая каша, черный хлеб, квас; некоторые продукты приходилось привозить морем из далекой России, и это стоило больших денег. Однако пилигрим, по мнению организаторов паломничеств в Палестину, должен был воспринимать эту страну как русскую и поменьше соприкасаться с ее арабским бытом и культурой. В 1882 году было основано Императорское палестинское

православное общество (ИППО) – не только для того, чтобы поддерживать паломничества и строить православные учреждения, но и чтобы пропагандировать русские святые места Земли Израиля в России.

Русская церковь укрепляла свое присутствие не только в Иерусалиме. На Масличной горе, рядом с городом, в 1880-х годах возвели церковь Вознесения и церковь Марии Магдалины. В церковь Вознесения был доставлен самый большой на Ближнем Востоке колокол, весивший шесть тонн. В 1906 году при ней был открыт монастырь. Звонница церкви была самым высоко стоящим строением в Иерусалиме и окрестностях, ее было видно за много километров; арабы называли ее Мускубия (от слова «Москва»). В 1880 году началось строительство Горненского монастыря в Эйн-Кереме, где уже был католический (францисканский) монастырь Иоанна Крестителя. Закладка монастыря шла с истинно русским размахом. Своим внешним видом и размерами монастырь должен был напоминать русскую деревню; он исполнял также функцию странноприимного дома. Годом открытия монастыря можно считать 1893, когда на его территории была освящена церковь Казанской Божией Матери. В 1894 году была построена церковь Св. Петра в Яффо, в 1906-м – церковь Св. Пророков в Хевроне, в 1913-м – церковь Св. Ильи в Хайфе. И это еще не полный список. Накануне I мировой войны началось строительство большой церкви Всех Святых на территории Горненского монастыря в Эйн-Кереме, которая, так же как Мускубия, должна была возвышаться над окрестностями, но строительство прервалось в связи с войной.

Визитация в Иерусалим в 1906 году

В начале XX века русское присутствие в Земле Израиля было значительным. В год страну посещало 12 000–14 000 русских паломников. К началу I мировой войны Русская духовная миссия (РДМ) и ИППО совместно владели 37 участками только в Земле Израиля (не считая Сирии), с восемью церквями и несколькими часовнями, двумя женскими монастырями, пятью больницами и семью странноприимными домами. К 1905 году в Палестине и Сирии действовали 93 школы с 10 741 учениками-арабами, где работали 417 учителей, из них 25 русских; арабских учителей с 1886 года готовила учительская семинария. Образование как в школах, так и в семинарии было бесплатным. В число обязательных предметов входил русский язык, кое-где – также русская литература. В женской школе в Аль-Изрии («Вифании») под Иерусалимом учили даже русские песни и русские танцы.

Преследуя свои духовные цели в Палестине, русская православная церковь сознательно помогала Российской империи укреплять свое влияние на Ближнем Востоке. Церковь и российское государство действовали рука об руку. Глава РДМ, архимандрит Антонин Капустин, в 1879 заявил: «Всю свою жизнь я был занят укреплением позиций России в Святой Земле, чтобы русские чувствовали себя здесь как хозяева, а не как гости». Деятельность по укреплению русских позиций в Стране Израиля, будь то позиции церкви или позиции Российской империи, именовалась «Русское дело на Святой земле». В начале войны русские мечтали выкроить из турецкой территории коридор, соединяющий Кавказ со Святой Землей, что не только облегчило бы путешествия русских паломников в Палестину, но и прочнее привязало бы эту территорию к России.

После войны и Октябрьской революции, когда Палестина находилась под британским мандатом, РДМ была подчинена синоду Русской Православной Церкви за границей – эмигрантской русской церкви, не признавшей главенство «большевистской» московской патриархии. Не получая достаточных доходов извне, РПЦЗ продала некоторые земельные участки. Теоретически с 1922 года владения дореволюционной русской церкви находились в ведении британского администратора, фактически – Карловицкого синода РПЦЗ. Такое положение дел поддерживалось британскими властями: англичане не хотели, чтобы собственность русской церкви перешла к Советской России.

Ἐπιπέλα ἰαεὶ ἰεὲ ἰῖεῶν Ἐιῶν. 1906 ἄἄ

Тем не менее, уже в мае 1923 года, вскоре после установления дипломатических отношений с Великобританией, недавно созданный Советский Союз заявил претензии на владения русской церкви в Земле Израиля. В своей ноте Форин-офису советское полпредство в Лондоне ссылалось на декрет 1918 года об отделении церкви от государства и национализации церковной собственности, по которому вся собственность русской церкви, в том числе и в Палестине, становилась государственной. Полпредство объявило всякие продажи земельных участков, подготавливаемые РПЦЗ, противоправными и потребовало допустить в Иерусалим особого полпреда СССР для управления русскими земельными участками и строениями на них. Британский МИД отвел требования СССР. Требования СССР входили в противоречие со статьей 14 мандата Лиги Наций на управление Палестиной; а важнее было то, что Советы выставляли свои претензии на церковную собственность тогда, когда в самом Союзе велась бешеная антицерковная пропаганда, закрывались и осквернялись церкви, преследовалось духовенство.

Положение изменилось, однако, в 1943 году, когда Великобритания и СССР стали союзниками в войне, а в СССР были восстановлены патриархия и синод. На решение Британии повлияло и то, что во время войны Синод РПЦЗ занял пронемецкую позицию. В конце 1943 года Черчилль дал указание пересмотреть позицию Британии по данному вопросу, в 1946 году советским дипломатам было сказано, что против передачи собственности императорского правительства (нескольких земельных участков) Великобритания возражений не имеет, остальная же собственность подпадает под статью 14 мандата. Итак, вопрос о собственности Духовной миссии и ИППО повис в воздухе. К 1948 году, когда англичане аннулировали пост Верховного комиссара, русская собственность в Стране Израиля оценивалась в 100 миллионов долларов.

14 мая 1948 года была провозглашена независимость Государства Израиль. Молодое еврейское государство было благодарно Советскому Союзу за поддержку его борьбы за независимость и готово было пойти ему навстречу. В конце 1948 года в Израиль прибыла советская делегация, которой надлежало стать миссией Московской патриархии в Иерусалиме; таким образом, в городе появилось две русских духовных миссии. По окончании Войны за независимость, в конце 1949 года Израиль передал СССР собственность царской семьи, находящуюся на территории государства, а также передал миссии Московской патриархии, фактически также СССР, земельные участки и строения на территории Израиля, которыми до этого распоряжалась Духовная миссия РПЦЗ. Таким образом, из 37 участков, числившихся за РДМ, 18 участков остались за РПЦЗ, 11 отошли к Московской патриархии, а 8 были проданы с 1914 по 1948 годы как «имеющие мало ценности». В собственности РПЦЗ осталось все, что находилось на контролируемой Иорданией части Страны Израиля, в том числе в Старом Городе Иерусалима: Иорданское королевство не имело дипломатических отношений с СССР, и вести переговоры о русской собственности на иорданской территории Советскому Союзу было бы затруднительно.

Советская сторона не получила, однако, собственности Императорского палестинского общества и настаивала и на ее передаче. Израиль возражал на том основании, что СССР не является наследником ИППО. Тогда Советы в 1950 году поспешно создали Археологическое палестинское общество при АН СССР, объявили его правопреемником ИППО и потребовали от Израиля признания его права вести переговоры о собственности ИППО. Израильская сторона полагала, что этот вопрос может решить только суд. Советская сторона отказалась передать дело в израильский суд; конфликт затянулся.

В 1953 году, при разрыве отношений между СССР и Израилем, РПЦЗ начала переговоры с правительством Израиля о возвращении ей прежней собственности, доставшейся Московской патриархии. Переговоры с РПЦЗ насторожили и миссию МП, и Кремль: они показали Москве, что положение «русской собственности» в Израиле продолжает быть непрочным. Между Израилем и представителями советского

правительства начались переговоры о продаже русской недвижимости Государству Израиль; они затянулись на десять лет. Только в 1964 году было достигнуто соглашение. Согласно ему, Свято-Троицкий собор на Русском подворье в Иерусалиме и здание Духовной миссии, а также церкви в Яффо, Хайфе, Назарете и на горе Тавор (Фавор) оставались во владении МП, т.е. СССР; вся остальная собственность «красной церкви» продавалась Израилю за 4,5 млн фунтов стерлингов. В соглашении 1964 года оговаривалось, что одна треть этой суммы будет уплачена деньгами, а две трети будут погашаться в течение нескольких лет товарами, а именно – апельсинами, в результате чего журналисты начали называть это соглашение «апельсиновой сделкой». Судьба здания ИППО, в котором тогда располагался Верховный суд Израиля, осталась нерешенной. За всю русскую собственность, оставшуюся во владении МП и используемую израильскими структурами, Израиль обязался платить Советскому Союзу арендную плату.

В 1967 году в результате Шестидневной войны Израиль взял под свой контроль правый берег Иордана, до того удерживаемый Иорданией; под контроль Израиля перешли и владения РПЦЗ. На сей раз Государство Израиль не спешило передавать собственность «белой» церкви в руки «красной» церкви.

Несмотря на разрыв отношений, в 1968 году Московская патриархия обратилась к Израилю с просьбой передать ей собственность РПЦЗ в Восточном Иерусалиме, т.е. в Старом городе и на Масличной горе. МП несколько не остановило то, что СССР не признавал оккупации «Западного берега» и аннексии Израилем Восточного Иерусалима. Она потребовала также те участки и строения, которые находились в Хевроне и в Иерихоне. Сблaзн передать собственность РПЦЗ на оккупированных территориях Московской патриархии был велик: такая передача означала бы признание Советами де факто израильского суверенитета над «Западным берегом», но Израиль не отвечал два года. Только в 1969 году, во время визита в Иерусалим московского патриарха Пимена (Извекова), Израиль ответил, что этот вопрос находится в ведении Иордании. Израиль был намерен сохранить статус-кво.

Получение дореволюционной русской недвижимости Московской патриархией не исчерпывало ее задач. Недостаточно было принять в свои руки церковные здания и монастыри – их надо было поддерживать. Духовная миссия МП сразу начала все реставрировать, чего не могла себе позволить экономически слабая РПЦЗ. Не менее важно было и укрепить русское духовенство в Израиле, пополнить и омолодить его. Из СССР в Израиль начали прибывать молодые священнослужители и монахи. Например, настоятельница Фролова монастыря в Киеве под угрозой его закрытия согласилась на перевод шести сестер из своего монастыря в Горненский монастырь в Эйн-Кереме.

Духовная миссия Московской патриархии поставила себе и еще одну задачу: взять под контроль православные общины Израиля. В 1949 году, по окончании Войны за независимость, в Палестине насчитывалось около 60 000 православных, после раздела Палестины 19 000 из них оказались под суверенитетом Израиля, а остальные – под юрисдикцией Иордании. В 1948 году МП предложила выделить 250 000 фунтов стерлингов на реставрацию «русских владений» на территории Израиля. Москва очень хотела вернуть те времена, когда в русских школах Страны Израиль учили русский язык и пели русские песни.

Москва пообещала арабскому православному духовенству, что будет строить в стране церкви, школы и больницы и даже платить жалованье священнослужителям. Переговоры с представителями палестинской православной церкви в 1951–1952 годах вела не МП, а советский посол в Израиле Представители Москвы играли на растущем недовольстве арабов-православных греческим руководством в Иерусалимском патриархате; арабы, не понимавшие по-гречески, требовали арабизации церкви. Москва хорошо понимала, что арабизация церкви – необходимый промежуточный шаг в ее русификации.

Попытки Москвы вывести православные общины Назарета и других городов из подчинения иерусалимскому Патриархату не удалась. Однако немалые деньги, потраченные Москвой на эту операцию, не пропали: в частности, они помогли настроить арабское православное духовенство на просоветский лад. Священники устно и письменно хвалили политику СССР в области религии. Православные арабы в Назарете и других местах стали голосовать на муниципальных выборах за коммунистов. В 1952 году были проведены переговоры с иерусалимским патриархом Тимофеем, и тот не только согласился на поддержку патриархата Москвой в размере 100–150 тыс. долларов в год, но и запретил своим подопечным всякие контакты с РПЦЗ; советская сторона пообещала прекратить агитацию, направленную на раскол греческой православной церкви в Израиле.

В это время, в 1950–1960-е годы, в самом СССР борьба с религией, прервавшаяся было в 1940-е годы, возобновилась и шла полным ходом. Хрущевские годы были отмечены безудержной и грубой антицерковной пропагандой и разрушением церквей. А в Израиле Советский Союз боролся за каждое церковное строение и за каждый клочок земли, принадлежавший русской церкви. По сей день русская церковь в Израиле громче возмущается тем, что в 1950-е годы власти Иерусалима оторгли от 23 гектар территории Горненского монастыря полосу земли на строительство шоссе, соединяющего Иерусалим с больницей «Хадасса», нежели антицерковными репрессиями тех же лет в России.

Перестройка в СССР интенсифицировала контакты между СССР и МП с одной стороны и Израилем с другой. В апреле 1986 года СССР попросил разрешения на посылку в Израиль консульской делегации, которая, в частности, должна была заняться советской собственностью в стране. В 1991 году была создана двусторонняя комиссия по вопросу о русской церковной собственности в Израиле, в 1993-м – возобновились паломничества из России в Землю Израиль. Вопрос о передаче собственности РПЦЗ Московской патриархии, однако, не сдвигался с места. За одним исключением: в 1997 году в ведение МП

перешел монастырь Святой Троицы в Хевроне. Бывший член московской Духовной миссии в Иерусалиме иеромонах Марк (Головков) писал в журнале International Affairs (vol. 44, 1998):

«Юбилейный год [1997, год 150-летия РДМ – А.Я.] был ознаменован возвращением Московскому патриархату русского монастыря в Хевроне. Утром 5 июля начальник Русской духовной миссии архимандрит Феодосий получил ключи от монастыря, добровольно сданные представителями Зарубежной церкви. Оба насельника обители выразили желание перейти в Московскую патриархию. Незадолго до этого события город был передан израильскими властями руководству новообразованной Палестинской автономии. Осуществляя передачу монастыря, палестинцы исходили из того, что только Московский патриархат является единственно законной Русской православной церковью, а значит, и владельцем всего ее имущества».

Несколько иначе эту процедуру описывала израильская русскоязычная газета «Вести» (9 июля 1997 года):

«5 июля, около 11 часов утра, на территорию принадлежащего Русской православной зарубежной церкви монастыря в Хевроне въехали джипы палестинской полиции. Полицейские потребовали, чтобы обитатели монастыря покинули его в течение 24 часов. В сообщении, присланном вчера в “Вести” начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандритом Варфоломеем, говорится, что такого рода визиты “различных групп сил безопасности Палестинской автономии случались почти ежедневно начиная с 7 июня вплоть до 5 июля, когда наконец вооруженные палестинские полицейские взяли монастырь”.

Вот описание некоторых сцен, данное в сообщении архимандрита: <...> “Сначала были взломаны двери в жилой корпус, монахам было приказано собрать вещи и убираться. <...> Полисменам было твердо заявлено, что мы не покинем монастырь, не оставим собственности нашей Русской православной зарубежной церкви.

С прибытием одного из главных полицейских чинов, который кричал на наших монахинь и употреблял бранные выражения, события начали приобретать жестокий характер: нас всех стали вытаскивать на улицу за руки, за ноги, а когда мы пытались сопротивляться, держась за что-либо, – начали бить. Игуменью Иулианию волочили по полу женщины-полицейские, полные ненависти. Ее несколько раз ударяли головой о каменные ступени. Сейчас она находится в больнице <...>. Инокиню Наталию били женщины-полисмены в живот, им помогали и мужчины-полицейские, ударяя ее головой об стену. Инокю Анемподисту и послушнику Владиславу надели наручники, заломив руки за спину. <...> При всех этих событиях присутствовали представители Московской патриархии: начальник их миссии, архимандрит Феодосий, иеромонах Гурий и несколько монахинь из Горненского монастыря. Также наблюдал за событиями представитель русского консульства. Так свершилось ‘преподнесение подарка’ Московской патриархии от руководства Палестинской автономии.

Как сообщила вчера радиостанция “Коль Израэль”, палестинские источники полагают, что распоряжение Ясира Арафата о насильственном выдворении обитателей монастыря связано с недавним визитом в Бейт-Лехем московского патриарха Алексия. Мы связались с членом Русской духовной миссии в Иерусалиме игуменом Марком, и он сообщил нам, что хевронский монастырь является собственностью Московской патриархии, хотя на протяжении

десятилетий он находился под контролем Русской православной зарубежной церкви. По его словам, 5 июля была восстановлена справедливость, и монастырь был возвращен законным владельцам. Представитель же посольства России в Израиле заявил в ответ на запрос “Вестей”, что никто из дипломатических представителей России 5 июля в Хевроне не был.

Двое монахов из хевронского монастыря недавно изъявили согласие перейти в подчинение Московской патриархии, но трое остальных монахов и четыре монашки решили сохранить лояльность РПЦЗ»

С 1997 года многое изменилось как в Стране Израиля, так и в русской церкви. В 2007 году произошло примирение РПЦЗ с РПЦ (московской), РПЦЗ, не теряя своей самостоятельности, подчинилась Российской православной церкви, и борьба за передачу Московской патриархии собственности РПЦЗ потеряла свою остроту. С другой стороны, после Норвежских соглашений 1993 года на территориях, оккупированных Израилем в 1967 году, была образована Палестинская автономия; за последующие годы Палестинская автономия приобретала все больше черт государства. Совершенно естественно то, что РПЦ и власти России, одинаково заинтересованные в дальнейшем укреплении русского присутствия в Стране Израиля, ведут диалог не только с Государством Израиль, но и с Палестинской автономией, под контролем которой находятся, кроме Хеврона, такие важные для христианства города, как Бейт-Лехем (Вифлеем) и Иерихон. Как показывает хевронский инцидент, власти ПА оказались гораздо отзывчивее к требованиям Москвы, нежели Израиль.

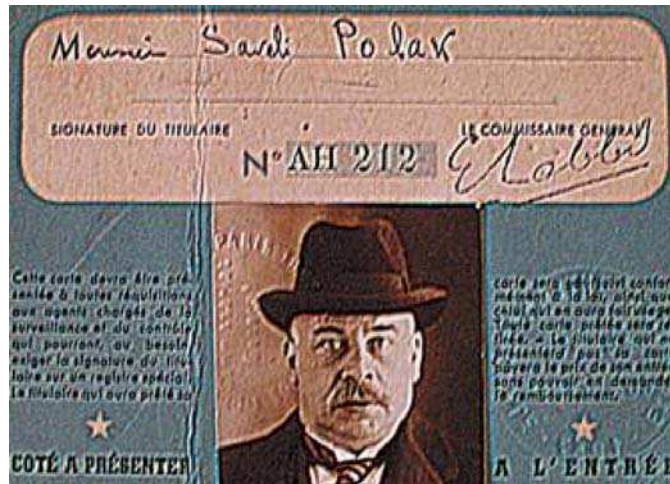
В 2008–2010 годах ПА передала правительству России несколько участков земли в Бейт-Лехеме и Иерихоне. РПЦ пока что не будет строить там церквей – потому, вероятно, что православных верующих недостаточно. Но Российская Федерация строит в Иерихоне российский культурный центр и при нем исторический музей, а в Бейт-Лехеме — российский культурно-деловой центр. Впрочем, это уже дела, лишь косвенно касающиеся Русской православной церкви и ее интересов в Палестине.

Деятельность РПЦ, поддержанной правительством России, продолжается и в Государстве Израиль. В 2003 году было возобновлено строительство церкви Всех святых на территории Горненского монастыря, прерванное I мировой войной. В 2007 году эта церковь – прекрасный образец русской церковной архитектуры – была освящена. К десяткам христианских домов молитвы в Иерусалиме добавился еще один, а город украсился еще одной достопримечательностью.

2 августа

Владимир Хазан

История этой семьи заслуживает подробного исследования, которое, надо надеяться, будет когда-нибудь предпринято.

וואס ווערען אירעם א א ו נ נאליע י יעב

Глава семейства Поляк — Гирш (Григорий) Абрамович Поляк (?—1897), уроженец Слуцка, ставший со временем нижегородским жителем, начинал в 1870-х годах как один из организаторов пассажирско-грузового пароходства на Волге. Позднее, в 1880-х годах, он был основателем и первым владельцем широко известного в России общества нефтеналивных пароходов «Мазут». Пароходы эти курсировали от Каспия вверх по Волге, сбывая нефть и нефтяные продукты. После смерти Г. А. Поляка общество перешло по наследству к его сыновьям — Савелию и Михаилу, а также мужу одной из дочерей — инженеру-химику Бейлину. В начале XX века могучая нефтеторговая империя Поляков не только не распалась, но стала еще богаче и солиднее: компаньоны вступили в союз с семейством Ротшильд, и фирма «Мазут» стала частью крупнейшей нефтяной компании «Shell», занимавшейся, в частности, добычей нефти на юге России[1]. Еще до начала первой мировой войны братья Поляк, последовав совету Э. Дж. Ротшильда, стали акционерами «Shell», и потому большевистский переворот, от которого они бежали за границу, хоть и ударил по их финансам, но не разорил.

У Гирша Поляка и его жены Елизаветы Соломоновны (урожденной Коварской) было три сына и две дочери. Самый старший, Соломон, хотя и был формально совладельцем товарищества «Г. А. Поляк и Сыновья», связал свою судьбу не с предпринимательством и коммерцией. В отличие от братьев Савелия и Михаила, вошедших в дело отца и ставших его реальными хозяевами, он проявил себя на медицинском поприще. Одна из дочерей, Соня, вышла замуж за инженера Гинцбурга; в 1920-х годах они проживали в Германии, а после прихода к власти Гитлера перебрались в Англию. Мужем другой дочери стал упомянутый выше инженер Бейлин, компаньон Савелия и Михаила Поляков.

Соломон Григорьевич оказался, пожалуй, самым известным из второго поколения семейства Поляк. Он родился в 1859 году в местечке Свеняны Виленской губернии, в 1879-м окончил классическую гимназию в Нижнем Новгороде, куда к тому времени перебрались его родители, и поступил в Санкт-Петербургский университет на юридический факультет, приобретя в 1883-м степень кандидата прав. Однако, столкнувшись, по-видимому, с царившими в России условиями, при которых попасть еврею в адвокатское сословие было крайне затруднительно, он окончил курс императорской Военно-медицинской академии и в 1892 году стал доктором медицины. Соломон Григорьевич дослужился до статского советника — 5-й чин в Табели о рангах Российской империи. Вполне заметен был он и в еврейской политической и общественной жизни: в 1916 году — наряду с крупными еврейскими деятелями (М. Варшавским, И.

Абельсоном, бароном А. Гинцбургом, Б. Каменкой, Г. Слизбергом и др.) — входил в состав Хозяйственного правления, представлявшего по сути верховный орган еврейской общины в российской столице. В 1920 году тайно покинул Петроград и перебрался через границу в Финляндию, а оттуда — в Германию. В середине 1920-х переехал в Париж. 14 января 1937 года его не стало[2], похоронен на кладбище Монпарнас. У него была дочь и два сына, имя старшего, Льва, еще будет упомянуто ниже.

Средний брат, Савелий Григорьевич (?—1940), был по образованию адвокат. Будучи одним из директоров общества «Мазут», он также входил в совет Азовско-Донского коммерческого банка и в Восточно-Азиатское нефтяное товарищество. Несмотря на громадное состояние, Савелий, равно как и его брат Михаил, жил крайне скромно, почти ничего на себя не тратя. По свидетельству знавшего его журналиста Г. Света, Савелий, живя в эмиграции в Париже, ютился в небольшой комнатухе «Гранд-Отеля», у Большой оперы. Здание отеля, оцениваемое во много миллионов, одно время было собственностью братьев Поляк, однако Савелий довольствовался там скромной комнатухой[3].

Как и Михаил Григорьевич, Савелий Григорьевич никогда не был женат и не имел детей. В общественном смысле он почти никак себя в эмигрантской жизни не проявил, хотя его смерть и была отмечена некрологом в крупнейшей газете «русского Парижа» «Последние новости». Нельзя не упомянуть, что именно в его петербургской квартире С. Ан-ский впервые прочитал свою знаменитую в будущем пьесу «Дибук». Во время чтения присутствовал Ф. Сологуб, о чем очевидица этих событий впоследствии вспоминала:

А́и-нѣе́е́ е́аґа́нґи́ іа́дд́и́и́ е́ :е́оа́е́ о́еб́е́и́, іа́нґе́іе́іе́і́ о́іу́е́і́и́ н̄е́і́и́и́. І́і́н̄е́а́ :о́а́іе́у́ іа́-а́е́н̄і́ іа́дд́е́у́. Н̄е́о́о́а́о́а́е́ і́о́е́е́е́і́е́е́н̄і́ н̄і́а́дд́е́а́і́ і́а́ «о́а́і́ о́а́н̄о́е́-і́і́н̄о́у́» і́р̄а́éáóá, і́і́а́-а́d̄ééán̄у́ о́d̄d̄ú і́n̄óú і́і́n̄óáі́ і́áéé і́ín̄í. N̄áí áí Áí-нѣе́е́, і́і́ááéáі́ і́úé, і́á áíód̄áéáé. Áád̄d̄ú ád̄p̄c̄áééáí áí áóáén̄у́ áí óíá óí ód̄í і́é-а́áóéé N̄і́ééíáá <óáé!>: «І́óíóúá n̄éíáá! І́á і́ííȳéé n̄éóáéíú Ááóáé ád̄d̄í ú, éááé óíd̄éán̄óáá éр̄ááé і́áá n̄ ád̄óíр̄. Ýóí áíéíóáу́ c̄áí á-а́óáén̄í áу́ ááúí!» І́í n̄ d̄áq̄d̄áéáí éáí і́áb̄éíáó-éé óáíéq̄, ééáí óá і́á і́d̄íúáíéá і́áí і́í óÁí-нѣі́ ó І́n̄óááóéán̄у́ á n̄ óúáíéé n̄éíóí d̄áq̄íóéén̄í[4].

Младший из братьев, Михаил (24 апреля 1864 — март 1954), родился в Нижнем Новгороде. Как и два его старших брата, учился в Санкт-Петербургском университете, где окончил математический факультет. В 1908 году он впервые посетил Землю обетованную, незадолго до первой мировой войны направился туда во второй раз[5], затем приехал неоднократно, а в 1923 году переселился в Эрец-Исраэль окончательно, хотя жил там не постоянно, а бывал наездами, деля свою жизнь богатого промышленника и еврейского общественного деятеля между Хайфой и Парижем. В том же 1923 году, частично задействовав деньги Савелия, он основал в Хайфе цементное производство «Nesher Cement Works», которое существует по сей день.

Начиная с 1920-х годов Михаил Григорьевич вкладывал значительные суммы в экономическое развитие Эрец-Исраэль, финансируя или ссужая многочисленные большие и малые проекты. Прежде всего это касалось субсидий или пожертвований, которые шли на закупку земель, благоустройство на них репатриантов-евреев, развитие торговли и промышленности страны. Но сейчас хотелось бы коснуться несколько иной стороны его деятельности как финансиста и филантропа.

В бумагах Поляка сохранилось адресованное ему письмо с просьбой о финансовой поддержке еврейского еженедельника. И хотя эта просьба поддержана им не была и с его стороны, насколько можно судить, не последовало в данном направлении никаких практических шагов, тем не менее сам по себе этот документ представляет известную историческую ценность: как свидетельство (пусть и не воплощенного в жизнь) проекта борьбы с антисемитизмом посредством печатного слова и как неизвестная страница из истории еврейского меценатства. Автор письма — С. Л. Поляков-Литовцев, который вряд ли стал бы обращаться с подобной просьбой, если бы не был уверен, что адресат отнесется к ней, по крайней мере, внимательно.

Соломон Львович Поляков-Литовцев (наст. фам. Поляков; 1875–1945) — один из ведущих русских журналистов, поэт, драматург, прозаик, публицист, переводчик, мемуарист. Как корреспондент крупнейшей российской газеты «Русское слово» имел во время заседаний Государственной думы пропуск в ложу прессы, которую известный антисемит В. Шульгин не без ядовитого остроумия назвал «чертой оседлости» из-за обилия в ней журналистов-евреев. После большевистского переворота Полякову-Литовцеву в отличие от многих коллег по творческому цеху не пришлось эмигрировать на Запад, поскольку, являясь иностранным корреспондентом «Русского слова», он уже находился в Лондоне.

Деятельность Полякова-Литовцева в Лондоне не только как журналиста, но и как трезвомыслящего политического эксперта, глубоко и тонко разбиравшегося в международной обстановке, умевшего предсказывать ход грядущих событий и при этом глубоко честного и порядочного человека, высоко оценил дипломат К. Д. Набоков, дядя писателя В. В. Набокова, с мая 1917 года — глава российского посольства в Лондоне.

Γαεαίεαά οαίίυι έ ίίειέ μάαοίεεαίε, — писал Набоков в книге «Испытания дипломата», — έρβυυ έ, ίδεάάάάάοειέ έ ί ίά άίάάθπύ άοά έ υπύπύυ ί ύπее çà υόί άάυ ί, έρβυυ έ, έίόίόυ ί άί έίίόά αεçíε άάό άεάάάάάάί çà ίεαçáίίφ έί έ ί ίά ίόάάόάάίίφ ίίάάάεέά άύεε: άύάοέέ έίόάάίίίάάί ό «Γ ίάίά άάύ άίέ» Α. Ν. Αάίάέέέέέ-Αίεεάάόίάε: (82-ό έάόίέέ πύ άάέέ, -άέίάέ πύάάόάίί έπέερ:έόάέυίίά όί ά, πύάάά έ çáίέέ), άάάίέέ ί ίέ άόά Α. Α. Άεεάίέέί (άύάοέέ όάππéέ όέίάίπάίε άάίό ά Έίίάίά Άάοείάόίά έ Όίέέί), Ν. Έ. Ίίέυέίά-Έέόίάάά («Όάππéίά πéίάί») έ έάέόάίάίό Άάαç — πύάόέάέοέέ ίάάçáó πύ ίçάάάίίά ίά ίάόόείόά[6].

Цементный завод «Nesher Cement Works». 1930-е годы

Όάι αεά ά Έίίάίά ά 1919-1920 άάάό Ίίέυέίά-Έέόίάάά πύόόάίέ:άέ ά άεάίάάέυίέέά «The Russian Outlook», έίόίόύέ, έάέ ίίέάάέέ ίάέίόίόύά άύέ άπ πύάόάάίίυι αόόίάέεπύόπéέί έ εçáάόάέυίέέί άάόέυάί, ά ά 1921-1922 άάάό όάάάέόέόίάέ ά Άάόέέίά (άί άύόά π Έ. Ί. Ί άί άίίάίί) άαçάό «Άόυάοιάύ Όάππéυ», π1923-ά — ίάίπύ ίάάéπύ ά Ί άέεαά Ί άάάά άάίçíε αέόέάάίάέίά άόίόεάίέυ άί Όόάίόερ ίάάππéέéπύ ά ΝΟΑ, άάά άόίάέέ ά «Νίρç όάππéέό άάάάά», γάεγáοέéπύ ίόίάίέεαίέάί ά ίίάάό όπéίáευό άάγόάέυίίπύέ ίάάεαéíά Γάύάέίάίέύ όάππéί-άάόáéíéέ έίόάέέέάίύέέ. Όί άδ ίί ά Ίύρ-Έίόέά ίό πύόέίί ύ έάάέέ[7].

В годы эмиграции Поляков-Литовцев находился на самом острие противостояния и леволиберального лагеря, к которому кровно принадлежал, с намного превосходящим его числом правых радикалов. Один из представителей последних — писатель Н. Н. Брешко-Брешковский, идеологически объединяя Полякова-Литовцева и другого журналиста-еврея, П. Рысса, писал в предисловии к своему роману «Под звездой дьявола»:

Ά «Ίίπéαάίέό Ί ίάπύό» ίάά εçύόυέεπύ ά ίάέεαάίέέ έεάάόίέ:άέέί έ ίίί ίυί έ όάππéέ άόίέέ, άά άάίάάέίά άά Άάόόίάίίά Άίεαγ. Ί ίάόίόυέάπύ ίάέέάόγ ίπéίί έίό ίίέεγύόέίά ί όάέέέίίί ίάπύόάίίύό έάίάπéίάόόά, ί ύάάπéέό άί άάάέά, ί ά:όάρπύέό ί όάπύάάάάόέέ έ άάόάίέέ «çááίάάίέέ όάάίερβóέέ». Ί ίάίγέάπύ έάέγ-όί ίπύάόάίάέγ όόάάγ. Όόάάέέ π ίάίίέ ό όόά ίάίέίέύέέό άάπύόέίά όύππ: ί ό:άίέέίά-άίέόίά έ άάέέέίό μάεάέίερ Όάππá έ Ί ίέυέίάίό-Έέόίάάάίό εçάεαάέέό «πύόάίέέ» έ -όáçáí:άέέέ[8].

Михаил Поляк в Эрец-Исраэль. 1930-е годы

Приведенное письмо интересно во многих отношениях.

27 мая 1928 года Поляков-Литовцев принимал участие в проходившем в Париже диспуте «Об антисемитизме в Советской России». Главный пафос его выступления сводился к тому, что евреям и их «оппонентам» — злобствующим, но по-своему «прямым и честным» юдофобам — следовало бы встретиться и предельно откровенно выяснить, что каждой из сторон «не нравится» друг в друге. В результате таких дебатов, предполагал он несколько прекраснодушно, могли бы разрешиться сами собой обоюдная ненависть, затаенные обиды, недоверие и предвзятость, накопившиеся в ходе долгой истории совместного существования русских и евреев на одной земле.

Через два дня после диспута, 29 мая, под псевдонимом Литовцев, он опубликовал в «Последних новостях» статью «Диспут об антисемитизме», которая по существу представляла собой текст его выступления и призывала к спокойному диалогу семитов и антисемитов. В этой статье Поляков-Литовцев, в частности, писал:

...Для того, чтобы беседа была плодотворной и действовала оздоравливающее, было бы необходимо привлечь к спору несколько честных людей, которые возмели бы мужество объявить себя антисемитами и чистосердечно объяснили бы, почему они антисемиты, не ссылаясь при этом на «проекции иудаистического мессианизма», до которых сто одному из ста антисемитов решительно нет никакого дела... Просто, без лукавства, сказали бы: «мне не нравится в евреях то-то и то-то». А вместе с ними должны бы выступить несколько не менее искренних евреев с ответами: «а в вас нам не нравится то-то и то-то»... Можно быть абсолютно уверенным, что такой честный и открытый обмен мнений, при доброй воле к взаимному пониманию, принес бы действительную пользу и евреям, и русским — России...[13]

Выступление Полякова-Литовцева на диспуте и его статья в «Последних новостях», в которых поднималась крайне острая тема русско-еврейских и, шире, иудео-христианских отношений, не могли пройти незамеченными. И действительно, они вызвали разные реакции в эмигрантских кругах: ограничусь указанием хотя бы на заметки З. Гиппиус «Не нравится — нравится»[14]. Однако самой значительной реакцией и ответом на них, последовавшим из того мира, к которому Поляков-Литовцев, по сути дела, обращался и которому бросал перчатку, мира, где антисемитизм был не только «животным чувством», но и своего рода рационально оформленной идеологической системой, стала знаменитая книга В. Шульгина «Что нам в них не нравится» (1929). В самом ее названии — свидетельство того, что перчатка была поднята. Таким образом, появление одного из важнейших антисемитских текстов XX века, своего рода «декларации антисемитизма», было спровоцировано именно Поляковым-Литовцевым.

Вырезку своей статьи «о состоявшемся в Париже “диспуте об антисемитизме”» Поляков-Литовцев отправил Поляку в приведенном выше письме. Как из него выясняется, с Михаилом Григорьевичем он обсуждал саму идею «необходимости прямого и откровенного разговора между евреями и теми, кому мы не по душе». Именно вокруг этой идеи строился план задуманного им еженедельника.

Трудно сказать, насколько действенной с точки зрения служения еврейским интересам могла оказаться подобная площадка для дискуссий, однако несомненно, что опыт подобного издания был бы уникален не только в истории русской журналистики, но и в истории международного антисемитизма и борьбы с ним. Как опытный и проницательный журналист, Поляков-Литовцев хорошо чувствовал современные ему общественные настроения и понимал, что к антиеврейской ненависти российского происхождения в условиях эмиграции присовокупляется местный антисемитизм. В его представлении, судя по всему, либеральные, в том числе еврейские, ценности требовали защиты в международном масштабе, и новый печатный еврейский орган, следует думать, должен был охватить не только российскую диаспору, но и стать голосом мирового еврейства. В таком случае планируемое издание предполагалось, очевидно, на нескольких языках — русском, французском, английском и, возможно, даже идише[15], — всеми из них Поляков-Литовцев хорошо владел.

Νῆρι τῆ Ἐπιταφῆ: Ἰεῦερα Ἐξοταῖα Ἰσοδοῦ Δαῖτου Νασσέϋ Ἀδὰμ τὰς ἀΝιδεῖα

Другой интересный аспект публикуемого письма — упоминание о тайно-знаменитой встрече в Стокгольме в 1916 году, в самый разгар первой мировой войны, тогдашнего товарища председателя Государственной думы А. Д. Протопопова (1866–1918), позднее занявшего пост последнего царского министра внутренних дел, а еще позже расстрелянного большевиками, и немецкого банкира Ф. Варбурга. Протопопов ездил в Стокгольм во главе российской парламентской делегации для встречи с представителями стран-союзников. В состав делегации входили члены Государственной думы (П. Н. Милюков, А. И. Шингарев, А. И. Звегинцев и полковник Б. Н. Энгельгардт) и Государственного совета (В. И. Гурко, А. В. Васильев, гр. Д. А. Олсуфьев). Когда об этой секретной встрече стало известно в России, вспыхнул шумный общественно-политический скандал. О ней много писала российская пресса, обвиняя Протопопова в изменнических настроениях и ведении сепаратистских переговоров и приравнивая его поведение едва ли не к антигосударственному заговору. Поляков-Литовцев, находившийся тогда как корреспондент «Русского слова» в Стокгольме, знал обо всей этой истории из первых рук. 1 июня 1928 года, т. е. за несколько дней до письма Поляку, он опубликовал в «Последних новостях» воспоминания о Протопопове, где одним из центральных эпизодов стало повествование об этой встрече. По его глубокому убеждению, никакого заговора не было, а сама протопоповско-варбургская конфиденция носила достаточно пустой и бессмысленный политический характер.

Пустая, нелепая встреча, — писал Поляков-Литовцев. — Но в судьбе Протопопова она сыграла значительную роль. Она положила начало разрыву Протопопова с Государственной думой. Она сблизила его с реакционными кругами столицы, которые с этих пор стали узнавать в нем своего человека — одни потому, что Протопопов беседовал с немцем, другие — потому что потерял доверие «революционеров» прогрессивного блока...[16]

*Αεαεηηαδ Αι εοδεαεε: Ιδροηηηηα (ηηηααεηα), εδωηηε ρη εαεααεαο ε
ηδη ηοεαηεε, ηηεαηεε οαηεεε ι ειεηδ αη οοδαηεο αε ηηηεεηε ε ι'αδεε, α ηηαι εαεηαο η
αα ηη οδωηεεα ε. Ναι ογωηι 1916 αα*

Упоминаемый в письме Лев Соломонович Поляк (1882–1944?)^[17], сын Соломона Григорьевича и племянник Михаила Григорьевича, имел непосредственное отношение к встрече Протопопова с Варбургом, поскольку она происходила в номере отеля, который он снимал. Поэтому «стокгольмский эпизод» в тот «чудесный вечер, полный воспоминаний», о котором пишет Поляков-Литовцев, был для него, как можно предположить, ничуть не менее актуальным, чем для автора письма.

Остается только гадать, по какой причине проект Полякова-Литовцева остался неосуществленным и почему он оставил свои старания по организации еврейского еженедельника. Сыграло ли здесь свою решающую роль то обстоятельство, что он не сумел мобилизовать финансовые ресурсы, на которые главным образом рассчитывал, или в дело вмешались какие-то иные, сторонние факторы и причины? Не исключено, что сам инициатор этого проекта через некоторое время мог разувериться в эффективности идеи борьбы с антисемитизмом путем открытого обмена мнениями. Как бы то ни было, но план Полякова-Литовцева реализован не был — еврейский печатный орган подобного типа свет не увидел. В то же время примечателен сам факт тревожных предчувствий, которые посещали эмигрантскую русско-еврейскую интеллигенцию задолго до того, как роковые и трагические события европейского и мирового апокалипсиса стали исторической реальностью.

[1]. См.: Дижур И. М. *Евреи в экономической жизни России // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г.* Нью-Йорк, 1960. С. 178–179; Фурсенко А. А. *Парижские Ротшильды и русская нефть // Вопросы истории.* 1962. № 8. С. 29–42.

[2]. См. сообщение о его смерти: *Последние новости.* 1937. № 5774. 14 января. С. 1; через несколько дней в той же газете появился его некролог, написанный Г. Слиозбергом «Памяти д-ра С. Г. Поляка» (1937. № 5779. 19 января. С. 4).

[3]. Свет Гершон. *Спор из-за наследства Михаила Поляка // Новое русское слово.* 1957. № 16 154. 19 сентября. С. 2.

[4]. Эттингер Р. Н. *Писатель Ан-ский (Воспоминания) // Роза Николаевна Эттингер.* Иерусалим, 1980. С. 14.

[5]. Примерно в это же время в Эрец-Исраэль приезжал и Соломон Григорьевич, сопровождавший в этой поездке двух еврейских писателей — Ш. Аша и Д. Файнберга.

[6]. Набоков К. Д. *Испытания дипломата.* Стокгольм, 1921. С. 187–188.

[7]. См. некролог «Памяти С. Л. Полякова-Литовцева», написанный А. Седых (*Новый журнал.* 1945. № 11. С. 348–349).

[8]. *Брешко-Брешковский Н. Н. Под звездой дьявола. Нови Сад, 1923. С. 11.*

[9]. *1928. № 18. 17 июня. С. 23.*

[10]. *Рассвет. 1926. № 22. С. 11.*

[11]. *«Еврейская трибуна» — еженедельник, посвященный интересам русского еврейства; выходил в Париже в 1920–1924 годах.*

[12]. *Иностранный корреспондент «Русского слова» Илья Маркович Троцкий (1879–1969) был в годы первой мировой войны заподозрен в «патриотической нелояльности». Защищая доброе имя коллеги, Поляков-Литовцев отправил в газету письмо, в котором опровергал возведенные на Троцкого бездоказательные обвинения, см.: ОР РГБ. Архив газеты «Русское слово». Карт. 20. Ед. хр. 10. Л. 5–13.*

[13]. *Литовцев С. Диспут об антисемитизме // Последние новости. 1928. № 2624. С. 2.*

[14]. *Новый корабль. 1928. № 4. С. 22–26.*

[15]. *Кстати сказать, последний язык был для Полякова-Литовцева самым близким: русскому языку он выучился, когда ему миновало 17 лет.*

[16]. *Поляков-Литовцев С. Из воспоминаний журналиста (А. Д. Протопопов в Стокгольме) // Последние новости. 1928. № 2627. С. 2–3.*

[17]. *Как и его сестра, художница Елизавета Соломоновна (1891–1940-е), во время второй мировой войны был арестован немцами во Франции, депортирован в Германию и погиб в лагере.*

ДАНИИЛ ХАРМС:

«ВСЕ ВСЕ ВСЕ ЕВРЕИ ПАФ»

Элиша Зинде

Великий антисоветский писатель Даниил Иванович Хармс (Ювачев), основоположник литературы абсурда, не был евреем. Он был русским. Но в мире, окружавшем его, было очень много еврейского — друзья-евреи, коллеги-евреи, красивые еврейские женщины, каббала, наконец. Это просто не могло не отразиться в творчестве Хармса.

*Î òãã Ááí èèèà Òãðî ïà Èãáí Î ááëí àè: P áá: áá
Ôî òí 1930-ò áããã*

ØÀËÏÌ ÁÁ-ÀÕÁÁÁ

Даниил Ювачев появился на свет 17 (30 по новому стилю) декабря 1905 года. Его отец, Иван Павлович Ювачев, по этому случаю записал: «Пришел батюшка и стали решать вопрос, как назвать сына. Сообща решили назвать Даниилом. Во-1) сегодня память Даниила, 2) 12 дней тому назад в 6-м часу видел во сне его, 3) по имени его “Суд божий” можно назвать и свои личные страдания 14 дней в революции России; 4) самый дорогой пророк для меня, из которого я строю свою философию...»[1]

По этой записи можно понять, что отец Даниила был глубоко верующим человеком, православным и мистиком. Его дорога к религии была непростой. Член «Народной воли», мичман Черноморского флота Иван Ювачев был в 1884 году приговорен к смертной казни, замененной пятнадцатую годами каторжных работ. В заточении и произошло его обращение к религии. На каторжном острове Сахалин Ювачев начал свою писательскую карьеру — под псевдонимом Миролубов он описывал жизнь ссыльных.

В 1895 году Иван Павлович был освобожден с каторги досрочно, затем совершил кругосветное путешествие, после чего в 1899 году поселился в Санкт-Петербурге, где и родился его сын Даниил.

На свободе он продолжил писать. Названия книг говорят сами за себя: «Восемь лет на Сахалине. Записки ссыльно-каторжного», «Паломничество в Палестину к Гробу Господню: Очерки путешествия в Константинополь, Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет и Грецию», «Шлиссельбургская крепость», «Между миром и монастырем», «Тайны Царства Небесного». Некоторые сочинения подписаны уже упомянутым псевдонимом «Миролубов». На обложке одного из дневников отца Хармса тот же псевдоним записан древнееврейскими буквами — «Шалом ве-ахава» — «мир и любовь»[2].

Древнееврейский язык Иван Ювачев начал учить в ссылке, на Сахалине. Вероятнее всего — чтобы лучше понимать Писание. 13 декабря 1887 года он пишет письмо родным с просьбой прислать ему книги, в том числе и «учебник древнего (библейского) еврейского языка»[3].

DOËÍ Û ÊÁÁÁÁËÛ

Подобно отцу, Даниил Иванович Ювачев был верующим, предпочитал подписываться псевдонимом и тоже учил древнееврейский. Хотя и не очень усердно.

Слово «кабала» (так, с одним «б») у Хармса встречается уже в одном из самых ранних стихотворений «Землю, говорят, изобрели конюхи» (1925). Кроме «руин кабалы» в стихотворении упоминаются также «валоамова ослица», и «сын Авроамов»[4].

16 ноября 1926 года Хармс заносит в записную книжку:

Í è áí áý òáë Áááááí.

2á [Ø. è] Á. è Ò.

217-81. XV á Èíòòáí Ì áýá ÇÁÁÁÁËËËÍ

[ÇÍÁÁ] ÇÍÁÁ — Ñëýí èá XII

*Áóòòáá Ì áèðèíé (ááòòðèáò) ðíáèèýý á Ááíá á 1868 á Áíáðáíá áóòòóí èè á íá:áòè á 1902
ááá Áí èáí 1915 á*

*Òáðí:íáý èáðà (á èáðòó) tarok èèè tarot òí æá ÷òí ááðáèíèíá Tora — çáèíí, èèè
áðááí ááèí ááèíá tarot — áíí ðíòááí úé, èèè çáí ááèíá ñèíáí — tarisk — ý òðááòþ íòááòà*

Ðáááè ááí-Áèèáá — áíòðáòèè ñáí íáí ñáý.

*Èçðáí è íèíá ííçíáíèý áíáðá è çáà è ííòóóíáò í á: áðááí áèýíèèè è íòááááòóóí òó íèíá
æèçíé.*

Ýííòá ñ çéááí èý Òáèí óáá ðáíí ááááòíý í à òðè íáðèíáá:

ñòááíá (éí èæí èéíá), òáí ááá (ó:èò áèé) è áí íðáá (òíèéí áàò áèé).

Ñóíáíò ááò ááá Òáèí óáá: Í áèáíò èííèè è Áááèèííèèè.

Òáèí áèçí.

[Ááèýòáí] Ðáááè Èíðíèý Áááè Øáí: íáèááò áèý áíáðíá èí áí è (òáò.)

Ðáááè Í áóí áí èá èç Áðáèèááá[5].

Попробуем расшифровать запись. В пивной на углу Хармс и Введенский пили пиво. Потом там (или в другом месте) состоялась беседа, в которой участвовали Хармс и Введенский (Шурка), а также, возможно, две дамы. То ли в ходе этой беседы, то ли вскоре после нее Хармс узнал о книге Густава Майринка «Голем», иудаизме, хасидизме, каббале. От Введенского или кого другого — непонятно.

От рассказов знакомых Хармс переходит к литературе. Запись, скорее всего, сделанная в ноябре 1926 года:

Í ÷áðèè ÊááááèÛ. Ý. Òðááèè 1886 á èçá

[Í èèèýò. Áíèèòíðá Ðííáíèíáí]

Áëääèì èð Ñîëîáîîá VIII èèè IX òîî . Î Êääääèá

Ñèíááá Ñàòáí ú. Î òááúòááèíá

Òàèì óáè-áíèèè ðáíèíè.

Î èíí áááú ðáòèíí áèèíò ú Óáíèáú [6].

Запись с каббалистическими терминами, сделанная в том же месяце:

Ñáéòá Ðáèèè Ñáòáð Êáèèðá

Î áááèèá (Î áððááá) Ñáòáð Áá-ááðáð

Î áððááðèí ííèí

Êáííèá Êèíááèèè

Beîá Áðñéí

Книгу Разиила, разумеется, правильнее именовать сефер, мистику Колесницы — маасе меркава, а «Книгу света» — Сефер а-баир. Но это мелочи, как сказал бы сам Хармс, «так всегда выглядит в моем написании».

26 ноября 1926 года Хармс сочиняет стишок, герой которого получает еврейскую фамилию, а место действия совпадает с местом повлиявшей на Хармса беседы о каббале:

Beîá Êáéáññíí ðññæíéé

áñé á í éáñíé. Ê ý áñé òàì

ñí ñéáçæ í íá ý í èðñæíéé

В î òáñòéé: ííííéàì [7].

В начале декабря обладатель теофорного имени «Б-г — мой судья» записывает расшифровку теофорных имен архангелов:

«Ì èðáéé Êòí éáé Á-á

Áááðééé Ì óæ Á-á

Ðàòáèé Áðá-ú Á-æéé

Óðééé Ìáñíú Á-æéé

Ñáéááééé Ì íééòáá Á-æéý

Êáññééé Óáñéà Á-æéý

Ááðáðééé Áéááññííááí éá Á-æéá [8].

И опять маленькая ошибка — не Саладилл, а Салафиил (Шеалтиэль).

В декабре Хармс продолжает поиски специальной литературы («Jean le Pavey. Le Zogar. Несколько томов»[9]) и гадает на Библии, насколько удачен будет новый роман.

В марте 1927 года Хармс рисует в записной книжке табличку в три столбца. В левом — цифры с 1 до 22, в среднем — русские названия букв древнееврейского алфавита, в правом — сами буквы, написанные довольно коряво, с исправлениями. Писать, похоже, было нелегко, дело дошло только до буквы «мем»[10]. На соседней странице — перерисована известная каббалистическая схема сфирот[11].

С каббалистической схемой соседствует вполне абсурдистский текст: «Часть кельтов спасаясь от брутесс выселились из отечества (около 10 000 лет до Р. Х.) и добрались через страны занимаемые черными до местности, теперь называющейся Аравией. Это были те кочующие Кельты или Бодоны, часть которых позже, после тысячи превратностей, составила Еврейский народ»[12]. Примерно в то время, когда была записана эта история, в январе 1927 года, Даниил Хармс начал нюхать эфир.

В записной книжке появляется не только древнееврейский алфавит, но и записанные русскими буквами слова на недревнееврейском, он же идиш: «Ахоxm — остряк. Ахосm — жених. Азоxm — вей»[13].

Со временем еврейско-каббалистическая тема затихает, но не исчезает из записных книжек Хармса совсем.

Лето 1928 года — «Сефер Иецира (Гилхот Иецира) (книга творения) (правило сотворения)»[14]. Тогда же — «Ражбэ Шим-ойн, бен ие хои — основатель каббалы. (Запись каббалы.) I–II в. п. Р. Х.»[15].

Январь 1931 года. Новая книжка, новая таблица — в четыре столбца. Порядковый номер, буква ивритского алфавита (на этот раз написаны все 22 буквы и гораздо увереннее), название карты таро, ее значение[16]. В той же книжке, ближе к концу, снова древнееврейский алфавит — с русскими названиями букв, которые записаны в ашкеназском произношении («бейс» вместо «бет», например) и ошибками. Рядом[17] с древнееврейскими буквами — тетраграмматон и в русской транскрипции гам зу литейво — распространенная присказка гам зо ле-това («и это к лучшему»), идущая от известного талмудического рассказа о рабби Акиве.

КУФ КУФ КУФ

Древнееврейские штудии Хармса отразились и в его творчестве. Октябрь 1929 года. Стихотворение, начинающееся строчками «Все все все деревья пиф», содержит такие строки:

Āīā āīā āīā īēāāyī ā ī ēō

āīā āīā āīā āāāē ī āō

āyī āyī āyī Dīīēy īōō [18].

В стихотворении «Лапа», написанном летом 1930 года, один из героев зовется Ангел Капуста. По ходу развития сюжета он становится Копустой, Коптустой, Хлампустой, Хлемпистой. Ни у одного хармсоведа не приводится четкого объяснения этому имени, но возможная разгадка в переводе с/на древнееврейский. Капуста — крув, херувим — тоже крув. Получается — ангел Херувим[19].

В написанном тем же летом стихотворении «Мечь» в какой-то момент возникает смесь звукоподражания древнееврейскому с русским:

ēōō ēōō ēōō

ī dāīō īē āēē ī āō

ōāōō īāāī ē çāī ēy

Nāāō īēāāī ōāy.

Чуть ниже идет строфа:

ēūūō īy āāī y

ī ēō āōīī

īō īīōō āōōōīy

ī ōōāō īō īōīī [20].

Братья — возможно (про абсурдистские стихи вообще сложно говорить определенно), сыновья первосвященника Аарона Надав и Авигу, пожранные небесным огнем за свое прегрешение (Ваикра, 10:1-2).

Библейскую аллюзию можно предположить еще в одной строфе, оставшейся только в черновом варианте стихотворения:

īēāāē ōā āāāē

ēāē ī īāēīī īēīōāā

אָא אַ אָא è אָא צױ עײ[21].

Видимо, имеется в виду процесс сотворения мира, самое начало книги Берешит.

Летом 1933 года Хармс разрабатывает секретный шифр, который использует для записей на наиболее интимные темы. Шифр довольно простой: каждая буква русского алфавита всегда заменяется одним и тем же знаком. Две буквы поразительно похожи на древнееврейские: «а» на «тет», «и» — на «хет»[22].

Без каббалы тоже не обошлось. В одном из классических рассказов — «Макаров и Петерсен. № 3»[23] — присутствует таинственная книга, о которой надо говорить возвышенно и даже мыть руки прежде, чем ее касаться. Книга называется МАЛГИЛ. Название это, с одной стороны, довольно похоже на мегила («свиток»). Можно здесь угледеть и другие ивритские корни, в том числе ведущие к слову голем.

К слову, о големе. Книга Густава Майринка «Голем» была одной из любимых книг Хармса. «Он очень любил книгу “Голем” <...> и часто ее перечитывал. Для Дани “Голем” был очень важен. Я даже не знаю почему. Он о ней много говорил, давал мне читать. Это была, так сказать, святая вещь в доме»[24], — вспоминала Марина Малич, вторая жена Хармса.

В списке любимых авторов, составленных Хармсом, Майринк соседствует с другими авторами, писавшими на еврейскую тему: Шолом-Алейхемом, Перуцем и Менделе Мойхер-Сфоримом[25].

И разумеется, нельзя пройти мимо самого псевдонима «Хармс». Кроме версий происхождения из английского, санскрита, древнегреческого языков есть и древнееврейская версия. Херем — «запрет», «анафема», «отлучение». Известный хармсовед Валерий Сажин указывал в этой связи на дневниковую запись: «Вчера папа сказал мне, что пока я буду Хармс, меня будут преследовать нужды. Даниил Чармс. 23 декабря 1936 года»[26].

Даниил Ювачев подписывался и другими псевдонимами, их у него было множество, «Даниил Хармс» был любимым, но не единственным. Осенью 1934 года он занимался подбором возможных новых псевдонимов, записывая варианты в записную книжку. Среди вариантов присутствуют как звучащие западноевропейски, так и по-еврейски: «Хабам. ХАРМС. Хомес Хомен ШАРОН. Даниил ШАРОН... [Даниил Хельгот. Даниил Хельган[д]г] Даниил Хельганг... Даниил Иванович Дандан Дондон Даниил Дандан ... [Даниил Дадан. Данан. Дадан. Шадан. Шаден»[27].

«X ÒÏ ÆÁ ÊÀÑÀÒÑB ÁÂDÁÁÁ, ÒÏ Á Í ÈÕ x ÒÏ-ÒÏ ÁÑÒÛ»

Можно предположить, что в изучении древнееврейского языка и традиций Хармсу помогал кто-то из ближнего окружения.

Марина Малич вспоминала: «У нас было много друзей-евреев, прежде всего у Дани. Он относился к евреям с какой-то особенной нежностью. И они тянулись к нему»[28].

Наиболее вероятные кандидаты в «учителя» Хармса — двое членов домашнего содружества поэтов и философов «Чинари», куда входил и сам Хармс. Это Яков Семенович (Шимелевич) Друскин (он же Яшка Друскин в хармсовском написании) и Леонид Савельевич Липавский.

Хотя русского «чинаря» Введенского тоже не стоит списывать со счетов (вспомним разговор в пивной). В пользу Друскина — фамилия, указывающая на происхождение предков из местечка Друскеники (нынешнего литовского Друскининкая). В пользу Липавского — высказывания на тему еврейских

древностей, записанные в ходе разговоров «чинарей». Так, когда «чинари» называли списки вещей, которые их интересуют, Хармс, в числе прочего, вспомнил про каббалу[29]. В списке Липавского — «предки, евреи»[30].

Во время одной из встреч «чинарей» Липавский рассказал друзьям понравившееся ему описание «радости водочерпания» (древнего обряда праздника Суккот) из Еврейской энциклопедии: «Кто не видел радости водочерпания, тот не видел радости в своей жизни. Благочестивые люди и общественные деятели плясали перед народом и распевали хвалебные песни, а хор левитов, расположенный на пятнадцати ступенях, ведших из мужского отделения в женское, играл на разного наименования инструментах, распевая в это же время псалмы восхождения. Член синедриона, правнук Гиллеля, раббан Симон бен Гамман не стеснялся жонглировать для увеселения народа, подбрасывая и подхватывая восемь горящих факелов, без того, чтобы они на лету не сталкивались. Настроение было глубоко религиозным. Одни восклицали: Блаженна наша молодость, что за нее не приходится краснеть нашей старости. Другие же пели: Блаженна наша старость, что искупила грехи вашей молодости!»[31]

Фрагмент еще одной «чинарской» беседы. Хармс (Д. Х.), Савельев (Л. Л.) и Дмитрий Дмитриевич Михайлов (Д. Д.), «распивая водку и закусывая копченым сигом», обсуждали различия народов:

А. А.: *Áðááíéá áðáéé ÷óáíðáíááéé ðíéúéí íðííððáííðáí, ááðáé — ðíéúéí áðáí ý... Ííéááéáíéá ÷óáíðáí áðáí áíé í ðíýáéýáðííý íðáéáá áíííí á íáíááéáíéé é ñ áí á ííéíéáíéé, é ðíáéáíéð. Íí í íáéíí ñíðííéðú, íí:áí ó áéá ðíááá ó ááéíá áúéé í éðú, é íðéúáá ó ááðáá ñíííáíííðú é éíí ì áð:áíéíé ñí áéóéýóéé. Β ðíéééð ýòí éáé ííéðé:áíééá ýéíéðáí áí òú, ÷óéáúá éí.*

É. É.: *Áíá ýòí ñððáéíí íáðí:íí. Íðííððáííðáí íááí íá íðíðéáíííððááéýóú áðáí áíé, á áíáíáéðú éç íááí. ×òí éáíááðííý ááðááá ðí ñí áéóéýóéý éíí íáð:áíéáý — ñáíððá ñí áéóéýóéé ðééííðíé. Ó ááðáá ííðááý íðí:íííðé é á íáýçé ñ ýòéí ñððáí éáíéá íðééðáíéðúííý é ááíéððííí ó ðííéá íí íáí ó íí óáíððá, áíýçíú íðíáéíóéáééçí á. Ýòí é áíòú ðí, ÷ðí éðí-ðí íáçáéé ñáí éðé:áíéíé ñáðúçí ííðúð...*

Á. Ó.: *Íáé ñíííá ááéáíéý áííáúá í:ááéáíí, íáíðááééáí. Í ú éáé áú ííéúçáííý óáéúí é ÷éíéáí é, á á íðéðíáá ááíéóú íðíðíáýð íá éáééð-ðí áðíáýú ×òí áéáéáíáðííý ááðááá ðí á íéð ÷ðí-ðí áíòú éáéíé-ðí éíí í áíí*[32].

И еще один разговор «чинарей». Николай Заболоцкий (Н. А.) и Липавский обсуждают Друскина (Я. С.):

Í. Á.: *Áúòúáú Β. Ñ. ááðáéíééí íá:áð:ééíí, á íí ñáééííý ñííóéé é íòòíáá ðííéóáó.*

É. É.: *Áíí áéáíééé áú ðíááá óáíðíáááðáðé éáð, óáé ÷ðí áí ó íá íóéíí áúéí áú íá ýòíí áóí áòú Áéá á áú ðááí óáéá, á íí íðáááááéííý í óáðííðé é ííéúçíááéííý íí:áðíí é óááéáíéáí* [33].

ÉΡΆΕΙΪ ÚÁ ΑΕΑΪ ÚΕΪΪ ÚΆΕΪΪ Ϊ ΆΕΪΪΕΟΪ ΪΆΆ-ΟΑΔΪΪΆ

В литературных произведениях Хармса евреи далеко не всегда упоминаются в положительном контексте. Например, «Рабинович, тот который лежал под кроватями, который не мыл ног, который насилывал чужих жен»[34]. Или вот такая стихотворная строчка:

òú-ñ òú-ñ òú-ñ òú-ñ

òí òú é áéá, á áíí áéá éúí[35].

В рассказе «Обезоруженный, или Неудавшаяся любовь» (Трагический водевиль в одном действии)[36] некий Лев Маркович пытается соблазнить даму и вдруг обнаруживает пропажу инструмента соблазнения. Персонаж является полным тезкой одного из знакомых Хармса — прозаика и переводчика Льва Марковича Вейсенберга.

В антисемитизме Хармса заподозрить сложно. Так, работая над переводом «Плиха и Плюха» Вильгельма Буша на русский, он выкинул пятую главу оригинала, выдержанную в антисемитском тоне[37].

В чем же дело? Мне видятся два возможных объяснения. Во-первых, нелюбовь Хармса к представителям власти. Возможно, не случайно вымышленный Рабинович возник вскоре после знакомства с реальным Лазарем Коганом, следователем секретно-политического отдела ГПУ. В 1929 году Коган допрашивал первую жену Хармса Эстер Русакову и членов ее семьи. Вскоре Хармс написал:

á yò í é é ì ì í à ò á È Ì á ì

í í á ñ ò ì é ì ì á à ð e a è í á á ì

á y ò í ò á á è È á ù è è è

á ó é ì á ÷ á ð á ì í á á ì á è è

è é é ì ÷ á è á ì é ì ñ ò ð á ì á è

В ñ è á á è è ò ð á ì á ò á è [38]

Пройдет еще два года, и Коган будет допрашивать подследственного Хармса. В 1938 году Лазаря Когана, разумеется, расстреляют.

«Политическую» версию подтверждает следующая запись в записной книжке, сделанная 14 июля 1933 года. «Видел отвратительный антисемитский фильм “Сквозь слезы”»[39]. Фильм «Сквозь слезы, или Страницы прошлого», снятый в 1928 году по рассказам Шолом-Алейхема режиссером Григорием Гричером-Чериковером фактически на экспорт, для проката в Соединенных Штатах, чудом дошел до наших дней. Картину принято считать шедевром советского еврейского кинематографа. Почему «антисемитский фильм»? Большинство зрителей-евреев видели и видят в фильме Гричера-Чериковера репортаж из прошлого, ностальгию по канувшим в Лету местечкам. Хармса не трогала романтика штетла, зато явно мешала вторая составляющая фильма — Шолом-Алейхема в картине мощно приправили советской революционной пропагандой.

Второе возможное объяснение нелюбви Хармса к отдельным евреям состоит в том, что он очень любил евреек:

В í á è ð á è ð ð ù è è ò á á ì ù è í.

Á ð ù è á á ÿ á á ì ù è í á, á á á ù á í í ò ó á á á ò á ÿ, á á á ù á í í ò ó á á á ò á ÿ

Ò è ð è í ò ù í á ð á è ð è í ò ù í!

Á á á ù á í í ò ó á á á ò á ÿ, —

Ý ò í á ð ÿ í ù í!

Ó á! ó á! ó á!

В è ð á è ð í í è í ù ò á á ð á è!

Á ì ò ý ò í í ð á è á ñ ò ù í!

Á ì ò ý ò í í ð á è á ñ ò ù í!

Á ì ò ý ò í,

á ì ò ý ò í,

ai'ò yoi' i' da'e' ai'ò u' [40]

Еврейкой была первая жена писателя — Эстер Русакова. «Она была француженка, еврейка-француженка»[41], — свидетельствовала вторая супруга, Марина Малич. Среди многочисленных возлюбленных Хармса еврейки также попадались нередко.

Любовь Хармса к еврейкам, как платоническая, так и плотская, разумеется, неоднократно зафиксирована в его творчестве. Например, в стихотворении «Люблю порой смотреть в окно...» (1936–1937):

B' ai' e' ai', i' de' i'ò a' e' u' i' m' i'ò ð' b'

A' e' e' o' i' i' i' e' i' a' a' i' i' e' i' e' a' a' d' a' e' e' e'

N'ò a' d' a' y' i' i' i' d' i' : e'ò a'ò u' a' : a' d'ò a' d' a' i' e' e' o' a'

Ça' e' i' i' u' a' e' i' i' e' e' o' : a' d' [42]

Или в рассказе «Упадание (Вблизи и вдали)», где действуют две героини по имени Ида Марковна, одна из них голая[43]. Еще более откровенные фантазии выплескиваются на бумагу в безымянном рассказе 1940 года, начинающемся словами «Я не стал затыкать ушей»:

Голая еврейская девушка раздвигает ножки и выливает на свои половые органы из чашки молоко. Молоко стекает в глубоку<ю> столовую тарелку. Из тарелки молоко переливают обратно в чашку и предлагают мне выпить. Я пью; от молока пахнет сыром...[44]

В мире сексуальных и литературных фантазий Хармса еврей-мужчина виделся соперником, а сам герой и автор вполне логично обретал еврейские черты:

Ái' e' e' a'ò y'ò e' a' e' e' a' i'ò i' : e' e'

Á i' u' e' a'ò e' i' e' a' e' i' a' e' i' : e' e'

x' a' i' i' i' n'ò o' : a'ò i' a' i' i' e' i' : e' a'

Á y' i' e' a' o' a' a' d' i' i' e' i' : e' a' [45]

В 1933 году рождается цикл рассказов о Гиммелькумове[46]. Персонаж этих рассказов обладает рядом привычек самого Хармса, по крайней мере, его лирического героя. «Гиммелькумов смотрел на девушку в противоположном окне. Но девушка в противоположном окне ни разу не посмотрела на Гиммелькумова. “Это она от застенчивости”, — думал Гиммелькумов». «Кончился табак и Гиммелькумову нечего было курить. Он сосал пустую трубку, но это еще больше увеличивало пытку. Так прошло часа два. А потом табак появился».

Фамилия Гиммелькумов, наполовину состоящая из третьей буквы древнееврейского алфавита «гимель», как отметил хармсовед Феликс Кувшинов, перекликается с именами двух персонажей майринковского «Голема» — собственно Големом и раввином Гилелем[47].

ремесленником, водоносом, дровосеком, учителем математики в вечерней школе, редактором в издательстве. Окружающие не подозревают о его святости, чудеса «ламед-вовник» творит тайно. Возможно, Даниил Хармс с присущей ему скромностью считал «ламед-вовником» себя. «Это будет рассказ о чудотворце, который живет в наше время и не творит чудес». Он знает, что он «чудотворец и может сотворить любое чудо, но он этого не делает. Его выселяют из квартиры, он знает, что стоит ему только махнуть платком, и квартира останется за ним, но он не делает этого, он покорно съезжает с квартиры и живет за городом в сарае... и в конце концов умирает, не сделав за свою жизнь ни одного чуда»^[49].

Даниил Хармс умер даже не в сарае, а в психиатрическом отделении тюремной больницы. Рукописи его должны были погибнуть в разбомбленном доме на улице Маяковского. Тому, что мир Даниила Хармса существует до сих пор, все мы обязаны человеку, который, шатаясь от дистрофии, прошел по февральскому блокадному Ленинграду с детскими саночками, чтобы взять эти рукописи и сохранить их, — «ламед-вовнику» Якову Шимелевичу Друскину.

[1]. Александров А. А. Краткая хроника жизни и творчества Даниила Хармса // Хармс Д. Полет в небеса: Стихи. Проза. Драммы. Письма. Л., 1988. С. 538.

[2]. Вступительная статья Е. Н. Строгановой к: «Мне кажется, я люблю ее и любил искренно...» Эпистолярный дневник Ивана Ювачева // Новый мир. 2001. № 6.

[3]. ГАТО. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 3. Конв. 2. Л. 20. Цит. по: Примечания Е. Н. Строгановой, А. И. Новиковой // Там же.

[4]. Хармс Д. Полное собрание сочинений. СПб., 1997–2002. Том 1: Стихотворения. С. 31. Здесь и далее все тексты Хармса приводятся с соблюдением орфографии и пунктуации автора.

[5]. Там же. Записные книжки. Ч. 1. С. 99–100. Квадратными скобками здесь и далее обозначен текст, зачеркнутый автором.

[6]. Там же. С. 101.

[7]. Там же. С. 104.

[8]. Там же. С. 114.

[9]. Там же. С. 115.

[10]. Там же, С. 138.

[11]. Там же. С. 139.

[12]. Там же. С. 138.

[13]. Там же. С. 144.

[14]. Там же. С. 237.

[15]. Там же. С. 239.

[16]. Там же. С. 400.

[17]. Там же. С. 416.

[18]. Там же. Т. 1: Стихотворения. С. 101.

[19]. Там же. С. 128–146.

[20]. Там же. С. 153.

[21]. Там же. С. 375.

[22]. Там же. Записные книжки. Часть 2. С. 153.

[23]. Там же. Т. 2: Проза и сценки. Драматические произведения.
С. 343–344.

[24]. Глоцер В. И. Марина Дурново. Мой муж Даниил Хармс. М., 2000. С. 78.

[25]. Хармс Д. Записные книжки. Часть 2. С. 191.

[26]. Там же. С. 190.

[27]. Там же. С. 98, 106, 109.

[28]. Глоцер В. И. С. 78.

[29]. Хармс Д. Записные книжки. Часть 2. С. 20.

[30]. «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2-х т. / Сост., подгот. текста и коммент. Л. Друскиной, В. Сажина, А. Машевского. М., 2000. Т. 1. С. 176.

[31]. Там же. С. 176–177.

[32]. Там же. С. 196–197.

[33]. Там же. С. 212.

[34]. Хармс Д. Т. 1. С. 128.

[35]. Там же. С. 157.

[36]. Там же. Т. 2. С. 159–160.

[37]. Анисимов С. Кто вы, Даниил Хармс? Рец. на кн. Александра Кобринского «Даниил Хармс» // Booknik.ru: Еврейские тексты и темы. 31.10.2008 (<http://booknik.ru/reviews/non-fiction/?id=27878>).

[38]. Хармс Д. Т. 1. С. 126.

[39]. Там же. Записные книжки. Часть 2. С. 17.

[40]. Там же. Т. 1. С. 194.

[41]. Глоцер В. И. С. 57.

[42]. Хармс Д. Т. 1. С. 328.

[43]. Там же. Т. 2. С. 152–153.

[44]. Там же. С. 158–159.

[45]. Там же. Т. 1. С. 266.

[46]. Там же. Записные книжки. Часть 2. С. 10–11.

[47]. Кувшинов Ф. К анализу рассказа Хармса «Гиммелькумов смотрел на девушку...» // «Странная» поэзия и «странная» проза: Филологический сборник, посвященный 100-летию со дня рождения Н. А. Заболоцкого. Новейшие исследования русской культуры. Вып. 3. М., 2003. С. 250–258.

[48]. Хармс Д. Т. 1. С. 87–92.

[49]. Там же. Т. 2. С. 163.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИУДАИКА: 200 ЛЕТ СПУСТЯ

Аркадий Ковельман, Авигдор Шинан

Этим летом в Москву по приглашению проекта «Эшколот» приезжал Авигдор Шинан, профессор кафедры еврейской литературы Еврейского университета в Иерусалиме, специалист по библейской экзегезе, мидрашам и таргумам. Шинан побеседовал с профессором Аркадием Ковельманом, заведующим кафедрой иудаики ИСАА МГУ, об алахе, агаде, еврейской культуре и науке.

Начнем с самого начала. Почти 200 лет назад в Германии родилась «наука о еврействе» (Wissenschaft des Judentums). Из нее вышла академическая иудаика, о которой мы сейчас говорим. Кафедры и центры иудаики в наши дни есть почти повсюду — от Гарварда и Йеля до МГУ и СПбГУ. Научным журналам нет числа. Но добилась ли «наука о еврействе» того, на что рассчитывали ее отцы-основатели? Или мы имеем дело с историческим поражением?

«Наука о еврействе» была частью еврейского Просвещения (Хаскалы), частью секуляризации еврейства. Деятели Хаскалы (Мозес Мендельсон и другие) видели в иудаизме не только религию, но и культуру. Они считали, что возможно изучать иудаизм, не будучи религиозным евреем и даже не будучи евреем вообще.

В Талмуде слово «тарбут» (культура) всегда употребляется с прилагательным «злой», «дурной». Злая, дурная культура. Как могли основатели «науки о еврействе» отойти от этой традиции, основать «Общество культуры и науки евреев»?

Я думаю, что плохая культура — это зло. Но есть и культура хорошая. Культура — это рост, то, что растет. Латинское слово «культура» и еврейское слово «тарбут» имеют тот же корень, что и глаголы «расти», «выращивать». Культура — это философия, этика, эстетика, литература и религия. Религия — часть культуры. Я думаю, что первые историки еврейской культуры, такие, как Авраам Гейгер и Леопольд Цунц, были религиозными, но по-своему.

Известно, что «наука о еврействе» претендовала на особый религиозный статус. В Германии XIX столетия именно историки и филологи, основатели «науки о еврействе», были лидерами реформаторов и консерваторов, двух важнейших течений, изменивших лицо иудаизма. И в наши дни теологические семинарии США и Британии являются центрами реформистского и консервативного течений иудаизма, их ядром. И они же (эти семинарии) служат бастионами академической иудаики (хотя университетские кафедры и потеснили их). Не было ли и внутри «науки о еврействе», и вне ее противоборства и союза между религией и культурой, между стремлением к религиозной реформе и желанием влиться в академическую среду?

Я думаю, частично враждебность религии по отношению к культуре объясняется тягой последней к исследованию. Религия не любит исследования, поскольку исследование всегда задает вопросы. В исследовании ничто не воспринимается как само собой разумеющееся, в то время как религия основывается на безусловной вере. Если что-то пришло из традиции, то оно воспринимается как безусловно верное. Исследование, как результат культуры, спрашивает «почему?», «как?», «откуда?».

Существовала ли в иудаизме эпохи Талмуда мощнейшая тяга к исследованию, творчеству, которой гораздо меньше в иудаизме Нового времени?

Замечательный вопрос! Отвечая на него, я хотел бы отделить алаху (еврейское право) от агады (талмудической словесности). Алаха консервативна, стабильна. В агаде же возможны перевороты в понимании мира. Я рискну утверждать, что еврейская религия — это алаха, а еврейская культура — это алаха и агада вместе. Напряжение между алахой и агадой выражается в напряжении между религией и культурой.

То, о чем вы говорите, типично для евреев Западной Европы. В Германии люди действительно воспринимали иудаизм прежде всего как практику. Отсюда возникла теория Мозеса Мендельсона о позволительности свободомыслия в иудаизме и о преимуществе иудаизма перед христианством. Ведь в христианстве есть догма, а у нас — нет. В тот момент, когда мы выполнили все заповеди, мы можем думать что угодно и исследовать все, что нам хочется. Однако российские евреи и евреи Восточной Европы считали по-другому. Они рассматривали иудаизм прежде всего как веру.

Вы хотите сказать, что евреи Восточной Европы и России в большей степени последователи агады, нежели алахи?

Не совсем так. Просто момент веры, душевного порыва был АК чрезвычайно важен (особенно в хасидизме). И это типично для российской культуры в целом. В ней очень мало философии и очень много искусства, литературы.

Интересно. Действительно, можно сказать, что алаха идет от АШ разума, а агада — от души. В своей знаменитой книге «Сефер а-агада» Хаим-Нахман Бялик писал, что алаха — власть разума, а агада — власть чувства.

Абсолютно верно. Давайте поговорим о том, что происходит АК сегодня. К чему мы пришли? Исполнились ли мечты тех, кто в 1819 году основал в Берлине «Общество культуры и науки евреев»?

Непростой вопрос. Я полагаю, что нет. Они хотели собирать АШ древности и жить, как в музее. Они не помышляли о развитии, о возрождении еврейства, об открытости новым темам. Они создавали своего рода большой музей еврейской культуры.

Я с вами не соглашусь. Отцы-основатели «науки о еврействе» были гегельянцами. От самого Гегеля они отличались тем, что не считали иудаизм «снятым», преодоленным, пройденным этапом на пути Абсолютного Духа. Напротив, эти ученики Гегеля мечтали об обновлении и возрождении иудаизма, о его включении в европейскую (то есть мировую) культуру, в движение Абсолютного Духа к самопознанию.

Однако, согласитесь со мной, они хотели достичь этого, не выходя за рамки религии.

Да, безусловно.

Но они не были сионистами. Сионизм оказался новым фактором, изменившим правила игры. Сионизму, прежде всего, нужна была не культура, а обновление и возрождение всего еврейства. Но тем самым сионизм изменил и культуру. Возрождение иврита позволило вновь читать классические тексты в оригинале, а не в переводе на немецкий, русский и другие языки. Возвращение в Страну Израиля — туда, где жили рабби Акива, рабби Меир, а до них — Йеошуа Бин-Нун и царь Давид, — имело гигантский духовный смысл. Не знаю, думали ли об этом основатели «науки о еврействе». Они не призывали вернуться к ивриту как к разговорному языку. Они хотели быть людьми западной культуры, оставаясь при этом носителями еврейской культуры.

А также показать народам Европы, что традиционная еврейская АК культура не менее значима, чем христианская.

Это комплекс неполноценности, апология иудаизма?

Да, безусловно.

Я думаю, с течением времени необходимость в апологии исчезла. АШ Сегодня не нужно извиняться. Все, безусловно, знают, что христианство появилось из иудаизма, что в основе христианства лежит еврейская Библия — Танах.

Но как раз это и является камнем преткновения. Если роль АК иудаизма — подготовить рождение христианства и уйти в гетто, то все, что евреи создали после смерти Иисуса или после разрушения Второго храма, не заслуживает внимания. Именно с таким предрассудком пыталась бороться «наука о еврействе». И здесь многое было достигнуто. В наши дни слово «мидраш» вошло в гуманитарные науки, еврейская философия, каббала и хасидизм привлекают внимание многих историков культуры. И все же даже наши американские коллеги жалуются на «периферийность» своей науки. Что говорить о российской иудаике, о которой почти не знают за пределами узкого круга!

В таком случае я нахожусь в идеальной ситуации, поскольку в АШ Израиле еврейской культуре отведено центральное место.

Это естественно.

Но я не знаю, как обстоит дело с изучением еврейской культуры в бывшем СССР. Ясно, что здесь все только начинается. Честно говоря, мне даже трудно предположить, куда все это приведет. Если провести аналогию между положением в России и тем, что произошло в западной культуре — в Западной Европе и США, — то здесь это тоже займет время.

Мы пытаемся изменить отношение к еврейской культуре в России через 200 лет после того, как Леопольд Цунц и его последователи начали эту работу в Германии, — еще раз показать, что существует еврейская культура и после Иисуса.

Эта ситуация касается только талмудической литературы или же средневековой в том числе?

У нас есть прекрасные специалисты по арабской философии, которые АК могут изучать Рамбама, написавшего свой главный философский труд по-арабски. Есть специалисты по немецкой философии, которые исследуют труды Бубера и Розенцвейга. Но от молодых историков философии потребуется глубокое знание всей еврейской традиции и еврейских классических текстов: Талмуда, мидрашей, литературы каббалы и многого другого. Без такого знания трудно понять даже русскую поэзию прошлого столетия, поскольку многое в ней создано евреями: Иосифом Бродским, Борисом Пастернаком, Осипом Мандельштамом.

Насколько их поэзия еврейская?

По-разному. У Мандельштама в большей степени, у Бродского и Пастернака — в меньшей. Я бы говорил об «эхе» еврейской традиции и еврейского мироощущения в их творчестве.

Что происходит в изучении периода Второго храма, эпохи эллинизма? Какое место занимают апокрифы, Филон и другие?

Что касается апокрифов, псевдоэпиграфов и Свитков Мертвого моря, то они были в моде даже в советский период. В частности, их изучал Иосиф Давидович Амусин. Его ученик Игорь Романович Тантлевский сейчас возглавляет кафедру иудаики в СПбГУ. Что касается Филона Александрийского, философа и толкователя Торы, то он — предмет оживленного интереса христианских ученых в России. Филона старательно вырывают из контекста еврейской культуры, пытаясь представить чуть ли не христианином или, по крайней мере, эллином. Вообще, с прискорбием должен сказать, что в России полным ходом идет «конфессиализация» гуманитарного знания. Нет ничего дурного в том, что историки или филологи принадлежат к той или иной конфессии. Но религиозная принадлежность не должна влиять на научные выводы, мешать объективности исследования. Иначе мы получим партийную науку, которой уже накушались в СССР.

Насколько православные россияне готовы воспринять Иисуса как еврейского рабби? На Западе выходят такие книги, как «Рабби Йешу из Галилеи». Христианство пытаются изучать в контексте иудаизма эпохи Мишны и Талмуда. Я не хотел бы затрагивать тему антисемитизма, однако, мне кажется, что восприятие Талмуда и Мишны христианами затрудняется тем, что христиане видят в Талмуде и Мишне памятники того самого иудаизма, который отверг Иисуса.

Не думаю, чтобы антисемитизм мешал развитию иудаики в России. В академической среде я с антисемитизмом практически не сталкиваюсь. Мешает скорее общей кризис гуманитарных наук, их «недофинансирование», непопулярность чтения.

Однако я поражен тем, как много в России читающих людей. Везде книги: на улице, в метро, в магазинах.

Но вы посмотрите, что они читают!

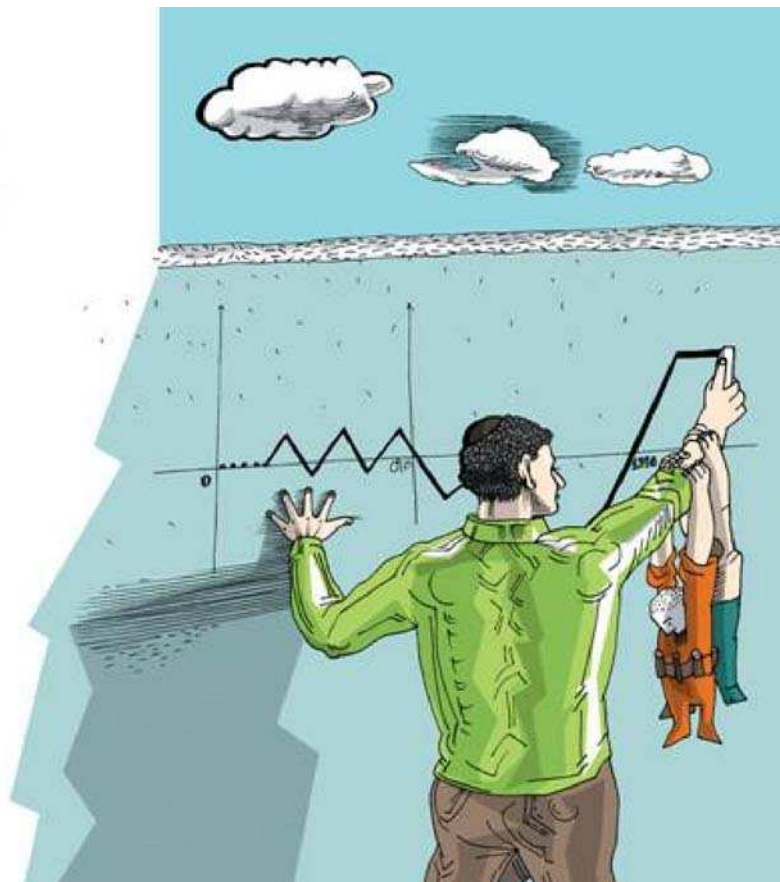
А я как раз восторгался тягой людей к чтению. На каждом углу они читают книги.

Ἰ ἀλλὰ πᾶσι τὰ βιβλία ἰσοπέδη

ЛЕХАИМ АВГУСТ 2011 АВ 5771 – 8(232)
ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ:

«ИЗРАИЛЬ РАСТЕТ И ПРИХОДИТ К НОРМЕ»

Алиао аааао і еоаеё Яааеёооаеі

і еоаеё Яааеёооаеі Сейчас много говорят о конце израильского левого политического лагеря. В издательстве Института Ближнего Востока недавно вышла монография Алека Эпштейна «Генезис и закат “левого” Израиля». Какую роль в этом «закате» сыграла русская алия?

Ааааі её Наоаі і аеёеё Русская алия левый Израиль создала, она же его и похоронила. В свое время был такой анекдот: «Большевики пошли брать Зимний, а меньшевики уехали в Палестину». Но и из тех, кто остался в России, советская власть иллюзии повыбила — к сожалению, иногда вместе с их носителями. Нынешняя русская алия — это прагматики, люди, которые не верят болтовне и лозунгам, а верят в то, что они видят и знают, которые понимают, что на самом деле происходит.

Но надо принять во внимание и другой аспект. Левый Израиль старых времен — это скорее нынешний правый центр. Левые эпохи Бен-Гуриона — это теперешний «Ликуд», а то и поселенцы, «Мафдал», только кипы вязаные убрать. А сегодняшний «Мерец», сегодняшняя Компартия Израиля, представляющая собой ультралевую националистическую арабскую партию, — это за пределами сионистского консенсуса. Почему наши соотечественники должны за них голосовать? Это же все-таки алия из России, а не из сумасшедшего дома.

і у Насколько вероятно, что в этой пустующей нише возродится классическое сионистское левое образование?

Ау Левый избиратель сегодня, после фактической смерти «Аводь» и «Мереца», перетек к «Кадиме». В итоге она из правоцентристской партии, какой ее задумывал Шарон, уводя в нее таких матерых ликудовцев, как Шауль Мофаз или Ципи Ливни, превратилась в нечто невнятно-левое. Прагматика власти заставляет людей, которые не в состоянии быть номером один, номером два или даже номером двадцать два на традиционной для них политической площадке, играть в игру: «Здесь вакуум, пойду-ка я сюда». Так что свято место пусто не бывает, что-нибудь на левом фланге да образуется. При этом израильский избиратель в

массе своей от всего этого безобразия ушел, национальный лагерь в Израиле — это сегодня абсолютное большинство. Даже при поддержке всех трех арабских партий левые не могут сформировать правительство. Но ниша продолжает существовать, и тянуться туда будут люди самые разные.

МЭ Но в возрождение традиций старого доброго израильского лейборизма вы не верите?

АИ Тот левый лагерь, то рабочее движение, которые некогда создавали Израиль, умерли. Возглавлять еврейское государство с этой идеологией сегодня невозможно. Тот восточноевропейский лейборизм, который в Израиле долгое время господствовал, оказался, как это часто случается с лейбористами, малосимпатичен тем, кто реально трудится на земле, работает руками, стоит у станка на заводе: марокканцам, иракцам. В результате рабочие, мелкие лавочники и крупные военные и стали костяком «Ликуда», когда он прорывался к власти.

Более того: этот Бобик сдох в масштабе всей планеты. Нет больше на ней простора для левосоциалистических движений. Мир стремительно дрейфует к средневзвешенной нормальности.

Однако амбиций у людей море, им обидно осознавать, что их время кончилось и лучшее, что им светит, — быть выкопанными из вечной мерзлоты в качестве мамонтового бивня на поделки археологами через 500 тысяч лет. Поэтому левая идеология в Израиле будет продолжать существовать в виде осколков. Она удержит лидирующие позиции и будет воспроизводить себя в университетской профессуре, в юридической системе и в журналистике. Вот три кита нынешней левой мафии. Из этого проистекает много всего разного. Например, выступления исламистов в Хайфском университете, когда университетское руководство перекрывает еврейским студентам доступ в аудитории, чтобы не было драки. Или решения Верховного суда справедливости, предписывающие разрушить те или иные участки забора безопасности. Или охота на Кацава, который такой же насильник, как я балерина. Зато он был первым правым президентом — ну так быстро стал и последним. Да здравствует вечный и нерушимый Шимон Перес!

Но это уже не мейнстрим. Не случайно у газеты «А-Арец» число читателей все ближе к числу журналистов.

ИИ Вы упомянули марокканцев и иракцев. Распространено мнение, которое последний раз я встречал, кажется, в мемуарном эссе Тони Джадта: замена левого Израиля отцов-основателей Израилем правоцентристским — это на самом деле замена европейской страны ближневосточным по духу жестоковыйным государством.

АИ Если бы Израиль стал ближневосточным государством, там на каждом шагу горели бы христианские церкви, как горят коптские соборы сегодня в Египте, там была бы распространена практика умыкания христианских девочек и обращения их в иудаизм. Ничего этого нет. Конечно, Израиль по всем основным характеристикам — европейское государство. Но это европейское государство нового типа. Проблема в том, что Европа опоздала стать другой, она только-только начала осознавать, что ее мультикультурность ей слишком дорого обходится. Но Израилю двадцать лет «мирного процесса» обошлись куда дороже. Что удивительного, что дрейф к прагматизму начался в нем раньше?

Замечательно уйти из Газы, если вы живете в Рамат-Авиве, а не в Сдероте. Прекрасно отдавать поселения, если вы живете в Петах-Тикве или Ришон-ле-Ционе, которые были поселениями сто лет назад. Левый лагерь убили не «Мафдал» и не «Ликуд». Его убили Эхуд Барак, Шимон Перес, Йоси Бейлин. Левый лагерь сам выстрелил себе в голову.

ИИ То есть, с вашей точки зрения, русская алия последних десятилетий не сыграла решающей роли в изменении политической карты Израиля? Она лишь усилила этот тренд, но вектор движения был таким и без нее?

АИ Она сыграла роль тем, что резко повысила средний образовательный и интеллектуальный уровень в Израиле. Очень многие люди, которым раньше можно было заморочить голову, сейчас имеют соседа, который все им объяснит. Появились новые лидеры, новые депутаты кнессета — Зеэв Элькин и Авигдор Либерман, Алекс Миллер и Фаина Киршенбаум, — которые восстановили классический сионизм, каким он был во времена Бен-Гуриона, когда в страшном сне нельзя было представить, что в парламенте существуют партии, требующие уничтожения Израиля, что депутаты шпионят в пользу враждебных государств. Есть государство, а есть постмодерн. Сейчас Израиль опять существует в парадигме

государства. И вдруг оказывается, что люди рвутся в боевые части, что они не готовы сдавать государство в архив.

ИУА может ли быть так, что нынешний электоральный крен русской алии — это предпочтения первого поколения репатриантов? Подрастут дети, интегрируются в израильское общество — и традиционное право-левое равновесие восстановится...

АН Право-левое равновесие не восстановится. И не из экономических соображений — израильские левые большие капиталисты, чем израильские правые. А просто людям хочется жить. Алия 1990-х в массе своей давно интегрирована в израильское общество, но левее она от этого не стала. Наверное, кто-то из репатриантских детей станет голосовать за левых, но таких будет мало. Потому что время другое, Ближний Восток другой, иллюзий больше нет.

ИУВ последние мои приезды в Израиль мне казалось, что в моду и в быт как раз таки входит богемный постсионизм. Двадцать лет назад трудно было представить, чтобы человек с гордостью рассказывал, что он и все его друзья не служили в армии, чтобы открыто обсуждались преимущества того или иного наркотика. Сейчас же это медийные темы, этого перестали стесняться. Как это сочетается с тем «закатом» левого Израйля, о котором мы говорим?

АН Добавим еще однополюе браки и гей-прайды. Пена всегда всплывает, она заметна. Но эта пена сегодня составляет уже не оболочку, а суть левого движения. А общество не состоит из геев, лесбиянок, наркоманов и уклонистов от армейской службы. Поэтому закономерно, что пена перестала быть частью мейнстрима. Двадцать лет назад такие люди руководили государством, им неудобно было говорить обо всем этом вслух, разве что дома, втихую. А сегодня — отчего ж не поговорить?

ИУА куда делся антиклерикальный запал русской алии, которого в свое время хватило на избрание в кнессет целых 15 депутатов от «Шинья»?

АН Этот Бобик тоже сдох. Более того, выяснилось, что его и не существовало. Это было чучелко Бобика, которое использовали, притравливая русских на харедим. И кстати, в муниципалитетах самые замшелые инициативы харедим находили поддержку именно у левых, которые прекрасно объединялись с ультраортодоксами против «вязаных» и светских правых.

Да, проблемы есть, но их можно нормально решать. Или даже и решать не надо, потому что они уже никого не волнуют. Нет автобусов по субботам? Ну так все репатрианты уже машинами обзавелись. Перестали жить в харедных районах, выехали на природу, купили там виллы или квартиры. Желающие заключить гражданский брак ездят на Кипр или в Прагу. Ничего страшного.

Реальные проблемы остаются — например, проблема субботников, которых в 2000-х вдруг перестали пускать в Израиль. То есть субботники, въехавшие с первой, второй алией и позже, — это евреи, а их родственники из соседнего села — нет. Но при всей своей серьезности это не вопрос, напрямую затрагивающий массы русских олим.

С другой стороны, пошла сионизация молодого поколения харедим. Абсолютно невозможный, казалось бы, факт: сатмары, не признававшие Государство Израиль, создают организацию ЗАКА, занимающуюся опознанием тел погибших в терактах и катастрофах.

Террористы не различают, из Эфиопии вы или из Йемена, соблюдающий или светский. И что по сравнению с этим все те мелочи, которые дико раздражали в 1990-х?

ИУВ Возможна ли сегодня секторальная русская партия, нужна ли она?

АН Как мне кажется, идея секторальной русской партии кончилась. Кончилась неудачно, потому что Натан Щаранский сотоварищи выдвинули вполне логичные лозунги и идеи — и провалили все, что можно было провалить.

А действующие политики, репатриировавшиеся из стран бывшего СССР, — это не секторальные политики. Люди освоили иврит — и депутаты, и их избиратели. Никто не говорит, что Стас Мисежников развивает русский туризм — он развивает израильский туризм. А что он в огромной мере развил его за счет России и Украины — так это потому, что сегодня Израиль наконец начинает опираться не только на связи с Америкой и перестает стоять, как цапля, на одной ноге в политическом мировом болоте. Десятки лет израильские министры иностранных дел не бывали в массе стран, с которыми у Израиля есть дипотношения, — это же ненормально.

Деградация Израиля останавливается. И в этом русские действительно сыграли огромную роль. В кнессете обсуждается геноцид армян, чего раньше не было из-за шантажа и уговоров со стороны Турции. Реализуется принцип «нет лояльности — нет гражданства». Необходимость для политических организаций декларировать источники своего финансирования убирает фактическую легализацию пятой колонны. Исчезает болезненно-истерическое отношение к покидающим страну, йерида больше не рассматривается как предательство, а превращается в некий круговорот евреев в природе — Израиль интегрируется в международную систему распределения труда, и его граждане работают в Штатах, в Европе, в России. То есть страна растет и приходит к норме.

ИА «Наш дом — Израиль» не секторальная партия?

АИИДИ русской партией не является и никогда не являлась. Разумеется, русские голоса, в силу этнического происхождения Авиغدора Либермана, отходят к нему в большем количестве, чем к другим партийным лидерам. Но при этом ИДИ превращается в мощную общеизраильскую партию не на русских голосах. Да и во фракции работают сильные политики, никакого отношения к России не имеющие — взять хоть Буги Аялона. Уже сегодня ИДИ третья партия страны, а какая завтра? Я думаю, мы еще увидим Либермана премьер-министром.

4'33"

יְבִיאֵי עֵשֶׂת עֵלָּה אֶעֱשֶׂתָּא, יָאֵאֱוִיִּי אֵי עֵלָּה «בְּאֵיִתֵּי דְוִי נְבִיאֵיִי לִי אֶעֱשֶׂיִי עֹדֵי צֵעֻוֹי»

יְעֹאֵעֵ אִיבֵאֵעֵ Я как-то поймал себя на том, что во время обильного застолья с особенным удовольствием говорю о голодании. Вы не возражаете, если мы продолжим разговор о тишине и молчании?[1] Кто-то из хасидских учителей, кажется рабби Менахем-Мендл из Коцка[2], сетовал, что люди учатся в детстве говорить, а в старости молчать; надо бы наоборот. Насчет старости менее очевидно: мне доводилось встречать весьма разговорчивых стариков. Вы рано начали говорить?

אֶעֱשֶׂיִי עֹדֵי צֵעֻוֹ Я спрашивал об этом маму. Она сказала: да я вообще не припомню, чтобы ты когда-нибудь молчал! Знаете, чем гениальный музыкант отличается от виртуоза? Техника у обоих более или менее одинаковая — разница в тишине между двумя звуками.

יָאֵУ Рильке есть стихотворение «Ангелы». Ангелы молчат в саду Г-спода, как интервалы[3] Его мощи и музыки. Музыка ангелов — молчание.

אֶוֹВ классическом еврейском понимании все как раз наоборот: ангелы поют — Б-г молчит. Б-г — молчание, из которого ангелы черпают свои звуки. В каком-то смысле музыка — тишина с помехами.

יָאֵЕсть одно музыкальное произведение, где помехи демонстративно устранены.

אֶוֹЧто вы имеете в виду?

יָאֵ«4'33"» Джона Кейджа[4]. Четыре минуты, тридцать три секунды оркестр молчит. Звучит тишина. Такая концептуальная оркестровая пьеса. Черный квадрат музыки. Эпохальная вещь. Лучшие оркестры мира исполняли.

אֶוֹНадо полагать, каждый дирижер интерпретировал эту пьесу по-своему. Есть место в Танахе, где говорится о голосе тишины. Но это не случайные и бессмысленные звуки зала, а голос Б-га. Одна из самых важных реалий еврейского мира — суббота. Что такое суббота? Тишина. Шесть дней Г-сподь говорит[5] — в субботу молчит. Поднимается из мира слов в мир тишины. Слова Б-га исходят из Его тишины. Рабби Шимон бар Йохай[6] говорил: в субботу хорошо молчать.

Существуют правила написания свитка Торы, каждой ее буквы. Если правила не соблюдаются, буква становится некошерна и требует исправления. Одно из правил: буквы не должны вплотную прилегать друг к другу, каждая буква должна быть непременно окружена пробелами. Пробелы, пустоты, воздух — необходимая часть Торы. Постоянный диалог черного и белого, проявленного и непроявленного, видимого и невидимого.

יָאֵКаждый пробел как музыкальный интервал?

אֶוֹМожно сказать и так. Традиционно считается, что в Торе шестьсот тысяч букв. На Синае перед Всевышним стояло шестьсот тысяч евреев — на каждого еврея по букве. Пересчитали буквы — на компьютере это несколько проще, чем вручную. Оказалось, букв в два раза меньше, чем утверждает традиция: триста тысяч. Как это объяснить? Конечно, при подсчете вручную вероятность ошибки возрастает. Но ведь не в два же раза! Предлагаются разные объяснения. Одно из них состоит в том, что на одну видимую букву приходится одна невидимая. Пробел репрезентирует невидимую букву.

יָאֵСтало быть, половине нашего народа соответствуют буквы видимые, половине — невидимые. Теперь понятно, почему мы так отличаемся друг от друга.

אֶוֹИ в случае музыки, и в случае текста Торы один и тот же феномен: неслышимое и невидимое не есть просто пустота, отсутствие чего бы то ни было — у этой мнимой пустоты есть свои

особые свойства, особое содержание. То, что мы этого не воспринимаем, — характеристика не столько этой реальности, сколько органов наших чувств, их ограниченности.

IA Ультра- и инфраниапазоны.

AO Это только одно из проявлений того, о чем я говорил. Причем не главное. Я имею в виду и то, что выходит за рамки физических характеристик и физических органов чувств. То, что воспринимается душой. Если Всевышний поднимается в субботу из мира слов в мир тишины, это значит в данном случае, что мир тишины качественно выше.

[1]. *Начало разговора о тишине см. в: Лехаим. 2011. № 6.*

[2]. *Рабби Менахем-Мендл из Коцка (1788–1859) — хасидский цадик, герой хасидского фольклора.*

[3]. *Интервал — музыкальный термин, означающий соотношение двух звуков по их высоте. Сам по себе интервал не обязательно предполагает паузу. У Рильке — предполагает.*

[4]. *Джон Кейдж (1912–1992) — композитор-авангардист, с ним связаны ведущие тенденции музыки XX века. Четыре минуты, тридцать три секунды — время звучания пластинки в эпоху, когда долгоиграющих пластинок еще не существовало. «4'33"» были написаны, или, скорей уж, изобретены, Кейджем в срединной точке его жизни — в 1952 году.*

[5]. *В первой и второй главах Торы Б-г творит мир Своим словом. В тексте повторяется как рефрен: «И сказал Б-г».*

[6]. *Рабби Шимон бар Йохай (II век н. э.) — один из виднейших законоучителей Талмуда,*

центральная фигура каббалистической традиции. По преданию, рабби Шимон бар Йохай — автор главной книги каббалы, «Зоара». У него была репутация чудотворца. Его имя овеяно легендами, его могила — место паломничества.

ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И КАТАСТРОФА

Αίτια Επείτα

Ἰν-ἀοίτῳ ἀπὸ αὐτῆς Αἰπύαδῆσά Εὐραεῦν ἃ ἰαδὰρ ἰ-ἀδῆν ἀπὸ ἃ «Βᾶ ἁ-Θαί», ἰ ὅτι Εὐραπὸδῆσῳ, οἷᾶν εἰε ἰν-εὐαίεα αἰδὸά Εὐραπὸδῆσῳ ἰδεῶν-αἷ ἔν Αἶρ ἰαγᾶεῖν ἰπὸε. Ἰᾶ ὀαδῆ ἰεᾶεῖν ὁ αἰδὸα αἰπὸαῦρὸ ἰδῆν ἰεῖαεῶν, ὅτ εὐραεῖν αὐτῆσ Αἰπύαδῆσῳ ἰπὸν ἰᾶ ὀεῖν ἁεῶ, ἰ ἰ ἰ-ἀδεῶν ἰαδὰρ ἰαῖ φ πῆρ ἰ αἰὸ ἰαῖ εἰ πᾶυδῆν ε. Ἰᾶεῖν γὸν ἐπὶ ὀε-αῖε ἰαδῆσῳ, εἰεῖ ἰε-αῖε — ἰῖδῆ-ἰ, πῆεῖν ἰ — ἰεᾶῖ-ἰ, ἃ αἰαῖ ἰᾶ — ἀδῆε, εἰε ἀδεῖε ἰε Αἰπύαδῆσῳ ἰπὸε, ὁε εἰ αἰπὶ δεῦοερ Εὐραπὸδῆσῳ.

*Ἰ ἰᾶ γὸε ἃ ὀεᾶν ἄν ἀδῆ ἰ ὀεῖα ἰεᾶεῖν ἰπὸε Αἰπύαδῆσῳ Εὐραεῦν
14 ἰ ἄν 1948 ἄᾶ*

Начнем с того, что отрицание Катастрофы стало важным и модным средством политической борьбы против сионизма. Мол, еврейское государство позволили создать на искони палестинской территории из чувства вины перед евреями за попытку их истребления. Но поскольку никакой такой попытки не было, то нет и причины для существования еврейского государства.

Эта историческая фабрикация находит себе место не только в антисемитской литературе и на сомнительных интернет-сайтах, но и в кулуарах международных организаций, а нередко и на их официальных подиумах. Правда, с ней борются. Во многих странах отрицание Катастрофы даже находится под прямым законодательным запретом. И все же эта позиция не сходит со сцены.

Но, даже признавая факт Катастрофы в полном объеме, можно отрицать право Израиля на существование на основе связи между обоими явлениями. Доказательная цепочка проста: Израиль создали те европейские страны, которые были либо напрямую причастны к фашистскому геноциду, либо не оказали ему должного сопротивления. Тогда с какой стати по их счетам должны платить не причастные к этой истории палестинцы?

Такой ход мысли позволяет господам и дамам, вроде журналистки Белого дома Эллен Томас, требовать аннулировать еврейское государство, а нынешних израильтян расселить по Европе. В принципе, эта точка зрения признается вполне легитимной. И впрямь: если Израиль ведет свое существование от Катастрофы, то проблема его дальнейшего существования обсуждаема. Ну, ошиблась Организация Объединенных Наций, выдав евреям в качестве компенсации за Катастрофу кусочек палестинской земли в самой сердцевине мусульманского мира и создав тем самым очаг постоянного конфликта, нарушающего не только региональное, но и мировое спокойствие. Не беда, ошибку можно исправить. Как дал, так и взял, лишь бы мусульмане успокоились.

Наконец, признание того, что Израиль появился благодаря Катастрофе, не слишком полезно и для консолидации израильского общества. Оставим в стороне сложносочиненные души, которым тяжело считать себя гражданами государства, построенного на крови. Их не так уж много. Зато граждан, не перенесших Катастрофу и не выросших в ее тени, гораздо больше. Это почти все неашкеназское население страны. И, если еврейское государство появилось только благодаря Катастрофе, выходит, что эта часть населения имеет весьма опосредованное отношение к его созданию.

Меж тем участие неашкеназов в строительстве государства и его защите велико. Кроме того, большая часть этого извода израильтян была насильственно выдворена из арабских стран именно в связи с созданием еврейского государства. И то, что их выдворили силой, присвоив себе немалое имущество, позволяет Израилу проводить справедливую параллель между арабскими и еврейскими беженцами времен создания государства, получая при этом моральное преимущество: арабов, бежавших из Израиля после его создания, никто силком не выдворял.

Этой проблематике — восприятию Катастрофы неашкеназским еврейским населением Израиля — посвящено исследование Ханы Яблонки, профессора истории из Беэр-Шевского университета. Научный труд был оформлен в книгу под названием «Вдалеке от железнодорожных путей». Выход книги знаменовался широкой и бурной дискуссией, а сама профессор Яблонка поплатилась за это исследование, как, впрочем, и за поднятую ею полемику относительно избыточности изучения Катастрофы в израильской школе, званием председателя комиссии по истории при Министерстве образования.

И речь идет об историке с мировым именем, много лет занимающемся историей Катастрофы. Более того, профессор Яблонка, родом из Чехословакии, выросла в семье бывших узников фашистских концлагерей.

Ī ēāēāò, ĩ ðēçĭāāþ ũēē æēòāēāē ēēōōāā ē ĩī āāāī ēþ āāāī ĩ āēñēēō āāāāā

1940-ā āāū

Ὅτι ἂν βαῖσι ἐὰ, ἰδὲ ὁ αἰὼν ἐπὶ ἰδέε Αἰγῶ. Οὐκ ἔστι τὰ ὅτι ἐὰν ἴδῃ ὁ αἰὼν

Правда, немалую роль в остракизме, которому ее подвергли, сыграла избранная профессором брутальная лексика. Скажем, суждение о том, что детальное изучение школьниками архитектуры газовых камер и технологии применения «Циклона-Б» не помогает пониманию сути Катастрофы, скорее всего, не вызвало бы бурной реакции израильской публики, не добавь г-жа профессор, что подобная практика представляет собой порнографию зла.

С интеллектуальной точки зрения речь идет о броском определении, не лишенном ни смысла, ни блеска, но в Израиле Катастрофу все еще воспринимают не рационально, а эмоционально. А профессор Яблонка и сама-то ведь высказалась против попытки заменить это эмоциональное восприятие механистическим, но наступила на собственные грабли. И все потому, что по поводу восприятия Катастрофы у израильтян могут возникать совершенно разные эмоции.

Одно дело, как правильнее воспитывать отношение к этому событию у израильской молодежи. Нужно ли это делать путем зазубривания характерных физиологических черт семитской расы с точки зрения нацистской евгеники и детального изучения технологий массового уничтожения; должна ли это быть презентация ужасов, вроде груды волос, ботинок и фотографий иссохших тел, или следует искать другие пути? Тут с профессором Яблонкой, считающей, что другие пути предпочтительнее, согласилось бы абсолютное большинство переживших Катастрофу и их близких.

Другое дело — реакция жертв, их близких, а также людей, профессионально занимающихся Катастрофой, на любое предложение несколько ограничить объем и характер увековечивания этого события. Реакция эта весьма эмоциональна, и любое такое предложение воспринимается в штыки, поскольку еще свежа память о том, как относились в Израиле к Катастрофе и ее жертвам еще каких-нибудь десять-пятнадцать лет тому назад. Относились же к ним не просто равнодушно или безразлично, но и презрительно.

Надо сказать, что это отношение потрясло нас, людей алии семидесятых, для которых еврейское самоощущение почти полностью укладывалось в сопротивление государственному антисемитизму, проявлявшемуся и в намеренном замалчивании Катастрофы. Еврейской истории мы почти не знали, с еврейской культурой были в лучшем случае знакомы весьма поверхностно, к религиозному иудаизму относились настороженно. Зато с попыткой замолчать Бабий Яр были знакомы не понаслышке. Поэтому именно для нас слагал свой эпос Евтушенко, именно нас пригубил к земле бухенвальдский колокольный звон, и именно мы воевали за право поставить в Понарах памятник не просто погибшим в немецкую оккупацию гражданам Литвы, а ее убиенным евреям.

Каково же было выяснять по приезду в еврейское государство, что эти подвиги вызывают у сабр душевное сопротивление! Как, впрочем, и память о Катастрофе. «Кмо цон ле-тевах!» — мрачно отзывались собеседники нашего возраста на разговоры о фашистских концлагерях. «Как овцы на заклание...» Как последние трусы. Как образец галутной неспособности к действию, пример вырождения нации.

Странно было все это слышать, но и резон в таких упреках просматривался. Бесстрашный сабра, участник всех израильских войн, был для нас куда как более впечатляющим примером правильно выстроенной еврейской судьбы. Правда, к нам лично упреки в галутной трусости вроде бы тоже не относились. Мы сделали свой выбор, как только это стало возможно, и был он нелегким. Как и путь, который пришлось пройти, чтобы прибыть в Израиль. Но до израильтян, проливавших кровь в войнах за становление Израиля, даже самым героическим из нас было далеко.

Таков был тогдашний общественный этос не только в среде новоприбывших, но и среди всего населения страны. Катастрофа никак не отождествлялась с появлением государства, очертания которого были размечены еще Герцлем, и не после Катастрофы, а за полстолетия до нее. Да что там! О еврейском государстве мечтал Дизраэли и писала Джордж Элиот, а это было еще раньше. Но и это еще не начало! Йосеф а-Наси, герцог Наксосский, выторговал у султана для евреев Кипр. Правда, остров требовалось прежде завоевать, что у Наксосского не получилось, зато его тетка, донья Грация, практически создала еврейскую автономию в Тверии. Было это вообще в XVI веке. Однако и это не есть начало практического осуществления вековой мечты о возвращении в Сион, красной нитью прошивающей историю евреев, начиная с первого дня изгнания, то есть без малого два тысячелетия.

Разве был с тех пор хотя бы один век, в который Иерусалим остался бы без сторожащих его евреев? Да и вообще, еврейское присутствие в стране предков никогда не прекращалось. Вот, например, в Пкиине, небольшом селении в Галилее, евреи как жили в незапамятные времена, так и продолжают жить, никуда и никогда своей земли не покидая.

В качестве примера приводили знаменитую певицу Ривку Зохар, чей род происходил из того самого Пкиина, хотя она сама родилась в Акко. Вот она, библейская еврейская краса, нетронутой дожившая до новейших времен! А то, что, по некоторым данным, последних евреев Пкиина вроде бы уничтожили крестоносцы в XIII веке, не портило легенды. Не всех перебили. К тому же, как упрямо утверждал, в том числе и в интервью с автором данной статьи, генерал и политик, министр и создатель музея истории Израиля Рехаваам Зеэви-Ганди, большинство старых мусульманских семей Палестины никакие не палестинцы, ибо нации такой не существует, а евреи, принявшие ислам.

Исторические факты относительно того, что еврейское государство было уже фактически создано задолго до того, как на европейское еврейство обрушилась Катастрофа, настолько широко известны, что в подробных доказательствах нет необходимости. Говорить можно только о том, что Катастрофа — возможно! — обусловила неохотно произнесенное «да!» тех стран, которые проголосовали за формальное создание и признание государства, уже существовавшего де-факто. Существовавшее настолько реально, что в самый день своего официального появления на карте мира смогло противопоставить многочисленным врагам дисциплинированную и обученную армию, подчиняющуюся твердой иерархии многоступенчатого государственного аппарата.

Но и среди причин, заставивших минорное большинство членов ассамблеи недавно созданной ООН сказать «да!» созданию еврейского государства, Катастрофа имела гораздо меньшее значение, чем политические интересы. А если согласиться с Леонидом Млечиным, что Израиль был создан фактически по воле Сталина, то Катастрофа, которую последний не признавал, вообще не играла в этом событии никакой роли.

Как бы то ни было, вплоть до поздних девяностых годов израильское общество не хотело видеть связи между созданием государства, признанием Израиля и Катастрофой. Еще в восьмидесятых годах отношение к Катастрофе и к уцелевшим в ней было настолько отрицательным, что известная израильская писательница и журналистка Шуламит Хар-Эвен сочла необходимым опубликовать ставший знаменитым рассказ «Свидетель» («Хаэд»).

*Ἀπίπυ Ἀδαοεὺ Ἰ ἀί ἀνὰ Ἰ ἀνῆ.
Ἀδὶ ῥαίε ἰ ἀἀεὺ ἰ ἀἀί οὐ Ἰ ἀνὸ ἰδεῖ Ἰ ἀνὸ ἰδεῖ.*

1520 ἄἄ

Главным героем произведения является мальчик, прорвавшийся в Палестину сквозь все препятствия военного времени, чтобы рассказать о кошмаре, творимом фашистами в Европе. Героический мальчик настаивает на своей правде, он упрям, находчив и смел, но ему не удастся убедить израильтян, взрослых и сверстников, простых граждан и политических функционеров в том, что все рассказанное им — правда. Более того, этот необычный ребенок натывается на столь отрицательное отношение сабр к погибающему галуту, что сомневается, стоит ли ему оставаться в Палестине.

Впрочем, в тех же восьмидесятих знаменитый израильский сатирик Дош, ежедневная карикатура которого в «Маариве» определяла повестку дня страны, на мое замечание о том, что отношение к Катастрофе начинает меняться, заметил, что оно начало меняться гораздо раньше, во время суда над Эйхманом. А на предположение, что Израиль не должен был судить Эйхмана, оставив данное мероприятие международным инстанциям, ответил, что сделано это было для внутренних надобностей.

Видно, потребность в повинной по отношению к жертвам Катастрофы была велика, и общественное покаяние свершилось. Во время суда и сабры, и жесткие сионисты поняли, что у евреев галута не было шансов устоять против государственной машины уничтожения, возглавляемой скучным серым государственным чиновником.

Ханна Арендт увидела в Эйхмане банальность зла. Профессор Яблонка видит в деталях эйхмановской машины уничтожения порнографию зла. А израильтяне — по свидетельству Доша — увидели громоздкость самой машины и ее неборимость, не оставляющую места героическому поступку отдельного человека. С тех пор — тут придется согласиться с Дошем — Катастрофа стала выходить на первый план самоощущения израильтян.

Алия семидесятых не слишком способствовала этому процессу. Народу приехало не так уж много, особых требований жертвы фашизма не выдвигали, репарации Германия согласилась платить почти сразу, а Израиль был и вовсе отстранен от этого процесса. Зато алия девяностых надавила на чашу весов всей своей миллионной тяжестью. Во-первых, снова открылся вопрос немецких репараций. Во-вторых, появилась проблема ветеранов. И в-третьих (вероятно, этот пункт надо бы поставить первым), впервые с послевоенного времени огромная масса обиженных войной получила возможность посчитаться со своим прошлым.

В начале девяностых годов я была редактором приложений к крупной и влиятельной израильской газете на русском языке. Страшно вспомнить, какое количество рукописных и неуклюже отпечатанных на машинке текстов, связанных с войной, оккупацией, лагерями, фашистскими и сталинскими, а часто и теми и другими, пришлось оставить без внимания. К счастью, большую часть этого потока принял на себя израильский мемориал Катастрофы «Яд ва-Шем».

Не могу утверждать, что этот мемориал, прежде очень скромный и содержавшийся кое-как, вырос в самое значимое учреждение страны именно благодаря наплыву выходцев из бывшего СССР, но случилось это, скажем так, параллельно. Возражений такое совпадение, разумеется, не вызывает. Возражение вызывает исключительно тот факт, что с не столь давнего времени «Яд ва-Шем» перерос значимостью любое другое официальное учреждение страны. Кто бы ни приехал в Израиль с государственным визитом, обязан его посетить, и отказ от этой повинности рассматривается как враждебный выпад против государства.

Прошу понять меня правильно: «Яд ва-Шем» прекрасно работает, и ему следует оказывать всемерную государственную поддержку. Это главный мировой центр по изучению Катастрофы, а в современной еврейской истории нет события более важного, чем Катастрофа. Если, разумеется, не считать создание Государства Израиль. Но прямой связи между этими событиями нет.

Было бы страшно, если бы для создания еврейского государства нужно было пожертвовать треть еврейского народа. С другой стороны, в ходе мировой истории нас уже не только лишали трети, нас ополовинивали, а мы восставали из пепла. Еврейская история знает не одну, не две и даже не три попытки геноцида. Фактически вся наша история состоит из попыток уничтожения и подвигов возрождения. Следует ли обязательным образом объединять эти события в единый национальный этос? Разве мы возрождаемся только затем, чтобы насолить тем, кто пытается нас уничтожить? Ради этого не стоило бы продолжать игру.

Мы возрождаемся потому, что должны быть в мире, как должны в нем быть другие народы. Мы возрождаемся потому, что за нами длительная история, богатая культура и тщательно хранимая традиция, которым нельзя позволить превратиться в музейные экспонаты. Мы возрождаемся, поскольку такова воля судьбы, не дающей нашим врагам полностью нас уничтожить. И потому, будь на то моя воля, центральный мемориал Катастрофы должен был возникнуть не в Иерусалиме, а в Берлине.

Катастрофа — это в не меньшей, а, пожалуй, в большей степени проблема тех, кто убивал, а не тех, кого убивали. И тот факт, что нам приходится время от времени напоминать народам о Катастрофе, плохо говорит об этих народах, а не о нас. Что до нас, я не вижу особой причины выделять последнюю Катастрофу из ряда приключавшихся с нами. С моей точки зрения, музей еврейской катастрофы — я не

имею в виду «Яд ва-Шем» — еще только должен быть создан. Не предлагаю строить в нем масштабные панорамы погромов, изгнаний, массовых побоищ, распятий, сжиганий на кострах и тому подобное, — хотя почему бы и нет?..

Вместе с тем не считаю необходимым вводить ритуал обязательного посещения этого, несуществующего пока, музея, как, впрочем, и мемориала «Яд ва-Шем», дипломатическими представительствами и государственными лицами дружественных и недружественных стран. Лучше водить их на аттракцион под названием «Маленький Израиль». В конечном счете, убить шесть миллионов человек не сложнее, чем построить за три четверти века, несмотря на постоянные войны, современное государство, приглашенное за экономические достижения в престижный клуб самых высокоразвитых стран мира.

Нельзя приуменьшить грандиозность смерча, смертоносность цунами, ярость многобалльного землетрясения, величину катаклизма. А Катастрофа — это больше, чем смерч, цунами, землетрясение, катаклизм. И при всем при том: необходимо отделить Катастрофу от еврейского государства, и чем скорее, тем лучше. И для государства, и для Катастрофы.

АРОМАТ И ДОСТОВЕРНОСТЬ

Александр Иличевский

В трактате Йома (41:4) Иерусалимского Талмуда читаем: «Сказал Бар Капара: “Иерусалимские изготовители благовонной смеси для воскурения в Храме говорили: „Если бы только добавить туда чуточку меда, никто в мире не смог бы устоять на ногах перед ее ароматом“»».

**Жертвенник для воскурения благовоний и храмовые атрибуты. Фрагмент миниатюры.
Манускрипт «История Эколастика».
Арагон. XV век. Национальная библиотека Испании, Мадрид**

В Песни Песней (4:14) ладан упоминается как «левона». Ладан — составная часть фимиама из одиннадцати благовоний, воскурившегося в Храме, — ароматическая смола деревьев рода Босвеллия (ладанного дерева) и некоторых других, растущих на Аравийском полуострове и в Восточной Африке. В феврале-марте на стволах делаются надрезы и вытекший из-под коры и высохший сок собирается для продажи. Благовония высшего качества — смолы, собранные без надрезания коры, выделившиеся растениями естественным путем. Дым курящихся благовоний уходил вверх, слившись с молитвами, унося вместе с ароматом слезы, мольбы и благодарность Б-гу.

Родиной благовоний считается Восток, здесь произрастает наибольшее количество растений-эфироносов. Первые благовония возникли еще у истока цивилизации: крошечные сосуды с узким горлом, хранящие пахучие вещества, обнаружены археологами при раскопках памятников древних культур Индии, Вавилона, Египта. Египтяне хранили в таких сосудах мирру. При вскрытии гробницы Тутанхамона лорд Карнарвон и Говард Картер вдохнули запах, царивший здесь три с половиной тысячелетия, — аромат мирры; тут же, в гробнице, были обнаружены сосуды с ладаном.

В древности запаху придавалось сверхъестественное значение не только потому, что он способен влиять на человеческие эмоции. Курение благовоний и стремящийся к небесам дым от них — своего рода музыка незримого. Запах летуч, действие его волшебное и скрытно. Здесь и находится его связь с метафизикой. С помощью благовоний создавалась характерная эмоциональная атмосфера вокруг алтаря. Она помогала молиться и была в то же время приношением, смычкой с незримым.

Память тесно связана с запахом. Если, заучивая иностранное слово, человек ощущает, например, духovitость яблока, — слово запомнится тверже. Из запаха пирожного, влекущего за собой волны памяти, можно извлечь великий роман. Благовония — это что-то вроде якорей памяти, поднимающих пласты времени. Единственное, что в точности сохранилось после разрушения Храма, — запах. Мы не можем с достоверностью указать ни на один камень, утверждая, что именно он был частью Храма (кроме Стены Плача); мы ничего не сможем сказать с точностью о его убранстве: что находилось внутри, как были устроены внутренние помещения и т. д. Но мы в точности укажем несколько ароматов, которые можно было вдыхать в Храме.

Так почему же воскурение благовоний составляло важнейшую часть ритуальных действий в Храме? Что мы знаем об обонянии? В обиходе нам известно о его власти над телом. И дело не только в том, что запах регистрируется мозгом быстрее, чем болевой импульс.

Давайте представим себе совершенный орган обоняния. Такой аромателескоп, который способен регистрировать абсолютно все запахи окружающего нас мира. Даже трудно себе вообразить, насколько важными для ученых окажутся передаваемые им данные! Ибо человеческий нос столь же слеп во вселенной запахов, как крот на свету. Но в этом есть и польза, ибо если человек вдруг обрел бы способность осознавать все запахи, его окружающие, мозгу не хватило бы вычислительной мощности для их обработки. Запахи человек обрабатывает мозгом, в то время как у животных запах обрабатывается самим органом осязания (подобно тому, как зрительный нерв человека освобождает мозг от вычислительной обработки зрительных образов). Несомненно, вопрос о важности благовоний в Храме — это вопрос о важности запаха в устройстве и функционировании живого мира.

Давайте попробуем хоть немного с этим разобраться. Для начала приведу только несколько добытых наукой разрозненных поразительных сведений о запахе.

Лингвисты и биологи работают вместе, чтобы понять язык запахов. Трудно поверить, но они научились уже давать подопытным крысам команды, состоящие из нескольких пахучих «слов». Они выяснили также, что специальная железа пчелиной матки издает запах, удерживающий при миграции рой вместе.

У трутня обоняние в пять раз чувствительней, чем у рабочей пчелы, и тем более у матки. Это нужно ему для того, что, сравнивая с поэтическим даром, прекрасно описал Метерлинк в «Разуме цветов»: трутень быстро и точно чувствует неплодную матку и стремится за ней, пока не достигнет ее или не умрет, истощившись в погоне. Пчелы с ампутированными органами обоняния не способны выполнять работу и быстро погибают.

Двадцать лет назад было доказано, что устройство обонятельных рецепторов заложено генетически. Человеческие рецепторы способны регистрировать около десяти тысяч элементарных запахов. Парфюмерные изделия содержат их до двух-трех десятков, аромат земляники — девяносто шесть. Власть запаха над телом очевидна, но все равно остается тайной. Лишь недавно выявлены нетривиальные связи между носом и мозгом. Молекула вещества (форма молекулы, а не конкретный ее состав определяет тип запаха) контактирует с рецепторной клеткой, и нервный импульс направляется в лимбическую систему мозга, где путем анализа формируется ощущение запаха. И здесь же, в этой окрестности мозга, формируются эмоции и мотивации. Но это не все. Далее преобразованный импульс отправляется к вегетативным ядрам, гипоталамусу, зрительному бугру и другим частям лимбического комплекса. Никакой другой анализатор не связан со столь многими структурами мозга. Механизм взаимодействия с ними пока не поддается объяснению и оставляет впечатление таинственности. Более того — обонятельный нерв регенерируется каждые два-три месяца, его возрождение происходит по тем же законам, что и развитие мозга эмбриона. Открытие этого факта стало научной сенсацией.

И вот что самое важное для постижения окружающего мира при помощи запахов. Большинство сигналов обонятельного анализатора отсылается в подсознание, и лишь незначительная их часть воспринимается сознательно. Возможно, именно с этим связан эффект дежа-вю. Человек не столько помнит,

что именно происходило, сколько чувствует, что это уже было. Не значит ли это, что он просто снова услышал запах, который когда-то не был способен осознать, но который отпечатался в подсознании?

Запах-сигнал, попав в гипоталамус, стимулирует выработку тех или иных гормонов. Выражение «Здесь дышится полной грудью!» появилось потому, что нежелательные запахи неизменно становятся источником стресса. И, попав на свежий воздух, человек приходит в чувство, у него нормализуется кровяное давление, пульс. Олдос Хаксли написал роман «О дивный новый мир», посвященный тому, как усовершенствовать наш мир с помощью запахов.

В моем детстве, которое прошло на Апшеронском полуострове, мы с отцом по дороге на пляж непременно совершали один ритуал — заходили в спортивный магазин. На его полках сияли латунные и никелевые кубки, висели вымпелы и сетки с волейбольными и футбольными мячами, бадминтонные и теннисные ракетки, а в центре торгового зала стоял короб с плюшевыми рукавами: устройство затемнения для смены на ощупь (вложить в короб фотоаппарат, закрыть, продеть руки в рукава) фото пленки, которая продавалась здесь же в магазине. Но неважно, что там продавалось. Важно, как в этом магазине пахло. Я уж не знаю, что это был за запах — не то дубленой кожи мячей, не то химических реактивов, — но запах этот, который ассоциировался у меня строго с эмоцией сильного интереса, возбуждения, излучавшегося спортивными товарами, навсегда стал запахом моего детства — запахом чистоты и огромного, неизведанного и желанного, будущего. В течение тридцати лет я мог в любую минуту закрыть глаза и вспомнить этот запах. Но никогда, никогда я его не встречал с тех пор. Ведь это странно, правда? Я побывал за свою жизнь во множестве магазинов, где продавались все те товары, которые я так вождеделал в детстве. Но ни в одном я не встретил даже намека на этот запах — сильный, пряный, упругий. Понемногу этот запах стал для меня призрачным, я даже перестал верить в то, что когда-то с наслаждением его вдыхал. Как вдруг лет пять назад я купил себе новые очки. Вместе с ними мне выдали очечник, запах внутри которого взорвал мое сознание. Замша, выстилавшая его полость, пахла ровно так же, как сокровищница того самого магазина спорттоваров! Это было чудо, и я берегу этот очечник на самой верхней полке кабинета и изредка забираюсь на кресло, чтобы аккуратно снять его и, приоткрыв, сунуть нос в шкатулку прошедшего времени — убедиться, что детство действительно было.

ЕЛЕНА БОННЭР:

ЦЕЛЕБНАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ НЕСОГЛАСИЯ

Беседу ведет Афанасий Мамедов

На четыре вопроса отвечают: Иосиф Бегун, Александр Воронель, Владимир Войнович, Натан Щаранский

17 июня в Бостоне не стало Елены Боннэр. В 1970-х ее имя, наряду с именами Сахарова, Вишневецкой, Ростроповича, Солженицына, было на слуху у всех. Сотни тысяч людей припадали к радиолам и транзисторам, чтобы услышать, продолжают ли голодовку сосланные в Горький Андрей Сахаров и Елена Боннэр. Глушить было бесполезно, «голоса» прорывались. Как прорывался поток самиздатовской литературы. «Архипелаг ГУЛАГ» и «ардисовский» «Дар» вступали в смертельную схватку с программой «Время». То была великая эпоха противостояния лжи. И у нее были свои герои, которых сегодня без преувеличения можно назвать совестью нации. Конец этой эпохи связывают с концом «железного занавеса», развалом империи, которую там считали «империей зла», а здесь — страной, нуждающейся в перестройке. Но жизнь оказалась сложнее. Распад Союзных Республик и провозглашенная на одной шестой свобода не принесли людям счастья. Многие из тех, кто отстаивал эту свободу, оказались не у дел. Уехала из новой России и Елена Георгиевна. Ей стало не по пути с Родиной.

ΝΑΙ ΕΣΑΑΟ ΝΥΑΔΑΕ ΔΑΘΑΡ ΨΟΡ ΔΙ ΞΨ

ΕΙ ΝΕΟ ΑΑΑΙ

ΑΕΝΝΕΑΑΙ Ο, Ϊ ΟΑΕΕΟΕΝΟ, ΕΣΑΑΟΑΞΨ

ΑΟΑΙ ΑΝΕΕ Ϊ ΑΙ ΑΑΙ Α Не так давно в Москве, на митинге против расизма и насилия на национальной почве, было прочитано письмо Елены Боннэр — письмо «еврейки кавказской национальности», как она себя называла, в защиту прав человека в нашей стране. Каково это — увидеть, что империя рухнула, а «воз и ныне там»?

ΕΙ ΝΕΟ ΑΑΑΙ «Грандиозная катастрофа XX века» — развал советской империи — стала величайшим благом для десятков народов и многих миллионов людей. Все, кто как-то был причастен к этому, хотя бы мечтал об этом, имеют основания быть довольными этим. То, что «воз и ныне там», действительно большая беда для страны, которая так и не созрела — за тысячу лет истории — для того, чтобы жить по принципам свободы и уважения к человеку. Увы, «хотели как лучше...».

АИ Как вы считаете, можно ли защищать права человека, находясь во власти, сотрудничая с нею? Для Елены Боннэр это, судя по всему, оказалось неприемлемым. Правозащитник — это вечная оппозиция?

ЕА Все зависит от того, какая власть. В открытом, демократическом обществе с регулярно сменяемой властью представлены все группы населения, такое и возможно, и имеет место. Это можно видеть, в частности, в Израиле. Если я правильно вас понял, Елена Боннэр «находилась во власти» лишь в то короткое время, когда началась перестройка, и Андрей Дмитриевич Сахаров был депутатом Верховного Совета СССР. Но то ведь было советское время, с абсолютным единоначалием Компартии со всеми вытекающими последствиями для правозащитного движения.

АИ Вы были одним из активнейших распространителей самиздата. Наверное, через ваши руки прошли и журнал «Евреи в СССР», основателем и первым редактором которого был ученый-физик и публицист Александр Воронель, и «Магид» с «Нашим ивритом»... А какую роль вообще сыграл самиздат в правозащитном движении?

ЕА Думаю, что самиздат сыграл решающую роль в начале демократического движения в послесталинском СССР. Люди начали задумываться, в какой стране они живут. Для меня это началось в 1960-х с чтения и протестов первых правозащитников, первых повестей и рассказов Александра Солженицына. Но, «сказав А, скажи и Б», ты начинаешь искать выход из нетерпимого положения. Для меня и многих тысяч евреев таким выходом стало движение за выезд в Израиль. Еврейский самиздат в этом движении стал важнейшим инструментом возрождения еврейства в СССР и укрепления еврейского самосознания в борьбе за выезд в Израиль.

АИ Многие призывы Елены Боннэр советских времен — к бойкоту Олимпийских игр в Москве, к экономическим санкциям против СССР, — казалось, были направлены против своей страны. Но, живя последние годы в Бостоне, Елена Георгиевна признавалась, что чувствует себя на Западе одиноко. Для такого человека, как она, где Родина и в чем патриотизм?

ЕА Елена Боннэр, как и Андрей Дмитриевич Сахаров, были правозащитниками в самом истинном смысле этого слова. Они помогали всем людям, независимо от религии и национальности. Но — по культуре, ментальности, самосознанию — они были русскими людьми, их родиной была Россия. Их патриотизм был в том, чтобы сделать свою родину страной «с человеческим лицом». Их звездным часом стал развал бесправной советской империи. Америка — страна иммиграции, для таких патриотов России, истинно русских людей она не может стать настоящей родиной, какой, например, является Израиль для евреев. История русской иммиграции в Америку знает много такого рода примеров духовного одиночества настоящих патриотов России.

Î Î Ê Î Õ Ê Å Ç Û Å Å È Ñ Û Î Õ Î Å Ñ È Ë Û Ñ Õ Å Î Î Û Õ Å Å È Ñ Õ Å È È

Å È Å È Ñ Å Î Å Ð Å Î Ð Î Î Å È Û

Å È Ñ Ñ È Å Å Î Õ, Î È Ñ Õ Å È Û, Õ × Å Î Û È - Õ È Ç È È

Å Î Какой вам, сегодняшнему израильянину, представляется полувекковая роль диссидентства? Не кажется ли диковинным такое понятие, как «общественный деятель»?

Å È Å È Ñ Å Î Å Ð Å Î Ð Î Î Å È Û Диссидентство не сыграло политической роли. Как всякое героическое поведение, деятельность диссидентов и, в частности, Люси Боннэр создала только психологическую предпосылку, моральную атмосферу, в которой оказалась возможна (и то только в будущем) политическая жизнь. Диссиденты сознавали, что далеко опережали политическое сознание своего народа, и термин «общественный деятель» действительно не слишком удачный для страны, в которой еще не сформировалось гражданское общество.

Å Î «Приходят слова и уходят слова, /За правдою правда вступает в права». Карабахская история и Елена Боннэр. Сотни тысяч людей прокляли эту женщину после карабахских событий, сотни тысяч людей вознесли ее. Вам не кажется, что как правозащитник Елена Георгиевна обязана была подняться над этим кровопролитием? Не так ли думал и Сахаров, находившийся под влиянием супруги?

Å Å Правозащитная деятельность не сводится к словам. Кровавые конфликты нельзя рассматривать в отрыве от их предыстории, установив таким образом равенство сторон. К конфликту в Карабахе нужно добавить и резню армян в Баку, и непризнанный геноцид в Турции. Правозащитники не боги и вынуждены выбирать одну сторону. Поднявшись над мировым конфликтом в 1945-м, мы должны были бы встать на защиту миллионов ограбленных этнических немцев, выселенных из своих домов в Чехии и Польше (не говоря уж о миллионах женщин, изнасилованных советскими солдатами). Но предшествующее убийство немцами миллионов евреев и цыган лишило их моральной защиты, хотя многие из них действительно жестоко пострадали. Сахаров не менял своих мнений под влиянием супруги, но, конечно, мог отнестись к делу с большей страстью в связи с ее поддержкой.

Å Î Почему побывавшие у кормила нынешней власти советские диссиденты столь быстро с нею прощались: несогласие как основная черта характера? запрограммированность на разрушение? Почему сегодня им удобнее оставаться «правозащитниками»?

Å Å Большинство диссидентов понимали, насколько они «далеки от народа», и их отказ от власти (и от соответствующей ответственности) мог означать не их разрушительный характер, а отказ от заведомо насильственных действий, которых требует власть. В такой интеллигентской боязни есть и доля вины классической русской литературы, которая культивировала неземную праведность. Лев Толстой

жестко критиковал суд присяжных, а его народ смирился с судом «тройки». Правосознание в России до сих пор находится в зачаточном состоянии, и «правозащита» не может этого изменить.

АИ Бывший СССР выбросил на Запад миллионы «гомо советикус». Не кажется ли вам, что эти миллионы изменили политическую ситуацию в мире более, чем кто-либо?

АИ Нет, я думаю, что выходцы из СССР сумели повлиять только на ситуацию в Израиле, где они составляют заметный процент. Бывшие выходцы из СССР оказались не так склонны к уступкам, как бывшие правящие партии в Израиле. Сказалось их воспитанное годами в СССР глубокое недоверие к показному гуманизму. Эта тенденция совпала по времени с разочарованием молодежи в «мирных усилиях» политических манипуляторов. Весь политический спектр в стране заметно сдвинулся вправо.

ÀÈÀÀÌ ÙÌ ÀÈÈ ÀÈÑÑÈÀÀÌ ÒÌÁ ÁÙÈÌ ÑÀÌ ÌÁÙÐÀÈÀÌ ÈÁ

ÀÈÀÀÈÌ ÈÐÀÌÈÌ ÌÁÈ×

ÌÈÑÀÒÀÈÛ

ÀÌ Прошло немного времени, но уже сейчас во многих идеях диссидентства видится что-то от социальной утопии. Своего рода донкихотство, с трудом сочетающееся со все более прагматичной реальностью. Можно ли назвать Елену Боннэр «последним романтиком», верящим в чудо социальной справедливости?

ÀÈÀÀÈÌ ÈÐÀÌÈÌ ÌÁÈ× Ее нельзя назвать «последним романтиком» как раз потому, что она не особо верила в чудо социальной справедливости. Диссиденты никогда не представляли собой единого целого, не шли единой партией, фронтом. Цели у всех были самые разные. Объединяло одно — желание выразить себя. Что все в той или иной степени и делали. А любое выражение за пределами установленных советской властью жестких рамок уже было признаком диссидентства. И каждый человек, если он верил в Б-га и как-то открыто проявлял себя, — был диссидентом. Многие диссиденты в СССР руководствовались принципом: делай, что должен, а там будь что будет. Главное — осуществиться самому, здесь и сейчас, а дальше пусть сажают, пусть делают что хотят. Разве это романтический подход? На мой взгляд, прагматический. Думаю, Елена Боннэр относилась к людям именно такого мировоззрения. Еще совсем недавно она говорила, что никакая не правозащитница. По моему мнению, тут неверная самооценка. Как раз Елена Боннэр безусловно правозащитница, причем выдающаяся.

ÀÌ Ирония, как известно, хорошее «оружие», попадающее в цель не хуже иных лозунгов и манифестов. В годы противостояния Сахарова и Боннэр режиму вы были как раз тем писателем, который использовал его по назначению. А для диссидентской среды ирония была «оружием» или «спасательным кругом»?

ÀÌ Среди диссидентов было немало людей, у которых ирония или самоирония отсутствовали напрочь, но были и такие, которые пользовались ими как частью своего арсенала. Кто-то проявлял себя всерьез и с пафосом, как Солженицын, пафос ему был просто необходим, кто-то — напротив. Это зависело от характера. Мое мнение: ирония и самоирония в этой деятельности все-таки помогали. Известный правозащитник Андрей Амальрик, сидевший дважды, помнится, утверждал, что его никогда не положат в психушку по той простой причине, что обычно диссиденты говорят, что борются за идею, а он всегда говорил кагэбэшникам: «Я денежки люблю». Они считали его человеком земным, порочным и вместо «дурки» сажали в тюрьму. Что в сравнении с сумасшедшим домом считалось большой удачей: я видел некоторых людей, прошедших через психушку... Это раньше, в сталинские времена, было мнение, что диагноз «вялотекущая шизофрения» мог спасти от расстрела.

ÀÌ По-моему, человек, умеющий смеяться над действительностью, — это и есть человек свободный. Однако гарантирует ли отсутствие политических запретов внутреннюю, истинную свободу?

АА Не гарантирует ничего. Человек вне общества не может жить. А общество существует по законам писаным и неписаным. Да и внутренняя свобода — понятие далеко не однозначное. Как сказали бы большевики, жить в обществе и быть свободным от него невозможно. Мы ведем себя в соответствии с правилами, установленными в обществе. Эти правила в разных обществах бывают различными. Но даже так называемое «свободное» общество свободно относительно. Одни только национальные обычаи как обогащают палитру... Что принято у одних народов, не принято у других. Случается, правила нарушают, но положительное значение это имеет лишь тогда, когда, находясь в несвободном обществе, человек ведет себя как свободный.

АА Правозащитник обязательно должен быть оратором, владеть искусством убеждения. Может быть, поэтому среди известных диссидентов так много писателей? У Елены Боннэр было литературное дарование?

АА В какой-то степени. Скорее публицистического характера. Елена Георгиевна умела предельно ясно излагать свои мысли. Не думаю, что дарование подобного рода можно отнести к художественному. Да и правозащитной деятельностью может заниматься человек, совершенно не умеющий выступать, потому что эта деятельность предполагает самые разные формы. Например, оказание материальной помощи жертвам того или иного режима. Красноречие тут совсем не обязательно. В политике вообще слишком красноречивых следует опасаться. Гитлер был чемпионом на этом поприще, но к чему привело человечество его «дарование», мы хорошо знаем. По правде говоря, не уверен, что Елена Георгиевна могла бы заслужить звание публичного оратора, трибуна. То же самое, наверное, можно сказать и о Сахарове: он не был красноречив, но говорил всегда по делу и доходчиво.

«А ИДИШЕ МАМЕ»

ІАОАІ ÛАДАІНĚĚĚ

АІНЉАДНОААІ І ÛЕ Е ІА ÛАНОААІ І ÛЕ ААВОАĚÛ ЕСДАĚĚВ

ІДААІСА ÛЕОІĚĚ Е ІЕНАОАĚÛ

АІ Вы работали с Сахаровым как раз в то время, когда Андрей Дмитриевич встретил Елену Боннэр. Вместе с ней вы вошли в первый состав Московской Хельсинкской группы. Какой вам запомнилась Елена Боннэр?

ІАОАІ ÛАДАІНĚĚĚ Елена Боннэр, с одной стороны, человек очень решительный, с огромной энергией, с огромным желанием защищать правду, бороться за нее... И в то же самое время она заботилась о каждом человеке как самая настоящая «а идише маме». Приезжаю к ней взять какой-то материал для журналистов, а она прежде всего, даже если хвосты КГБ дожидаются меня под окном, заботится о моем здоровье, сажает за стол поесть и только потом переходит к делу. В своей правозащитной деятельности Боннэр всегда считала себя обязанной думать обо всех, кто сидел в тюрьме. По какому бы поводу ни проходила демонстрация, по какому бы поводу ни было интервью, она любую встречу с журналистами использовала, чтобы защищать права тех, кто находился в заключении.

АІ Вы известный защитник идеи сионизма. Какое место сионистская идея занимала в правозащитной деятельности Елены Боннэр?

ІÛ Для Елены Боннэр сионизм был частью той национально-освободительной борьбы, которую она вела на протяжении всей жизни. А она поддерживала людей всех национальностей, всех вероисповеданий в их желании быть свободными, жить в соответствии с национальной идентичностью. В то же время она часто говорила о своей еврейской половине: «моя еврейская кровь» — и испытывала огромную симпатию к еврейскому государству. Причем чем больше несправедливости совершалось в отношении еврейского государства, тем сильнее становилась ее страсть защитницы Государства Израиль. Последнее время на международной арене это был самый сильный, самый бескомпромиссный голос, разоблачающий лицемерие теперь уже западного, «свободного» мира в отношении Израиля... Год назад, в Бостоне, когда я встречался с ней в последний раз, все ее вопросы, вся ее боль, все разговоры были об Израиле. Когда я сказал: «Мы совсем не говорили о России», она ответила: «Ну, что Россия... Русский народ, прежде всего, должен сам решить, в каком обществе он хочет жить. А евреи уже решили. Они защищают единственную демократию на Ближнем Востоке. И весь мир, вместо того чтобы, объединившись, поддерживать Израиль, ослабляет его, и в этом моя боль».

АІ Архив Сахарова, который вы помогли спасти, находится сейчас в Гарварде, там же работает Сахаровская программа по правам человека. Так что же, деятельность, которую вели Елена Боннэр со своим мужем, переместилась на Запад? Россия по-прежнему «вне игры»?

IÛ Ну, насколько я знаю, наследие Сахарова исследуют и в Москве, эта работа продолжается. Но центр ее, естественно, переместился на Запад, поскольку там созданы наилучшие условия для исследовательской деятельности и популяризации сахаровских идей во всем мире. Я очень надеюсь, что со временем наследие Сахарова станет частью и университетского, академического мира, и широкой общественности.

AI Поколение диссидентов, сыгравшее столь значительную роль в советские времена, уходит на наших глазах. Кто пришел им на смену? Кто продолжит начатое ими дело?

IÛ Видите ли, слава Б-гу, что сегодня можно быть диссидентом и не проходить при этом через долгие годы тюрьмы и голодовок. Я надеюсь, что великая традиция русской интеллигенции, подхваченная диссидентами во главе с Андреем Сахаровым, которая пробилась даже сквозь тяжелую диктатуру «железного занавеса», укрепитя и расцветет и в сегодняшней России, где, при всей моей критике многих аспектов происходящего, тем не менее нет того непреодолимого барьера страха, который возникал при одной мысли о диссидентстве. Я с гордостью смотрю на мою коллегу Люду Алексееву. И я надеюсь, что и молодое поколение будет вдохновлено деятельностью таких людей, как Людмила Алексеева и Сергей Ковалев.

Лишь с одним пассажем интервью позволю себе не согласиться: диссиденты не только создали «психологическую предпосылку, моральную атмосферу», в августе 1991-го именно они развернули страну на 360°, одержав краткосрочную историческую победу над режимом. Но на одном несогласии государства не построить. Словам Елены Георгиевны Боннэр о том, что мы, россияне, до сих пор так и не решили, в каком обществе хотим жить, сегодня можно придать статус завещания.

В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Адеи Еадеа

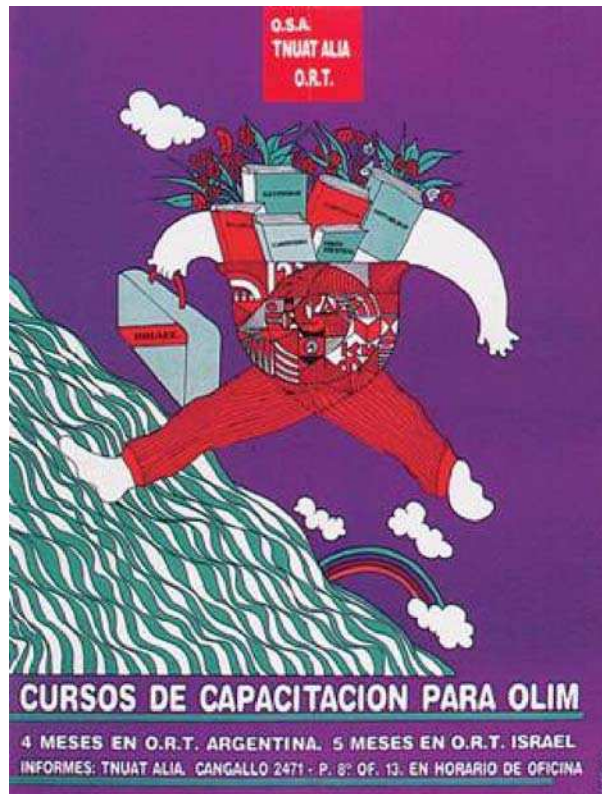
*Іе, адеааіа çà:аі ааі
:аеаѳ Аааі оеіа?*

Аіо ааі епòідеѳ еаòіаеіа дааеіа

*Еіòіòіе аеё а оаеіе
і даёдаіі Іе Іаіò аі Іаеа*

А оаеіі :аааі іі аòіаа Еаòіаеа

Оіеуеіѳ

Несколько лет назад я отправился в Буэнос-Айрес. Снял заранее квартиру в районе Абасто, знаменитом тем, что там жил Карлос Гардель, знаменитый тем, что он — самый великий аргентинский певец. И хотя он погиб в авиакатастрофе в 1935 году, аргентинцы говорят про него: «С каждым днем он поет все лучше». Из аэропорта «Эсейса» я доехал до назначенного места. Времени до встречи с квартирной хозяйкой оставалось еще прилично; я сел за столик в ближайшем кафе и начал наблюдать окружающую жизнь. То, что я увидел, поразило меня. Было ощущение, что я нахожусь в районе Меа Шеарим в Иерусалиме: по улицам ходили сплошные доски; все как надо — в лапсердаках, штраймлах и пейсах, вот только говорили по-испански. Я обошел весь баррио и обнаружил еврейскую школу, синагогу, магазин сифрей кодеш, вот только супермаркет был китайский, но в Буэнос-Айресе практически все супермаркеты китайские.

Нет, в аргентинской столице живут, разумеется, не только религиозные евреи. Но всего их там разместилось 180 тыс. Для трехмиллионного города это немало. Каждый третий таксист, узнав, что я из

Израиля, с удовольствием произносил что-нибудь стандартное типа «ани ло мэдабэrr иврит!» Те же, кто про иврит и этого не знал, с неподдельным интересом начинали расспрашивать, а какой там алфавит, а сколько букв и что, правда точки и палочки вместо гласных? Другие гордо сообщали, что у них еврейка бабушка. В общем, я попал в город филосемитов.

Чтобы понять какое-нибудь явление, нужно ознакомиться с его историей. Аргентина, как известно, иммигрантская страна. Начиная с последней четверти XIX века она открыла неограниченный въезд для всех желающих, предоставляя при этом все гражданские права. Считалось, что сейчас же в страну хлынут высокообразованные специалисты из разных стран. В страну действительно хлынули, но — беднота и голода из Западной и Восточной Европы. Андалузские крестьяне, итальянские анархисты, немецкие пролетарии, евреи из черты оседлости.

Евреи, как всегда, создали массу собственных организаций, как религиозного, так и светского толка. Одна из таких организаций называлась «Варшавское общество взаимопомощи». За этим невинным названием скрывался на самом деле один из самых преступных и отвратительных картелей за всю историю еврейского народа. После того как российский посол подал жалобу, организация была переименована в «Цви мигдаль». Суть ее заключалась в том, чтобы рекрутировать молодых девушек, в основном из Восточной Европы, якобы для работы в Аргентине в качестве прислуги, а на самом деле в качестве проституток в борделях. Еврейская мафия к 20-м годам прошлого века из трех тысяч буэнос-айресовских борделей контролировала примерно две тысячи. Первыми на освоение новой страны отправлялись мужчины, и женщин в Буэнос-Айресе катастрофически не хватало. По некоторым данным, в определенный период на пятьдесят мужчин приходилась одна женщина. Этот дефицит и покрывал картель «Цви мигдаль». Способы рекрутирования молодых девушек чрезвычайно напоминали те, которые будут использовать в 1990-х русские сутенеры для заманивания русских девушек в Турцию. Это и предложения выгодной работы, и брачные аферы. Одна из таких историй ярко обрисована в фильме «Обнаженное танго».

*Áëääá îðñîí çáðòèè «Óåè î çññàëü»
Î îý Õðñîí áí. Î à:áéí XX áñèà*

Протесты против деятельности «Цви мигдаль» как со стороны властей, так и со стороны еврейских организаций нисколько не помогли ее закрытию, ибо картель был крепко связан коррупционными узами с полицейскими и судебскими властями. Конец картеля наступил лишь в 1939 году, когда Европа была поделена между нацистской Германией и Советским Союзом, а подводники Деница наложили плотную блокаду на движение по Атлантике.

Мы так подробно остановились на деятельности «Цви мигдаль» по двум причинам. Во-первых, об этой организации и ее деятельности аргентинцы помнят до сих пор, но это ни в коем случае не является поводом для антисемитизма. Никому в Аргентине не приходит в голову выставить евреям счет за прошлые преступления. Кроме того, странным образом бордели начала XX века стали базой для той культуры, которая является гордостью и отличительной национальной чертой Аргентины, — танго. Там оно развивалось и процветало, пока через признание Европы (Парижа, если быть точными) не вышло в фешенебельные салоны.

Теперь перейдем непосредственно к аргентинцам еврейского происхождения. Они довольно сильно консолидированы, многие из них учились и жили в Израиле. Почти все они убежденные сионисты. Но это несколько не мешает им оставаться истинными патриотами Аргентины. Забавно, что, когда я спросил одного аргентинца в Израиле, за кого он стал бы болеть в случае футбольного матча между Израилем и Аргентиной, он буквально схватился за голову. Для него этот вопрос был равносильным: «Кого ты больше любишь: папу или маму?»

В Буэнос-Айресе мне много раз приходилось слышать фразу: «La gente es muy tolerante acá» («Люди здесь очень терпимы»). Но как? Почему? Страна не вылезает из военных переворотов, а люди терпимы? В этом есть некая загадка. Попробуем ее разгадать после того, как расскажем еще несколько историй.

Абу іп Абуаі Тейіт 1956 ааа

Поначалу в Израиле отношения с аргентинцами у меня сложились не ахти. Они все были сплошь социалистами, что меня, только-только приехавшего из Советского Союза, бесило и раздражало. И только по прошествии лет, побывав в Буэнос-Айресе, я понял, что социалистом здесь является всякий приличный человек.

Вообще же, в аэропорту «Эсейса» испытываешь странные ощущения. Привычно приехав за два часа до отлета, проходишь всю процедуру за час, а дальше околачиваешь груши. Все дело в том, что ты в стране, которая не страдает ни от терроризма, ни от нелегальной иммиграции.

У аргентинцев масса комплексов по поводу собственной истории. Один из них — так называемая операция «Одесса». После поражения гитлеровской Германии правительство Аргентины, за деньги, дало на своей территории укрытие многим нацистским преступникам. В частности, Эйхману, которого израильтяне выкрали и судили, и доктору Менгеле, которого так и не нашли.

В Буэнос-Айресе я лично стал свидетелем антиизраильской демонстрации. Антиизраильской, заметим, но не антиеврейской. Причем в лучших традициях карнавала: с изображением несчастных палестинцев, заматанных в куфии, и израильских солдат в форме и с автоматами. Масса хлопшек. Но все это не означает, что аргентинскому народу не нравятся евреи. Ему не нравится израильская политика, которую он считает несправедливой. Вот: слово произнесено — справедливость.

Nei aān ī ā oēōā Nāāān. Aōī īn Aēōān

За все время в Буэнос-Айресе я видел только одно граффити «Аргентина для аргентинцев» и десятки Justicia — «Справедливость». Аргентинцы много лет, если быть точным — начиная с 1810 года, года отделения от Испании, находятся в поисках справедливости. Им не до ксенофобии.

Кстати, старенький уже классик еврейской американской литературы Филип Рот в недавнем интервью рассказывал, какой чудовищный антисемитизм царил в США в 1920–1940-х. Ньюарк был очень еврейским местом, но сегодня там евреи больше не живут — их потеснили черные. (Впрочем, всегда кто-нибудь кого-нибудь теснит: русские пуэрториканцев на Брайтон-Бич; китайцы итальянцев на Манхэттене.)

Aāōōōā ēēāāē āā ā Aōī īn Aēōān

Так вот, аргентинцы ищут справедливости — социальной справедливости. Их не интересует, откуда взялся человек и к какой национальности он принадлежит. Вся история страны — это поиск

социальной справедливости. Недаром перонизм был так популярен: казалось, что социальная справедливость наконец достигнута.

Аргентинцы так заняты поисками социальной справедливости, что все другие проблемы, которые являются бичом для многих стран, отходят на второй, третий, десятый план. В фильме «Урок танго», поставленном английским режиссером Салли Поттер, есть забавный момент. Собственно, фильм о романе между самой Салли — преуспевающим режиссером и аргентинским виртуозом тангера Пабло Вероном. Сценарий писала Салли, и она вписала туда сцену, где герои ведут экзистенциальную беседу. Красавчику Верону приходится произносить китчевую фразу: «Я — танцор. И... еврей». И крупная слеза катится по его щеке. Салли Поттер просчиталась. Потому что тот факт, что Пабло Верон — еврей, мало, если вообще, волнует как его самого, так и его соотечественников.

В Аргентине отсутствует национальный вопрос как таковой. И это и уникально, и прекрасно. В какой еще, скажите, стране, проводится День китайской культуры? А проводится он просто потому, что в Аргентине живет очень много китайских эмигрантов. И как нет в Аргентине антикитайских настроений, так нет в ней и антисемитизма. Что тут скажешь? Да здравствует Аргентина!

НАШ ФОРУМ

×ÈÒÀËË?

Ï ÎÇÀ – Î ÒÆËÏËÏÏÏ, «ËÏËËÏÏÏÏ» Î Ò «ÏËÏÏÏÏÏ»

Àáááááááááá Áðáááááááááá Ì àí áááá

2011.7

ÏËËËÏ ðüüü oleg-jurjew.livejournal.com

Не устарела и не устареет дискуссия об издательстве «Эксмо» и серии «Сталинист»: налицо ложная постановка вопроса, уводящая от социокультурной его сути. И вот пожалуйста — ответвление от нее в журнале «Лехаим». <...> Полагаю, что конкретно Улицкая и вообще вся «шубинская литература» (т. е. издающаяся соответствующими отделами «Эксмо» и «АСТ» для продвижения «качественной», с их, разумеется, точки зрения, литературы, которую я и называю «шубинской» по имени известного редактора, в значительной мере повлиявшего на формирование данного явления), в сущности, — если мы стоим на том, что интересуемся «высокой культурой» и ее сохранностью, — гораздо вреднее и предосудительнее всех на свете сочинений сталинистов. Они портят вкус, навевают ханжество, приучают к эрзацу и выдают за литературу массовую подделку. Развращают примером «успеха» молодых писателей, причем из тех, что «поинтеллигентнее». Обращают их к техникам позднесоветской и постсоветской имитации культуры. Собственно, все это уже до известной степени произошло. Кто совсем тупой, идет в «новые реалисты» (что предоставляет и полное идеологическое раздолье — от коммунизма до лимоновщины), а кого родители на языки отдавали и книжки заставляли читать — берет себе за образец всю эту совдеповскую убогость — «шубинскую литературу». Сказанное вовсе не означает, что каждый автор этого «сегмента» обязательно был с самого начала таковым, но это путь, угрожающий всем на него вставшим. В том числе и в результате изменения психологии и отношения к самой литературе, наглядно продемонстрированным в процитированном ответе Людмилы Улицкой касаясь того, что ей бы не нашлось места, где печататься. Всерьез интересующиеся могут проследить хотя бы за эволюцией Михаила Шишкина от «Взятия Измаила», где имитация и усвоение чужого текста производится на таком мелком клеточном уровне, что даже уже перестает быть имитацией, до нынешнего романа, представляющего собой одну-единственную гигантскую клетку тривиальной, типично имитационной литературы — сентиментального трэша. Это очень поучительная история, на мой взгляд. Особенно если прочесть недавнее интервью М. Шишкина берлинской газете

«Фрайтаг»,

в которой он говорит про русскую литературу, которая была долго отлучена от технических средств литературы западного модерна и теперь должна учиться с ними обращаться: «К сожалению, в XX веке русская литература попала на обочину. Если запереть людей в своего рода клетку, то они от всего отгораживаются, потом возникает своего рода субкультура, собственный язык с собственными шутками, потом они перестают интересоваться тем, что происходит снаружи. Русская литература в течение нескольких десятилетий не воспринимала развития повествовательных приемов, происходившего в культуре модерна и мировой литературе. Все это она должна была сначала переработать, прежде чем обратиться к дальнейшему самостоятельному развитию. Но теперь настало время сделать первый шаг». Сначала я подумал: что за тяжелый, невежественный и напыщенный бред?! Как могла русская литература пропустить развитие повествовательных приемов модерна, если сама отчасти и изобрела их? И кто это сидел в клетке — Бродский, Аронзон, Вен. Ерофеев, Саша Соколов, Елена Шварц? Я лично ни в каких клетках не сидел, и все, что мне нужно было знать, знал. Но потом первое возмущение уступило место пониманию: Шишкин просто-напросто проговорился, выдал себя. Это советская литература сидела десятилетиями в заблужденных комнатах своих домов творчества, не интересуясь всерьез, что же происходит снаружи. Это о повествовательных приемах распутиных и беловых, прохановых и курчаткиных идет речь. Это от них происходит, да и производит себя писатель Михаил Шишкин, овладевший (!) повествовательными приемами модерна и собирающийся теперь сделать «первый шаг вперед». И именно поэтому он закономерно принадлежит к «шубинской литературе» — имитационной литературе советского культурно-антропологического типа. «Шубинская литература» и фантомное мышление широких мыслящих

масс, в данном случае и насчет товарища Сталина, в сущности, две стороны одной и той же медали, точнее, монеты.

СИНТИЯ ОЗИК: ИСААК БАБЕЛЬ И ВОПРОС ИДЕНТИЧНОСТИ

Синтия Озик

Идентичность, по крайней мере, готова требовать вопросов.

Леон Визелтир

За год до того, как рассыпался Советский Союз, мне позвонила из Москвы мать С., моя двоюродная сестра, чье существование до сих пор было смутной легендой. «Спаси мою дочь!» — кричала она с интонациями, которые звучали, наверное, уже не первое тысячелетие. Поэтому, когда С. прилетела в Нью-Йорк, я ожидала увидеть перепуганную беженку, спасающуюся от невыносимого давления народного антисемитизма: в то время пресса была полна мрачных сообщений об этом. Месяцами, готовя ее спасение, я металась по учреждениям — выясняла, как добиться для нее политического убежища.

Но когда С. наконец появилась, в черных колготах, мини-юбке, с карминными губами, стало ясно, что все это ее совершенно не волновало. Она не хотела, чтобы ее спасали. Она хотела американских каникул, свежих бойфрендов и кожаное пальто. Она привезла с собой основательный набор косметики и огромную хрустящую пластиковую сумку, набитую сотнями комсомольских значков с изображением мальчика Ленина. К ним она относилась презрительно: стоят копейки, сказала она, за все это отдала сущую ерунду. В течение двух недель С., прирожденная предпринимательница, завязала романтические отношения с красивым молодым администратором из соседнего магазина спорттоваров и под Рождество убедила его поставить ей стол в самом оживленном месте магазина. Она продавала значки с Лениным по три доллара штука, выручила за день три сотни и купила кожаное пальто.

Конечно, она была странным экземпляром. Ее английский был весьма своеобразен, ее зеленые глаза метали очаровательные насмешливые молнии, голос был глубокий, как у Греты Гарбо в «Ниночке», и до сих пор никто из нас не видел советского человека вблизи. Она думала, что телефон прослушивается. Она думала, что супермаркет — это выставка продовольственных товаров. Любая неисправность в доме — например, сломавшаяся лампа — вызывала у нее иронический хохоток: «Прямо как у нас!» Она решительно не была атеисткой, она тяготела к оккультному; верила, что Б-г может говорить с тобой во сне (у нее был сонник, в котором то и дело возникал Христос), обожала церкви Старой Руси и сокрушалась об их разрушении большевиками. Об оживлении антисемитизма молчала — это была территория ее матери. В Москве ее друг Геннадий подцепил ее в метро — потому что она еврейка. И спешно хотел на ней жениться: «Хочет уехать из Союза», — объяснила она.

В России она была спортивным врачом, разъезжала с советскими командами — грубоватыми парнями из простых семей, ежедневно проверяя их мочу на стероиды. (Убедиться, что с ними не переборщили?) Она заявила, что Горбачева *все* ненавидят — только легковверные американцы любят его, а сам он балабол, как и все остальные. Одна моя исторически мыслящая подруга задала ей серьезный вопрос в духе старомодного либерального идеализма: «Все мы, конечно, знаем о сталинских эксцессах, — сказала она, — но что вы скажете о начале? Разве вначале коммунизм не был прекрасной надеждой?» С. разразилась своим обычным циничным смехом, она сочла мою подругу безнадежно глупой. «Коммунизм! — фыркнула она. — Какой коммунизм? Наивная! Сказка — всегда! Никакого коммунизма, никогда! Наивная!»

И, бросив пятерых чистопородных американских бойфрендов с разбитыми сердцами, она (в кожаном пальто) вернулась в Москву. За Геннадия она не вышла. Ее мать эмигрировала в Израиль. Последнее, что я услышала об С., — она занималась бизнесом на Сахалине, покупала и продавала — как ископаемые — поддельные мамонтовы бивни.

Итак, все кончилось — «Великий эксперимент», как называли его прежние мужественные голоса, — и С. была и симптомом, и доказательством того, насколько бесповоротно это кончилось. Она представляет собой последнюю потугу Советского Союза — рождение законченного Нового Советского Человека, полностью развившегося из зародыша. Если есть тут аксиома, то такая: идеализм, введенный в каналы утопии, породит цинизм, такой всеобъемлющий, что каждое проявление жизни — молодость, искусство, работа, любовь, самоанализ — будет им запятнано. С., с которой я недолго общалась, не доверяла ничему; в ее мире доверять было нечему. Изначальная коммунистическая сказка навела морок: родовое проклятие Бабы-яги.

В колледже я прочла «Коммунистический манифест» — завораживающий псалом. Надо было бы прочесть и «Конармию» Исаака Бабеля — для коррекции, в качестве сопроводительного текста. Или противоядия. «Но что вы скажете о начале?» — спросила моя подруга. С. ответила лучше любого историка, но никто не ответил страшнее, чем Исаак Бабель. Если С. — последнее поколение Новых Советских Людей, то он — первое, начальная материализация «Манифеста».

*Èñàé Áààéù
. Deññ íé Áéààèì èdà Ì èèàòáàííá.
1933 áà
Èç òíí áàá Ìññèèñéé áñáàðñò ááí í é áéàéèì òáé
. Ááú òñò áí «DEÀ» Ì íáñò è*

В том, что Бабель приветствовал падение царизма, нет ничего противоестественного. Он был одесский еврей, сын просвещенных родителей, жаждавший европейского образования, на него распространялась царистская квота, препятствовавшая поступлению евреев в университеты; Бабелю, в частности, — в Одесский университет. Молодым писателем, чтобы быть поближе к Горькому, своему литературному кумиру, он с риском для себя отправился в Петербург, город за чертой оседлости, где не позволялось жить евреям. Какой еврей не радовался бы крушению режима, который еще недавно, в 1911 году, судил Менделя Бейлиса за вымышленное ритуальное убийство мальчика? [1]

Какой еврей в эпоху санкционированных государством погромов не обратился бы с облегчением к силам, обещавшим свергнуть угнетателей? Примкнув к большевикам, Бабель, возможно, был ревностнее многих, но не подвержен aberrациям. Если приходилось выбирать между царем и большевиками, какой еврей выбрал бы царя? (Третий вариант, который предпочли десятки тысяч, был бегство в Америку.) Но если человек решил связать свою судьбу с революцией, какой еврей захотел бы примкнуть к казакам?

В 1920 году Бабель примкнул к казачьему войску. Шел третий год гражданской войны — революционеров, красных, с монархистами, белыми; Бабелю было двадцать шесть лет. Он был не новичок в армии. За два года до этого [2], во время первой мировой войны, он пошел добровольцем в царскую армию, попал на румынский фронт и заразился там малярией. В 1919 году он с Красной Армией защищал Петроград от наступавших белогвардейцев. А в 1920-м поступил в советское телеграфное агентство РОСТА в качестве военного корреспондента газеты «Красный кавалерист». Польша, недавно ставшая независимой, наступала на восток, пытаясь восстановить границы XVIII века; большевики перешли в контрнаступление под жаркими лозунгами коммунистической свободы для польских рабочих и крестьян. Внешне в польско-советской войне территориальный интерес противостоял идеологии; на самом деле целью обеих сторон был захват нищих деревень и городов и их несчастного населения. Хотя мировая война закончилась, Антанты, страшась распространения коммунизма, помогала Польше вооружением и добровольцами. (В конце концов поляки одержали верх, большевики отступили, причем и те и другие по ходу дела грабили местное население.)

В эпоху воздушных боев Бабель был приписан к Первой конной армии, казачьему соединению под командованием Семена Буденного. Образ казаков — сверкающие сабли, топот копыт — был неразрывно связан с царской властью, но вопреки этому Первая конная была большевистской. Южным фронтом командовал член Реввоенсовета Сталин [3], и Буденный был заодно со Сталиным. Таким образом, Бабель оказался в рядах людей, по видимости сочувствующих марксистской доктрине; однако красные казаки были такими же, как белые: буйные всадники, в большинстве неграмотные, грубые, чуждые всяких абстрактных идей, и главными их интересами были кони да как без помех пограбить и утолить голод и похоть. «Это не марксистская революция, — писал в дневнике Бабель, — это казачий бунт». Стычки русских и польских кавалеристов в балках, когда над головами носятся самолеты, — зрелище не более причудливое, чем Бабель — писатель, который уже публиковал рассказы, высоко оцененные Горьким, — спящий в грязи среди казаков.

Лайонел Триллинг в своем весьма тонком (но фактологически не везде точном) предисловии к сборнику рассказов Бабеля 1955 года — куда вошла и «Конармия» — пишет об анекдотичной ситуации, когда еврей служит в казачьем полку. Анекдотичной, по словам Триллинга, потому что «казак традиционно считался

врагом, еврей страшился его и ненавидел... В самой основе существование казака было антитезой существованию еврея. Еврей рассматривал себя как существо интеллектуальное, мирное, гуманное. Казак же для него — физическая сила, воинственность, ограниченность, невоспитанность — естественный и безотказный инструмент угнетения».

Однако Триллингу предлагает другой, более обаятельный портрет казака, называя его толстовским: «Он был человеком, еще не скованным цивилизацией, прямым, непосредственным, резким. Человеком, на зависть простым, живущим физической жизнью, — движущимся стремительно и грациозно». Короче: «Благородным дикарем, как мы его себе представляем». И этот взгляд он приписывает Бабелю.

Но оказывается, пребывание Бабеля среди казаков было психологически более сложным, чем представлялось Триллингу, хотя и он сознавал, что их отношения должны быть достаточно сложными и неоднозначными. Во-первых, Триллингу ошибочно полагал, что Бабель служил в армии по интендантской части, т. е. реально был военнослужащим. Однако, как корреспондент новостного агентства (и волей-неволей пропагандист), он с самого начала находился в статусе постороннего — независимо от своей национальности. Он присутствовал там как журналист. Мало того, из-за отсутствия других источников Триллингу допустил принципиальную — и на удивление наивную — ошибку: он решил, что «автобиографические» рассказы на самом деле автобиографические.

Из рассказов Бабеля Триллингу заключил, что Бабель был «евреем гетто» и «в восьмилетнем возрасте видел, как его отец стоял на коленях перед казачьим командиром». Он сопоставляет это (вымышленное) событие с размышлением Фрейда о том, как его отец «мирно воспринял оскорбление от человека, который сбил с него в грязь новую меховую шапку и крикнул: “С дороги, еврей!”» Мы можем сказать, предполагает Триллингу, что Бабель вступил в армию Буденного потому, что был свидетелем унижения отца перед конным казаком, который сказал: «Чем могу?» — и поднес к козырьку руку в замшевой лимонной перчатке, бесстрастно глядя на погромщиков, грабящих лавку Бабеля.

У Бабеля не было лавки. Эта сцена — капитан с его желтой перчаткой, еврей на коленях, погром — извлечена из рассказа Бабеля «Первая любовь». Триллингу подкрепил ее автобиографическим отрывком Бабеля, где он называет себя «сыном торговца-еврея». На самом же деле Бабель был сыном классового врага, он родился в состоятельной семье. Отец торговал сельскохозяйственными машинами и имел склад в деловом районе Одессы, где располагалось много импортно-экспортных фирм. В той же краткой автобиографии Бабель сообщает, что, поскольку у него не было права жительства в Петербурге, он скрывался «в погребе на Пушкинской улице у одного растерзанного, пьяного официанта». Это чистая выдумка: на самом деле он жил у почтенного инженера и его жены, с которыми состоял в переписке. Первая выдумка — для того, чтобы скрыть буржуазное происхождение в угоду коммунистической догме. Вторая — романтическое лицедейство.

Иса́к Бабе́ль

Тем не менее юный Бабель и в самом деле был свидетелем погрома. Страдания евреев отнюдь не обошли его стороной, и — равным образом — обольстительные веяния современной Европы. Одесса была современной, кипучей, разноплеменной, космополитичной; сама широта ее способствовала определенной секулярности мышления и свободному мировоззрению. Еврейским детям приходилось изучать традиционные тексты и комментарии, но, кроме того, их отправляли учиться играть на скрипке. Бабель смолоду влюбился в Мопассана и Флобера и первые рассказы писал на бойком французском. На родном же русском языке он, не щадя себя, трудился, вырабатывая собственный стиль, — и довел его до блеска. Ко времени ареста в 1939 году Бабель так и не вошел в ряды социалистических реалистов — говорят, в это время он переводил на русский язык Шолом-Алейхема.

Ввиду всех этих сложных переплетений замечание Триллинга о Бабеле как о «еврее гетто» представляется странным. Сам Триллингу охарактеризовал Одессу как «восточный Марсель или Неаполь» и отметил, что «в таких городах мигрирующее, гетерогенное население ослабляет силу закона и традиций и к

добру, и к худу». Можно заподозрить, что культурные представления Триллинга (а возможно, и его душа) ограничены неким или-или: или открытость миру, или гетто; что, привязывая еврейскую ученость исключительно к гетто, он не мог помыслить ее совместимости с широкой и сложной цивилизацией. Это частичное затмение ума, мне кажется, и мешает Триллингу лучше понять Бабеля. Интеллектуал, овладевший основами раввинистической литературы, образованный еврей Бабель был не «евреем гетто», а евреем мира. И не «обоих миров», а большой и разноцветной вселенной человеческого опыта и мысли.

Все-таки в молодости Триллинг воспринимал мир жестко разделенным. В 1933 году, наткнувшись на одно письмо Хемингуэя, он записал в дневнике: «...сумасшедшее письмо, написанное в пьяном виде — разоблачительное, высокомерное, испуганное, тривиальное, нелепое; однако, читая его, я подумал, насколько прав этот человек по сравнению с “высокими умами” моего университета, и что он произведет, и будет что-то значить для мира... что его жизнь, которую он может обнажить, не думая о достоинстве, анархическая и “ребяческая”, лучше любой иной подходит для его работы. И как далеко-далеко мне до того, чтобы стать писателем».

Триллинг завидовал, но и мечтать не мог о том, чтобы стать вариантом Хемингуэя: в одной руке винтовка, в другой перо, — чтобы еврей-интеллектуалу избрать полную физического напряжения жизнь. Тем более он не мог представить себе Бабеля-казака. Триллинг учитывал только ограничения еврейской жизни и упустил из виду очень важное: в глубочайших глубинах души каждого истового писателя прячется лицедей — непостоянный, многоликий, неугомонный и неутомимый. Триллинг видел только статику, а вернее, неизменный состав личности: либо ученость, либо отвага, только не вместе. Но Бабель сочинил себе персону настолько пластичную, что, поселившись у культурного человека, петербургского инженера, с удовольствием выдумал более закаленного Бабеля, обретающегося в подполье с «пьяным, растерзанным официантом». Пьяный официант был бы уже достаточно живописен, — а тут еще, ах, достоевская «растерзанность»!

*Ī àò àèüĭ Ààààüĭ àĭ-ü Èĭààà Ààààüĭ ĩò ĩ àòàĭ é æáĭ ü.
Ī àòàæ. 1933 àĭ à*

Он обожал разыгрывать и мистифицировать людей, — писала о нем дочь Наталья после многолетних попыток постичь его характер. Она родилась в 1929 году и жила с матерью в Париже, куда часто, хотя и безалаберно навещался Бабель. В 1935 году ему запретили выезжать за границу, и он больше не увидел жену и дочь. Когда Бабеля арестовали, Наталье было десять лет. В 1961 году она поехала искать следы отца в Москве, «где еще можно было встретиться с людьми, которые любили его и продолжали говорить о нем с ностальгией. Там, в тысячах миль от моего парижского дома, я сидела в его комнате, в его кресле, пила из его стакана и чувствовала себя совершенно сбитой с толку. В каком-то смысле я выследила его, но он все равно от меня ускользнул. Пустота осталась».

В прочувствованных мемуарах, опубликованных в 1964 году в советском литературном журнале, когда имя Бабеля вновь приобретало известность, писатель Георгий Мунблит, близко знавший Бабеля, писал о нем: «...этот лукавый, неверный, вечно от всех ускользающий, загадочный Бабель». Отчасти эта неуловимость объяснялась осторожностью в отношениях с бдительным режимом, но было здесь и острое удовольствие от скрытности, прятков самих по себе. В своей речи на собрании, посвященном Бабелю в 1964 году, Илья Эренбург — литературный Гудини, благополучно переживший все капризы сталинской политики, — говорил о том, что Бабель «любил окружать себя неизвестностью, что-то скрывать».

Там же другие писатели (уцелевшие в сталинских чистках) вспоминали о чудачествах Бабеля в эти опасные времена: Бабель — неустрашимый странник, фокусник, обманщик, иронист; безденежный,

ускользающий, живущий на краю, в стороне от общей колеи, нищий, тянувшийся к парижским низам, барам, проституткам, таксистам, жокеям, — все это напоминает отчаянные эксперименты Оруэлла. Бабель наслаждался Вийоном и Киплингом, он с восторгом обнаружил, что Рембо тоже был «авантюристом». Живой и переменчивый, «он любил забавные мистификации, — вспоминал [Лев Никулин](#), который учился с ним в одной школе. — <...> Я помнил мальчика в очках, в старенькой тужурке и помятой фуражке с зеленым околышем и гербом в виде жезла Меркурия».

Триллинг, писавший предисловие в 1955 году, разумеется, не имел доступа к этим материалам; как и Триллин, мы все еще нуждаемся в основательной биографии Бабея. Но даже из этих отрывочных свидетельств и беглых портретов видно, что присоединение Бабея к казакам, если и нельзя его назвать неизбежным, то, по крайней мере, оно вполне объяснимо. А фрейдистское предствление Триллинга об униженном ребенке из гетто далеко от истины. Ибо в случае Бабея менора и бесстрашие не исключали друг друга. Он был человек в чем-то бесшабашный. И даже напрашивается вопрос: мог ли писатель, столь склонный к перевоплощениям, не надеть казачий мундир?

В рассказе «Сын рабби» из «Конармии» прояснено это соединение ученого интеллекта с физической храбростью. Илья, сын житомирского рабби, «последний принц», погиб в бою. Рассказчик складывает его рассыпавшееся имущество: «Здесь все было свалено вместе — мандаты агитатора и памятки еврейского поэта. Портреты Ленина и Маймонида лежали рядом. Узловатое железо ленинского черепа и тусклый шелк портретов Маймонида. Прядь женских волос была заложена в книжку постановлений Шестого съезда партии, и на полях коммунистических листовок теснились кривые строки древнееврейских стихов. Печальным и скупым дождем падали они на меня — страницы “Песни песней” и революционные патроны».

Бабея самого влекла широта и эластичность этого неожиданного сочетания. В нем не было для него загадки. Но если сын рабби был двойным патриотом — верным Б-гу Авраама, Ицхака и Яакова и верным мечте об улучшении России, — то Бабель склонялся и к теологическому, и (в скором времени) к политическому скептицизму. Его *amor patrie* была любовь к родному русскому языку. До того как перед ним закрылась дверь сталинской тюрьмы в 1935 году, Бабель мог свободно уехать навсегда во Францию, к жене и дочери. Но при том, как он наслаждался французской литературой и языком, разлуку с родным русским он не мог вынести. Семью можно сменить, можно завести другую, но чем заменить речь Пушкина и Толстого, где найти ей дубликат? Бабель действительно нашел другую жену в России (хотя первая дожила в Париже до 1957 года и формально развода не было) и родил вторую дочь — вторая семья оказалась возможной. Второй язык — нет. (Можно представить себе, какие тревоги испытывали в странноприимной Америке даже после крушения коммунизма Чеслав Милош, Иосиф Бродский, [Норман Маня](#) и бесчисленное множество других, менее знаменитых литературных беженцев.) Оставшись в Советском Союзе и в итоге отказавшись подчинить свое искусство советским директивам, Бабель принес свою жизнь в жертву своему языку.

Языку этому он не давал роздыху. Он прищипывал его и загнал его до беспримечной худобы. Он цитировал Пушкина: «точность и краткость». «Высокое мастерство, — сказал он Мунблиту, — состоит в том, чтобы сделать ваш способ писать как можно менее заметным». Эренбург вспоминал свой разговор в Мадриде с Хемингуэем, который тогда впервые прочел Бабея: «Меня ругали, что я слишком кратко пишу. А я нашел рассказ Бабея еще более сжатый. Значит, можно еще крепче сжать творог, чтобы ушла вода». Такие своевольные эксперименты с письмом едва ли отвечали официальным задачам литературы — прославлять рост социализма в рецептурной прозе о благах коллективизации. Бабель не пошел наперекор партийным установкам: он почти замолчал — писать продолжал, но почти ничего не печатал. Его пьеса и сценарий были встречены судорожной партийной критикой, и режиссер фильма по мотивам тургеневского рассказа вынужден был публично извиняться^[4].

Рассказы из «Конармии» выходили в свет поодиночке до 1924 года. Советская культурная политика еще не сформировалась окончательно; это был период послереволюционной терпимости и брожения. Русский модернизм разрастался: формализм, акмеизм, имажинизм, символизм; интеллектуальный и художественный авангард цвел пышным цветом. Цензура, активная при царском режиме, возродилась в 1922 году, но еще не была жесткой. Несмотря на то что партия боролась со всякого рода элитарностью, в первоначальном руководстве был ряд интеллектуалов — Ленин, Бухарин, Троцкий, понимавших, что серьезную литературу нельзя целиком подчинить понятиям партийных бюрократов. И к 1924 году Бабель стал не только знаменитым, но и удостоился советских наград: квартиры в Москве, загородной дачи и автомобиля с шофером.

Но атмосфера репрессий сгушалась, и все назойливее звучали претензии менее просвещенного начальства: почему он не прославляет Нового Советского Человека? Мало-помалу вокруг Бабея сгушался зловещий туман; привилегий у него не отняли (арестован он был у себя на даче), но он постепенно становился чем-то вроде парии. Например, когда в Париже собрался левый Конгресс писателей в защиту культуры, Бабея не включили в советскую делегацию и только после протеста организаторов, поданного в советское посольство, ему неохотно разрешили поехать.

Некоторых рукописей он осмотрительно не показывал никому. Среди них был замечательный дневник, который он вел с июня по сентябрь 1920 года во время действий конной армии Буденного в Восточной Польше. Поскольку его не было среди бумаг, захваченных «органами» у него на даче и в московской квартире, тетрадь сохранилась и только в 1950-х годах тайными путями попала в руки второй жены Бабея. Вероятно, первым влиятельным его читателем был Эренбург, хотя и он, должно быть, увидел дневник

только в 1960-х и впервые упомянул о нем в речи 1964 года, на собрании, посвященном 70-летию со дня рождения Бабеля: «Я сравнивал дневник Первой конной с рассказами. Он почти не менял фамилий, эпизоды те же, но освещал всё какой-то мудростью. Он сказал: “Вот так все было. Вот люди. Эти люди бесчинствовали и страдали, глумились и умирали, и была у каждого своя жизнь и своя правда”. Из тех же самых фактов и тех же фраз, которые впопыхах заносил в тетрадь, он потом и писал».

Разумеется, этот вялый и уклончивый отзыв не дает представления о поразительном историческом документе, написанном с божественным мастерством, об ужасающей ясности этой прозы. В России полный текст дневника был опубликован только в 1990 году. То, что эта рукопись существует, в Советском Союзе было известно давно, но о публикации не могло быть и речи; Эренбург был весьма осторожен, говоря о его содержании.

Таким образом, дневник можно считать своего рода тайным документом, во всяком случае, запретным. Но «тайный» он еще и в другом смысле. Хотя он послужил сырьем для рассказов «Конармии», сам Бабель, претворяя личные заметки в дерзновенную прозу, проявил меньше дерзости, чем позволял дневник. Он действовал избирательно и с оглядкой. От заметок к рассказам переходишь без удивления — вернее, удивляет мастерство письма, поражает зрелость и смелость стиля. Но «эпизоды те же», как сказал Эренбург, и то, что есть в дневнике, есть и в рассказах.

Однако, если начинаешь с рассказов и от них переходишь к дневнику, сразу бросается в глаза то существенное, что по большей части не попало в прозу. А не попала Катастрофа (если воспользоваться самым общим словом) евреев Восточной Европы. В дневнике описано, как Первая конная армия (и Бабель в ее составе) пронесется по еврейским городкам польской Галиции — городкам, перенесшим мировую войну, поставившим своих сыновей в польскую армию, чтобы сразу после нее по ним прошлись кровавыми погромами те же поляки. И сразу после них — вторжение красных казаков. В йельское издание дневника включены карты с маршрутом буденовских войск; на звучных названиях этих городков, окруженных полуромантическим ореолом благодаря сказаниям об их легендарных хасидских святых, лежит отвратительная тень смерти. Броды, Дубно, Житомир, Белз, Хелм, Замостье... Всего через двадцать лет после того, как по ним прокатилась казачья армия, их население истребили немцы. Бабель ехал с казаками и писал, ехал и писал: он видел все и он провидел. «Несчастливая Галиция, несчастные евреи», — писал он. «Неужто именно в наше столетие они погибают?»

Правильно: все, что есть в рассказах, есть в дневнике, — священник, художник, вдова, тачанка, солдат, пленный; но сердце дневника осталось в дневнике и осталось скрытым. В конечном счете — а счет большой на этих обжигающих страницах: разграбленные церкви, разгромленные синагоги, одичавшие русские, битые поляки, грязь, кони, голод, разбой, стрельба — дневник Бабеля — это еврейский плач. Этого советская система не потерпела бы, и осторожный Эренбург об этом умолчал. Безжалостные умы, скрывавшие национальность убитых в Бабьем Яре, не дали бы ходу полной и кровавой правде Бабеля.

Да и сам Бабель не хотел ее обнародовать в полной мере. В «Конармии» о страданиях евреев говорится в шести рассказах (из тридцати пяти). В дневнике таких эпизодов десятки и десятки. Писательская самоцензура — и не только потому, что Бабель решил быть осторожным. Страсть к лицедейству — или назовите ее бесшабашной игрой — двигала им всегда. В дневнике размышление: «Славяне — навоз истории?» — но сам Бабель явился к казакам под видом славянина, взяв фамилию Лютов, и под той же фамилией выступает рассказчик в «Конармии». А в дневнике, встречая перепуганных польских евреев, он снова и снова пытается отвлечь их от того, что сам чувствовал костями, — сочинял для них небылицы (его слово) о революции, говорил своим дрожащим слушателям, что «...все идет к лучшему, моя обычная система, в России чудесные дела — экспрессы; бесплатное питание детей, театры, интернационал. Они слушают с наслаждением и недоверием. Я думаю — будет вам небо в алмазах, все перевернет, всех вывернет, в который раз и жалко».

«Моя обычная система» — может быть, это доброта, готовность кормить обреченных ложными утешениями. А может быть, и не доброта вовсе, но озорство писателя или проделки кавалериста — кот в казацком наряде играет с замученной галицийской мышью. Иногда в нем узнают еврея (один раз — ребенок), и тогда он отделяется полуложью, объясняет, что у него мать еврейка. Но по большей части твердо держится легенды, что он Лютов. И не робеет: дневник начинается 3 июня в Житомире, а 12 июля, за день до своего 26-летия, он записывает: «Первая моя поездка верхом». Прошло совсем немного времени, и он уже на коне, как остальные, умелый и бесстрашный всадник. «Лошадь скакала здорово», — записывает он в первый день. Гордый, восторженный, он оглядывает товарищей: «Красные знамена, мощное спянное тело, уверенные командиры, опытные, спокойные глаза чубатых бойцов, пыль, тишина, порядок, оркестр...» Но вот уже опытные спокойные глаза ищут поживы в опрятном доме иммигрантов-чехов — «добрых». «Ничего не взял, хотя и мог, — пишет новоиспеченный кавалерист, — плохой из меня буденовец».

Настоящие буденовцы красивы, эффективны, мужественны. Бабель свернул с шоссе в село, и «показываются бригады, неизъяснимая красота, грозная сила двигается». Другая сцена: «Ночь... тихо фыркают лошади, здесь все кубанцы, вместе едят, спят, варят, великолепное молчаливое содружество... Все они мужиковаты, по вечерам полными голосами поют песни, похожие на церковные, преданность коням, небольшие кучки — седло, уздечка, расписная сабля, шинель, я сплю, окруженный ими».

Бабель мал ростом, у него маленькие круглые очки, он записывает тайные фразы. А его сообщения, регулярно печатаемые в «Красном кавалеристе», выдержаны совсем в другом, визгливо-пропагандистском тоне: «Добейте их, бойцы Конармии! Заколотите крепче приподнявшиеся крышки их смердящих могил!» Или: «Вот они, наши героические сестры! Шапку долой перед сестрами! Бойцы и командиры, уважайте сестер!» (В дневнике сомнительный пропагандист иронизирует: «Открытие II конгресса III Интернационала, наконец осуществленное единение народа, все ясно... Пойдем в Европу, покорять мир».)

И всюду жестокость, и всюду евреи. «...Поистребили раввинов». «Еврейское кладбище за Малиным, сотни лет, камни повалились... кладбище заросло травой, оно видело Хмельницкого, теперь Буденного, несчастное еврейское население, все повторяется, теперь эта история — поляки—казаки—евреи — с поразительной точностью повторяется, новое — коммунизм». «...Все говорят, что они воюют за правду, и все грабят». «Жить противно, убийцы, невыносимо, подлость и преступление». «Ездим с военкомом по линии, умоляем не рубить пленных... Я не смотрел на лица, прикалывали, пристреливали, трупы покрыты телами, одного раздевают, другого пристреливают, стоны, крики, хрипы...» «...Мы разрушаем, идем как вихрь, как лава, всеми ненавидимые, разлетается жизнь, я на большой непрекращающейся панихиде... чем-то я придавлен, грустной бездумностью моей жизни».

Евреи: «...рылись поляки, потом казаки...» «Ненависть к полякам единодушна. Они грабили, мучили, аптекарю раскаленным железом к телу, иголки под ногти, выщипывали волосы за то, что стреляли в польского офицера, — идиотизм». «Евреи просят посодействовать, чтобы их не разорjali, забирают пищу и товары... Сапожник ждал Советскую власть — он видит жидоедов и грабителей... Организованное ограбление писчебумажной лавки, хозяин в слезах, всё рвуг... Ночью будет грабеж города — это все знают».

Евреи в руках поляков: «Погром... голый, едва дышащий старик-пророк, зарубленная старуха, ребенок с отрубленными пальцами, многие едва дышат, смрадный запах крови, все перевернуто, хаос, мать над зарубленным сыном, старуха, свернувшаяся калачиком, четьре человека в одной хижине, грязь, кровь под черной бородой, так в крови и лежат».

Евреи в руках большевиков: «Главное — наши ходят равнодушно и пограбливают где можно, сдирают с изрубленных. Ненависть одинаковая, казаки те же, жестокость та же, армии разные, какая ерунда. Жизнь местечек. Спасения нет. Все губят...» «Ночью наши грабили, в синагоге выбросили свитки Торы и забрали бархатные мешки для седел. Ординарец военкома рассматривает тефилии, хочет забрать ремешки». Дневник сокрушается: «Какая мощная и прелестная жизнь нации здесь была. Судьба еврейства». И: «Я чужой». И снова: «...не свой, я одинок, едем дальше... забирают [грабят] через 5 минут после приезда, какие-то бабы бьются, причитают, рыдают невыносимо, тяжело от непрекращающихся ужасов... [я] вырвал поляницу из рук сына крестьянки». Он делает это механически, без сожалений.

«Как мы едим, — записывает он. — <...> Прибытие красноармейцев в деревню, обшаривают, варят, всю ночь трещат печи, страдают хозяйские дочки» (мы знаем, как истолковать эту фразу). 3 августа Бабель вырвал хлеб из рук ребенка — так сказать, завтрак на ходу. А десять дней назад, 24 июля, он и его спутник Прищепа, барахольщик, безграмотный сифилитик, ворвались в местечко Демидовка. Это суббота, когда евреям запрещено зажигать огонь, и, кроме того, канун поста 9 ава, торжественного дня в память о разрушении Храма в Иерусалиме. Прищепа заставляет жарить картошку. Гордая мать, дочери в белых чулках, ученый сын — все в ужасе: суббота, — протестуют они, — нельзя копать картошку, а, кроме того, вечером начинается пост. Прищепа взрывается: «Жида, мать, весь арсенал», — и они копают картошку, разжигают печь.

Бабель страдальчески наблюдает это и ничего не говорит: «Я молчу, потому что я русский», — вдруг Прищепа поймет, что Лютов тоже жид. «Мы едим, как волю, жареный картофель и по 5 стаканов кофе. Потеем, все нам подносят, все это ужасно, я рассказываю небылицы о большевизме». Наступает ночь, мать рыдает, сидя на полу, сын поет, объясняет историю разрушения Храма — плач Иеремии, «едят кал, девушки обещены, мужи убиты, Израиль подбит». Бабель слушает и понимает каждое слово иврита. «Демидовка, ночь, казаки, всё как тогда, когда разрушали храм, — подытоживает он. — Иду спать на дворе, вонючем и мокро».

Вот он, Новый Советский Человек, вонючий, урна небылиц, неверующий — и при этом соучастник. По словам Натальи Бабель, ничто «не могло подорвать в нем сознания, что он принадлежит России и должен разделить судьбу своих соотечественников. То, что во многих других вызвало бы только страх и

НЕ СВАДЬБА, А Б-Г ЗНАЕТ ЧТО

Oréti - Aéáóóí

Как не радоваться галантерейщику Нояху: он, с Б-жьей помощью, просватал последнее свое дитяtko – выдает замуж младшую дочь! За кого? Велика ли разница – за Боруха или за Зораха, за Файтла или за Трайтла? Просватал, свадьбу отгулял – и баста!

Но если вам показалось, что галантерейщик Ноях из тех отцов, что дочку сбыли и с глаз долой – из сердца вон, то вы заблуждаетесь!

Такого второго отца, как Ноях, вы во всем свете не сыщете.

Всю свою жизнь он отдал детям. Трудился в поте лица, надрывался днем на жару, ночью – на стуже, таскался в дождь по колено в грязи, случалось и под телегами валяться, и в ледяной проруби бултыхаться, заработал воспаление легких и хронический кашель. Вы спросите, к чему так гробиться? А попробуйте-ка сами прокормить жену с детьми галантерейной лавчонкой в Касриловке!

Когда дети были еще крошечными, Ноях с головой окунулся в заботы о них: покормить, перепеленать, искупать – все, что надо.

Вы, конечно, спросите, где была их мать? Мать их, Зельда, торговала, по большей части, с окрестными хозяевами. Он торговал в городе, она – в окрестностях. Почему она, а не он? Она понимала их язык, могла разговаривать с хозяевами, хоть немного товара да пристроить.

С городом Зельда была не в ладах. Касриловских покупателей терпеть не могла – умники! Деревенские – те совсем другое дело. Деревенскому скажешь: «Як Б-га кохам», он сразу верит, а касриловский еврей, антисемит, хоть землю перед ним ешь, скажет с улыбочкой: «И чего из кожи вон лезете? Я вам и без божбы верю».

За младшенькой дает галантерейщик Ноях приданого семьдесят пять. То есть пообещать-то он пообещал сто пятьдесят, семьдесят пять, когда будут подписывать предварительный брачный контракт, и еще семьдесят пять после, «когда Б-г даст»...

Но «когда Б-г даст» еще не наступило.

Это самое «Б-г даст» вся Касриловка ждет уже сто лет в обед, но что-то пока никак не дожждется.

А дожждется ли когда-нибудь? Очень даже возможно! Чем оно хуже Мессии? Мессию евреи разве не ждугт?..

Короче говоря, не сомневайтесь, за приданым дело не стало. Ведь все свои: сваты друг дружку знают и любят, сватьи друг дружку знают и любят, жених и невеста друг дружку знают и лю...

Проговорился! Но, если вы пообещаете, что все останется между нами, я вам кое-что расскажу.

Еще до того, как свату реб Шолому-Шахне пришло в голову сосватать молодых, они уже сами давно познакомились, переписывались и сами обо всем договорились.

Он учился в хедере, она помогала в лавке. Идет он однажды, держит в руках мешочек с тфилн, в молельню, – дело было в новомесячье, – видит, стоит она у входа в лавку: на ней красное ситцевое платье, ее же руками сшитое, белая вышитая косыночка на голове, тоже ее работы, прекрасные черные глаза смотрят на него и смеются.

А может, ему только померещилось, что она смотрит на него. Солнце припекало, теплый ветерок веял. Пригладив пейсы, он пробормотал: «Фрейдл – чудесное создание!»

Пришел в молельню молиться, а не может – перед глазами стоит она.

И в самом начале молитвы восхваления ему представилась дочь галантерейщика, ее прекрасные черные огромные глаза, и, покачнувшись, он запел «из теснин» во весь голос, чтобы не забыться.

Идет он из молельни домой, смотрит по сторонам – а перед ним Фрейдл.

Приходит он в хедер, берет том Талмуда, смотрит в комментарии, а перед ним Фрейдл.

Ночью, во сне он видит Фрейдл – везде перед ним Фрейдл!

А сват реб Шолом-Шахна тут как тут. Пришел в галантерейную лавку Нояха и предложил просватать его младшую дочь за Довида, мальчика Боруха-Бенциона.

Достал табакерку, принялся излагать свои прожекты насчет его дочери.

Фрейдл отвернулась – не хотела, чтобы увидели, как ее лицо залилось краской. У нее на белой шейке, видите ли, был повязан платок, под платком спрятан узелок, а в узелке – письмо, а в письмеце на еврейском каллиграфическом почерке с вензельками и завитушками было написано вот что:

«Самая дорогая и любимая на свете!

Друг мой сердечный и моя королева, моя жизнь и любовь моя! Фрейдл, да пребудешь ты в добром здравии! Если бы река наша наполнилась чернилами, а весь мир превратился бы в бумагу и я б писал тебе днями и ночами, не смог бы я описать и одну десятитысячную того, что чувствует сердце мое с первой минуты, когда я увидел твой светлый лик, который яснее солнца, и услышал твой голос, который слаще наисладчайшего вина...»

И так далее.

Эта парочка уже давным-давно посматривала на свата реб Шолома-Шахну. А после помолвки жених послал невесте золотые серьги за пятнадцать рублей, а невеста вышила жениху серебром на новом бархатном мешочке для тфилн щит Давида с двумя львами и короной сверху, да так красиво, что смотри – не насмотришься.

И такая это была пара, что во всем свете другой такой не найдешь. Тихо, без слов, они считали недели, дни, часы, минуты до хупы – свадьбу назначили на субботу утешения, – и счастливое время пришло, в добрый час, в счастливый час.

Кто не видел Зельду-галантерейщицу, когда в день свадьбы ее Фрейдл она, в шелковой косынке на шее, бежала сломя голову и кричала так, что голос у нее срывался: «Куда запропастился Ноях, скажет мне кто-нибудь!» – тот не знает, что такое стихия, и не поймет, что такое «запарка».

– Молодые постытся, – визжит она, – а ему хоть бы хны! Ноях, куда ты запропастился? Караул, Ноях, я этого не вынесу, Ноях!

– Где же сват? – вторят ей родственники жениха. – Пора усаживать невесту! Где же отец невесты?

А «сват» примостился в уголке и изливает душу доброму братцу реб Мойше-Йосе, зятю раввина, – мол, это не свадьба, а Б-г знает что!

Всем дочерям, не взглянуть бы, свадьбы справили как положено, привозили егупецких клезмеров, и пришел черед младшенькой, и никаких тебе клезмеров! Ну что это за свадьба! Не свадьба, а Б-г знает что!

Мойше-Йосе, зять раввина, поглаживая бородку, смотрит на глупого свата, глаза у него смеются, и говорит:

– Так у вас же есть клезмеры. Чем вам здешние клезмеры не клезмеры?

– Тоже мне клезмеры! – отмахивается Ноях. – То ли дело егупецкие клезмеры! Без них свадьба не свадьба.

Знай Ноях заранее, что егупецкие клезмеры не смогут приехать, он бы перенес свадьбу на середину элула.

Позднее, уже после хупы, его опять хватились.

– Где Ноях? – кричит невестина родня.

– Где сват? – кричит женихова родня.

– Сват, сват!!!

Зельда как нашла его, всплеснула руками и припечатала:

– Хорошо же ты выдаешь замуж нашу доченьку, врагу не пожелаешь!

– Без егупецких клезмеров, – отмахнулся Ноях, – никакая это не свадьба, это похороны. Не свадьба, а Б-г знает что!

– Опомнись, Ноях, что ты такое говоришь? – Зельда аж побагровела. – А касриловские клезмеры уже не в счет? У касриловских клезмеров нет детей? Касриловским клезмерам не нужно есть-пить? Фе, позор на твои седины!.. Реб Иешуа-Гешл, фрейлехс!

И клезмер реб Иешуа-Гешл, старый еврей в сюртуке, подбитом ватой, пейсы у него развевались, длинный арбоканфес болтался из стороны в сторону, ударил смычком по скрипке, дал знак дружкам – и касриловские клезмеры показали, что и они не погулять вышли: они наяривали фрейлехс на всех инструментах, рвали струны, дули в трубы, лупили в барабаны, били в тарелки. Гости хлопали в ладоши, расступались, круг становился все шире. Сваты и сваты, взявшись за руки, пустились в пляс.

יָדָאָהּ נֵעֵעֵסָ אִדּוֹבָ אִדּוֹרָ

ИММИГРАНТСКАЯ ИСТОРИЯ

Адаен Гасе

Джек спрашивает меня: разве не кошмар, когда твою жизнь омрачает горе других людей? Наверное, отвечаю я. Ты же знаешь, я выросла в солнечном свете, в вихре движения. И оттого горе предков уже виделось не в таком мраке.

Он — дальше про свою жизнь. В таком случае твоей вины нет. И твой дурной характер — не твоя вина. Только ты всегда злишься. Ты либо злишься, либо сходишь с ума — другого выхода у тебя нет.

А может, причина этой скорби в том, как повернулась история? — спросила я.

История Европы — череда жестокостей, говорит он. Так он, хоть и иронично, но уважительно переходит к одной из моих извечных тем. Весь мир должен ополчиться на Европу — за ее жестокую историю, однако в этом есть и плюсы — за тысячу лет можно обрести здравый смысл.

Полная чушь, возражает он, за тысячу лет непрекращающейся имперской жестокости сколько врагов нажито, а если из всего оружия у тебя только здравый смысл, тогда что?

Дорогой мой, никто не знает, какой у здравого смысла предел возможностей. Модель не прорабатывали, экспериментов не ставили.

Я тебе все пытаюсь рассказать, говорит он. Ты послушай. Как-то раз я просыпаюсь — а папа спит в детской кроватке.

Почему это? — спрашиваю я.

Мама его туда укладывала.

Всегда?

В тот раз, во всяком случае. Когда я его увидел.

Почему это? — спрашиваю я.

Потому что она не хотела, чтобы он ее трахал, говорит он.

Не верю! Кто тебе такое сказал?

Я точно знаю! — Он тычет в меня пальцем.

Не верю, говорю я. Ну, разве что она родила пятерых подряд, или им надо было вставать в шесть утра, или они друг друга ненавидели. В большинстве своем женщины не отказывают мужьям.

Чушь собачья! Она хотела, чтобы его совесть мучила. И он терпел?

На этот вопрос я никогда не отвечу. Он так возбужденно переспрашивает, будто в этом причина гибели мира. Пару минут я молчу.

Он говорит: тоска, тоска, тоска. Все тусклое. Все это я вижу в тусклом свете. Мама подходит к кроватке. Шмуэл, вставай, говорит она. Сходи на угол, купи мне полфунта творога. А потом заскочи в аптеку, купи немного рыбьего жира. Отец, который лежит тусклым скрюченным эмбрионом, открывает глаза и улыбается. Улыбается этой суке.

Откуда тебе было знать, что происходит? — спрашиваю я. — Тебе было всего пять.

И что, по-твоему, происходило?

Я тебе объясню. Ничего в этом сложного нет. Любой болван, у которого была нормальная жизнь, тебе объяснит. Любой, кому не забивали десять лет башку психоаналитики. Кто хочешь объяснит.

Что объяснит? — орет он.

Твой отец спал в кроватке потому, что у вас с сестренкой была скарлатина, вам нужно было спать в просторных кроватях — вы метались в поту, у вас был кризис, речь шла о жизни и смерти.

Кто тебе такое сказал? — набрасывается он на меня как на врага.

Ты просто вражина какая-то, — говорит он. — Все-то ты видишь в розовом свете. Идеалистка паршивая. Ты и в шестом классе такой была. Как-то притащила в школу три американских флага.

Так и было. Тридцать лет назад, в шестом классе, на школьном собрании я сделала заявление. Сказала: каждый день я благодарю Г-спода за то, что не живу в Европе. Благодарю Г-спода за то, что родилась в Америке и живу на Восточной Сто семьдесят второй улице, где на одной улице бакалея, кондитерская и аптека, и в том же квартале школа и два врача.

Сто семьдесят вторая улица, да это же была выгребная яма, говорит он. Там все, кроме твоей семьи, сидели на пособии. У тридцати человек был туберкулез. Граждане, неграждане — и те и те до войны одинаково голодали. Слава Б-гу, у капитализма в загнивании припасена война, и он время от времени вытаскивает ее на свет Б-жий, иначе бы мы все протянули ноги. Ха-ха-ха.

Я очень рада, что в мозгах у тебя не только акции, бонды и наличность. Я очень рада, что ты хоть иногда вспоминаешь про капитализм.

Мой друг Джек был беден и исключительно умен, к тому же рано оброс, и поэтому в день, когда ему исполнилось двенадцать, он стал убежденным марксистом и фрейдистом. Он просто фонтанировал идеями. А я продолжала вывешивать флаги. В разных комнатах и окнах развевалось двадцать восемь флагов. Один я вытатуировала у себя на плече. Теперь, когда я выросла, он потускнел, но увеличился.

Теперь я куда радикальнее тебя, говорю я. Поскольку во времена маккартизма¹ меня не вышибли из профессии, мне не пришлось заводить собственный бизнес и разбогатеть не пришлось.

Дура ты набитая. До сих пор скольких вышвыривают за борт. Умнейшие ребята — инженеры, учителя — совсем не у дел.

А я думаю, что вижу мир ничуть не хуже, чем ты, — говорю. И через розовое стекло смотреть на него ничуть не хуже, чем через твое тусклое.

Да да да да да да, говорит он. Согласна, так послушай.

Мои мама с папой жили в маленьком польском городке. У них было три сына. Папа решил поехать в Америку, чтобы 1) не попасть в армию, 2) не попасть в тюрьму, 3) избавить своих детей от непрекращающихся и ставших повседневностью погромов. Родители, дядя, бабушки поделились с ним своими сбережениями, и он, вместе с сотнями тысяч таких же, как он, отправился в путь. В Америке, в Нью-Йорке, он жил трудной, но полной надежд жизнью. Иногда прогуливался по Деланси-стрит^[2]. Иногда похолостячки шел в театр на Второй авеню^[3]. Но главным образом откладывал деньги — на то, чтобы привезти сюда жену и сыновей. А тем временем в Польше начался голод. Не тот голод, который все американцы испытывают по шесть-семь раз на дню, а Голод, при котором тело начинает поглощать самое себя. Сначала жир, потом мясо и мышцы, потом кровь. Тела маленьких мальчиков голод сожрал довольно быстро. Папа встречал маму в порту. Он посмотрел на ее лицо, на руки. Она не прижимала к груди младенца, детишки не цеплялись за ее юбку. Волосы ее больше не были заплетены в косы. Только черный, словно проволочный парик под платком. Она обрила голову — как отсталая ортодоксальная еврейка, хотя они в годы юности были, как и почти вся молодежь в их местечке, убежденными социалистами. Он взял ее за руку и повел домой. И больше они порознь не ходили никуда — разве что на работу или в бакалейную лавку. Они и за столом держались за руки, даже за завтраком. То он гладил ее по руке, то она его. Каждый вечер он читал ей газету.

Они сидят на краешке стула. Он подался вперед — читает ей при тусклом свете лампочки. Иногда она чуточку улыбается. Потом он откладывает газету, берет обе ее руки в свои — словно хочет согреть. Он продолжает читать. За их головами, там, где заканчивается стол, кухня, спальня, гостиная, полумрак, в тениях которого я ужинал, делал уроки, ложился спать.

[1]. Маккартизм — политика административных и судебных репрессий в США в 1950-х годах, создающая атмосферу запугивания, шантажа и угроз, направленных против левых деятелей и организаций. — Здесь и далее прим. перев.

[2]. Деланси-стрит — главная торговая улица Нижнего Ист-Сайда. В первой половине XX века преимущественно еврейский район.

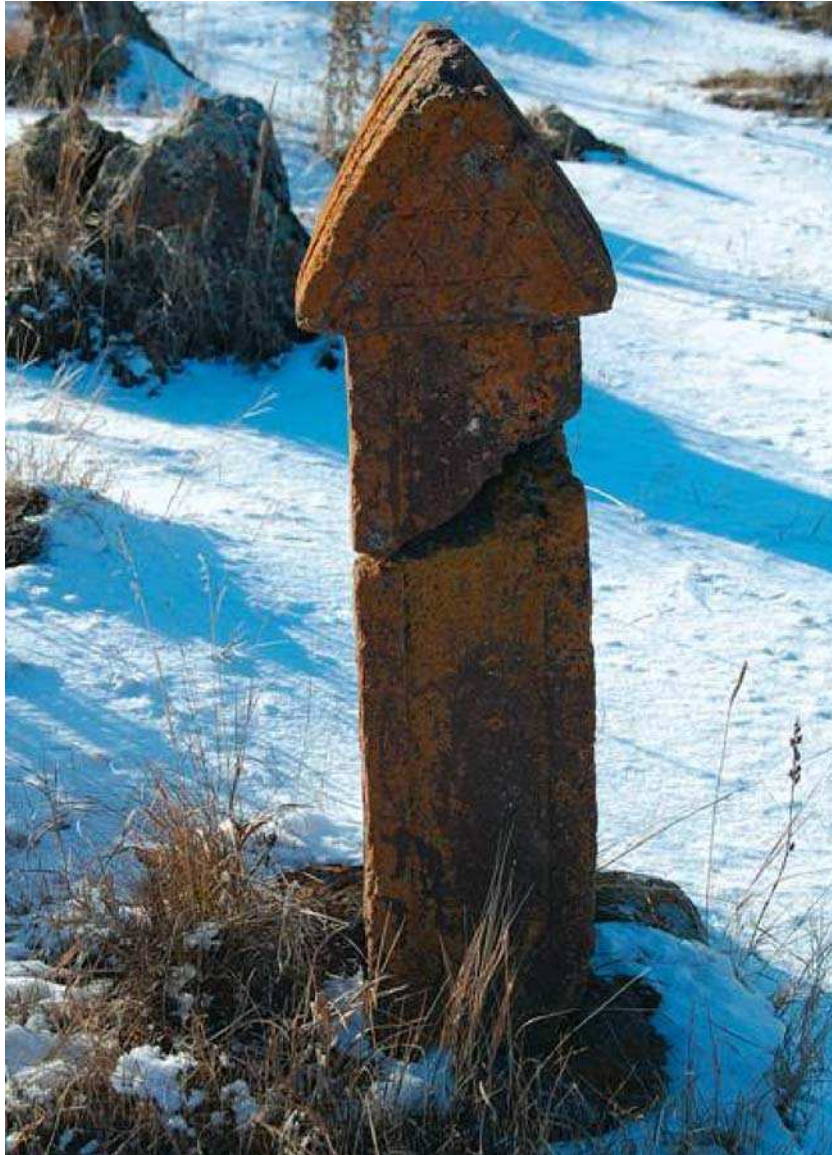
[3]. На Второй авеню находились еврейские театры.

« МЫ КРЕПКО ПРИНЯЛИ В СЕРДЦАХ НАШИХ ДЕРЖАТЬ РЕЛИГИЮ МОИСЕЕВА ЗАКОНА»

Épāi ééā Áóéíāā

...А этот, что вырос в пустынях и лесах,
пришел сам в мое стадо, поэтому и люблю его.

Ялькут Шимони (12:122)

Í āāāīāāā íā īīāāīō íē-āīēīī ēāāāāē ūā ā Nāāāī ā (āūāō. īīēī Áēāī íāēā) ā Áōī āī ēē

О том, что субботники бывают не только коммунистическими, я узнала еще в детстве от отца, обмолвившегося как-то, что моя прабабушка Раиса Даниловна была иудействующей — субботницей. Я почти ничего не знала о ней. Судя по рассказам, она была властной, суровой дамой — эдакая Васса Железнова, владевшая до революции магазином готового платья и имевшая собственный выезд, и это оставшееся в прошлом относительное благосостояние казалось ей достаточным основанием для несколько

εὐὸ ἰαυτῶνρὸ? Ἀδελφάε, ἰἰἰἰ ὀὀ... Ὅτ ἀνὸῦ γὰὀἀδῶνῶῦ γὸτ ἀαῖτ, +ὀτῶ ἀὀὀὀ ἀῖ ἰῶ ἀῖτῖ. Ἀῖὀ ἰἰ ἰὀἀεῖῖῖῖ, ἰὀἀεῖῖῖῖ — ἰῶ ἰἰῖῖῖ-ἀῶῶῖῖ. Ἀ εῖε ἰῖῖῖ γὰ ἰῖῖῖ, γὸτ ἰῖῖῖ ἰ — ἀῶῶ ἰῶ ἰῖῖῖ. Ἀ ὀῶῖ ὀεῖῖ ἀῖῖ, Ἐῖῖῖῖῖῖ[2]: «Ἀῖῖῖ ἀῖῖῖ ὀῶῖῖῖ ἰ!» Ἰ ὀ ε ὀἰῖῖῖ ἀδελφάε ἰ ἰἰῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖ: «Ἰ, ὀῖῖῖῖῖ! Ἀῖῖῖῖῖ ὀὀὀ ἀῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖ. ὀὀὀ — ἰῖ». Ἀῖῖῖῖῖ ὀῖ ἰῖῖῖ ἰ ὀεῖῖ. Ἐ ὀῶῖῖῖ.

ὀεῖῖῖῖ ὀῶῖῖῖῖῖῖ: Ἰ ἀῖῖῖῖῖῖ ἰῖ ἰῖ ἰῖῖῖ ἰῖῖ. 1930-ῶ ἰῖῖῖ

В этом кратком рассказе удивительным образом сконцентрированы ключевые моменты, обсуждение которых в литературе, посвященной субботникам, не прекращается с XIX века: роль евреев в возникновении этого феномена, модели взаимодействия евреев и субботников, идентичность русских иудействующих. Именно на этих аспектах сосредоточено внимание и автора первого фундаментального исследования, посвященного русским иудействующим, Александра Львова[3].

«И ЯСНО, ЧТО ЕВРЕИ ВИНОВАТЫ. ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ЛЕТОПИСЬ НАЙТИ»

Предположения относительно происхождения движения иудействующих, с которыми приходится сталкиваться в архивных документах и публикациях XIX века, сводятся в основном к легко предсказуемой версии о миссионерской активности евреев в отношении русских крестьян. Но встречаются и более экзотические предположения. Так, в 1869 году командир роты Кольванского полка, обнаружив, что один из его рядовых «иудействует», написал в рапорте: «Переход крестьянского мальчика из Православной Веры к Еврейскому закону — небывалый еще случай в православном крестьянском быту. Я нахожу это открытие весьма важным <...> и подозреваю, не кроется ли тут какого-нибудь тайного общества, действующего на наших легковерных и необразованных крестьян...»

Александр Львов несколько неожиданно (но вполне убедительно) возлагает косвенную «вину» за возникновение этого феномена на Петра I, стремившегося, чтобы религиозность русского народа стала осознанной, а не сводилась к надежде на «пение церковное, пост и поклоны, <...> свечи и ладан». С этой целью Феофаном Прокоповичем было написано сочинение «Первое учение отроком» (1720), призванное, согласно волеизъявлению Петра, «краткие поучения людям сделать <...> что непрременный закон Божий, и что советы, и что предания отеческие <...> и что только для чину и обряду сделано». Таким образом, впервые за долгое время приоритет Писания над церковной традицией, а догматов над обрядом был провозглашен самым недвусмысленным образом. По мнению Львова, сочинение Феофана Прокоповича, издававшееся огромными тиражами, в какой-то мере спровоцировало самостоятельное чтение Библии «простецами», что в православной традиции — как официальной, так и народной — прежде (да и впоследствии) не поощрялось. Они стремились, избегая какого бы то ни было толкования, сделать руководством к действию собственно текст Писания — «только то, что написано», а не то, что «из головы выдуманно». С этой особенностью отношения крестьян к тексту, отмечает Львов, были вынуждены считаться православные миссионеры. «Для того, чтобы народ не считал проповедь священника его собственным измышлением, следует класть при аналое <...> Библию», — рекомендовала редакция «Кавказских епархиальных новостей» в 1883 году.

В результате «рационального» подхода к чтению Библии относительная религиозная монотонность, заданная государственной православной церковью, со второй половины XVIII века начала

расцветаться различными религиозными группами, большая часть которых (молокане, духоборы, скопцы) осталась, впрочем, в рамках христианства. Иудействующие оказались самыми радикальными и, с точки зрения правительства, «вредными» сектантами. Их аргументы «от Писания» отличались наибольшим буквализмом, а практики стремились к тому, чтобы стать прямым отражением библейских текстов. Так, не найдя в Библии основания, скажем, для переноса дня покоя с субботы на воскресенье, они вернулись к «соблюдению суббот», а в поклонении иконам усмотрели прямое пренебрежение заповедью «Не сотвори себе кумира». Как мы видели в приведенном выше рассказе «о выборе веры», именно демонстративный отказ от почитания икон является своеобразным маркером перехода из одной веры в другую. Львов отмечает, что приверженность субботников букве Писания, по свидетельству православных миссионеров, вызывала уважение у крестьянской аудитории: «Субботники — вот народ, который во всем поступает правильно и согласно с Законом Божиим; не нам должно учить их в деле веры, а нужно от них учиться». Именно стремление действовать по написанному, т. е. приводить реальность в соответствие с библейским текстом, обеспечивает единство субботнического сообщества, которое Львов предлагает рассматривать как сообщество текстуальное, то есть сплоченное вокруг некоего текста (в данном случае — Библии) и основанных на нем практик.

Правительство стремилось изолировать субботников, опасаясь их миссионерской активности среди православных. По официальным данным, их численность на конец XIX века составляла около 20 тыс. человек, а на начало XX века — уже 30 тыс. Однако официальную статистику не стоит слепо принимать на веру: иудействующие, так же как и другие сектанты, опасаясь репрессий, не стремились афишировать свою истинную религию. По обвинению в пропаганде своих взглядов их ссылали в Сибирь, а в царствование Николая I подвергли массовому выселению из европейской части России. Так субботнические поселения появились на Кавказе, в Закавказье и Сибири. При Александре II положение субботников стало более терпимым, однако на обращения в Министерство внутренних дел с просьбой разрешить «исполнять обряды по своей вере» они получали неизменный отказ. После ликвидации крепостного права участились случаи «саморазоблачения» субботников (Манифест об отмене крепостного права в народе называли «Манифестом о воле», что, вероятно, и послужило причиной его расширительного толкования): они отказывались посещать церкви и выносили из дома иконы. Но реальную возможность открыто исповедовать свою веру субботники, как и многие другие религиозные меньшинства, получили лишь после Манифеста от 17 октября 1905 года. В советский период численность субботников существенно сократилась, а в 1970-х годах начался процесс их эмиграции в Израиль, который медленными темпами продолжается по сей день.

«АДАЕ» ЕЕЕ «АЕАИ ОУ»?

Русские иудействующие используют несколько самоназваний: «субботники», «геры», иногда (редко) — «евреи», однако в ответ на прямые вопросы об этноконфессиональной принадлежности зачастую затрудняются с ответом: «Мы сами не знаем, кто мы... Евреи бывшие?» Астраханские субботники, даже на уровне мифологии не претендующие на еврейское происхождение, тем не менее во время переписи населения записывались евреями, поскольку, по их убеждению, с наступлением эсхатологических времен «евреи переселятся в Израиль, а кто будет записан русским — тех через Интернет проверят и не пустят».

Правительство Российской империи квалифицировало субботников как «жидовствующих» в указе 1825 года «О мерах к отвращению распространения жидовской секты под названием субботников» и этим же указом предписало высылать из регионов распространения «секты» всех евреев без исключения, возлагая тем самым на последних ответственность за «сворачивание» православных в иудаизм. В работах по истории русского сектантства этот ошибочный, по мнению Львова, модус изучения истоков движения иудействующих оказался очень устойчивым. Взаимодействие евреев и субботников, безусловно, имело место, но, насколько мы можем судить, это происходило по инициативе последних, стремившихся с неопитским пылом получить наставления в новой вере от ее исконных обладателей. «Встречи субботников с евреями, — пишет Львов, — не были похожи на типовую ситуацию гиюра <...> И даже в тех случаях, когда субботники сами искали евреев, они представляли перед ними не как обычные потенциальные прозелиты — герим, а в качестве представителей своих общин».

Исходя из имеющихся источников, трудно сделать вывод о том, как евреи воспринимали субботников. Учитывая автономию еврейских общин в XIX веке, каждая из них могла формировать собственное отношение к иудействующим — как к «братьям по вере», потенциальным герам или христианам-сектантам. Во второй половине XX века дискуссии относительно алахического статуса субботников развернулись в Израиле. Однозначного решения этого вопроса до сих пор не существует, однако ситуация верификации их религии нормативным иудаизмом обернулась для субботников кризисом идентичности. Если раньше они считали себя приверженцами Моисеева Закона, а окружающие дразнили их «жидами», так что их самоидентификация не вступала в конфликт с восприятием их «внешними», то в новой ситуации важную роль в конструировании идентичности приобрело не только традиционное противопоставление себя православным, но и евреям: «Приехали к нам евреи из Ростова и привезли Тегилемы. Они боялись за стол садиться, думали — мы свинину едим, но мы соблюдаем больше, чем евреи. Вот были у нас знакомые евреи — Г-споди, помяни их ко дню, но не к ночи, — так они ели свинину. Мы даже не едим молоко с мясом. Мы, правда, не имеем отдельной посуды, но в Тегилеме написано, что два часа кастрюля постояла вымытая, она становится кошерная. Мы читаем, смотрим литературу. Стараемся делать правильно. Все-таки очень трудно исполнять все вот эти заповеди по-еврейски. Да и они сейчас, евреи, половину побросали все», — возмущенно констатировала наша собеседница-астраханка. И, тяжело вздохнув, добавила: «Евреи отказываются, а русскому что делать?»

[1]. *Угроза, исходящая от «раввината», очевидно, является аллюзией на Берешит, 17:14: «Необрезанный же мужского пола, который не обрежет крайней плоти своей, истребится душа та из народа своего; ибо он нарушил завет Мой».*

[2]. *По-видимому, речь все же идет о Манифесте Николая II от 17 октября 1905 года.*

[3]. *Львов А. Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстуальное сообщество. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2011.*

ЛАРА ВАПНЯР:

«МНЕ БЫ ХОТЕЛОСЬ ПИСАТЬ ПО-РУССКИ, НО СО ВРЕМЕНИ МОЕГО ОТЪЕЗДА ЯЗЫК ИЗМЕНИЛСЯ»

Беседу ведет Елена Калашникова

Лара Вапняр в 1990-х переехала из Москвы в Нью-Йорк. Родила сына и дочь, выучила английский и в 2002-м дебютировала как прозаик. Ее рассказы печатались в «Нью-Йоркере» и «Харперс Базар», а также вышли отдельным сборником под названием «В моем доме — евреи» (2003), который получил премию Фонда еврейской культуры. Она автор романов «Мемуары музыки», «Брокколи и другие истории о еде и любви» и «Sosnovaya Smola».

Лара Вапняр

ΔΕΙΤΑ ΕΑΕΛΟΙ ΕΕΤΑΑ Как получилось, что через несколько лет после отъезда в Америку вы начали писать по-английски?

ЛАРА ВАПНЯР Думала, буду что-то делать для кино. В Америке написала пару сценариев, показала своим американским друзьям, и один из них сказал: «Почему бы тебе не написать рассказ? Лучше получится». Я ответила, что не очень хорошо владею английским. Кстати, следующий недостижимый для меня уровень — писать стихи по-английски. Но я все-таки написала рассказ, который моему знакомому понравился, и он показал его литературному агенту. Тот заинтересовался и попросил почитать остальные. Я постеснялась сказать, что больше у меня нет, села и быстренько написала второй.

ΔΕ О чем были эти рассказы?

ЕА Про мое детство. Один про деревню в тридцати километрах от Москвы, где мы снимали дачу. Вчера как раз возила туда своих детей. Там остались старенькие домики, а рядом с ними построили каменные особняки, которые все ужасно портят. Второй про то, как моя мама с соавторшей писала учебники по математике, а я наблюдала за их работой. Иногда мама просила меня нарисовать картинки для учебника. Я очень серьезно к этому относилась, мне казалось, что я принимаю участие в подготовке этих книг.

АЕ Писательство стало для вас некой формой защиты?

ЕА Скорее, формой общения с окружающей средой, у меня не было другой возможности самовыражения. Не только русские эмигранты признавались мне, что мои тексты написаны словно про них. Мне это очень приятно. Героиня одного из рассказов — молоденькая неопытная учительница. Многие ко мне подходили, необязательно учителя, и говорили, что именно так чувствовали себя на первой работе. То, что я стала писать, — самое грандиозное событие, которое произошло со мной в Америке.

АЕ Были ли у вас авторы, на которых вы ориентировались, или тексты, такая своеобразная планка?

ЛВ В основном это были американские прозаики, потому что я писала по-английски. Если ставить себе планку, становится страшно, она давит: а вдруг не получится дотянуться?.. Я изучала авторов, которые казались мне более или менее близкими. Одна из моих любимых писательниц — канадка Элис Манро. Кажется, все, о чем она пишет, можно потрогать, понять, что чувствует герой и что вообще происходит. При этом за реальной жизнью у нее стоит нечто большее.

АЕ В ваших текстах больше взятого из жизни или придуманного?

ЕА Из жизни беру детали, а сюжеты и героев обычно придумываю. Сочиняю сюжеты из ничего или из кусочков реальных событий. Точно так же с героями: иногда получается целиком выдуманный, а иногда составляю его из разных знакомых, почти никогда не списываю с одного человека, хотя в ранних рассказах такое было.

АЕ Как бы вы охарактеризовали свои книги?

ЕА Первую я написала, когда мне было 29–30 лет. В большинстве тех рассказов герой — ребенок, поэтому я воспринимаю ее как детскую книжку, книжку детских воспоминаний. Вторая про взрослеющего человека, а третья уже про совсем взрослого.

АЕ Знакомо ли вам ощущение, что самое последнее, то, что в работе или недавно издано, — дороже всего?

ЛВ Подозреваю, что у третьего романа, «Sosnovaya Smola», будет трудная судьба, поэтому он мне особенно дорог. Он о том, как человек, живущий в Америке, старается переосмыслить свое советское детство. Большая часть действия происходит в пионерском лагере.

АЕ Вы сознательно обращаетесь к теме советского прошлого или это получается само собой?

ЕА Советское прошлое сидит во мне и мешает, и хочется про него написать. Не считая рождения детей, не так много событий произошло со мной в Америке, но про детей в книгах я стараюсь не упоминать. Из того, про что могу писать, самые яркие события случились в России.

АЕ Интересны ли ваши тексты вашим родителям и людям намного старше вас?

ЕА Моя мама находит в них что-то про нашу семью, то, что я неправильно написала... А вообще люди этого поколения узнают себя в моих рассказах, и в большинстве случаев им это приятно. Правда, моя тетя жаловалась, что я использовала бытовую деталь из ее жизни. Я понятия об этом не имела, писала о том, что было характерно для эмигрантов из Советского Союза. Люди под шестьдесят брали в Америку огромное количество кухонных принадлежностей, думали, что там этого нет. И вот тетя обиделась, что я написала про «ее» мясорубку.

АЕ Давайте поговорим про ваших героев. Какие эмоции вы испытываете по отношению к ним?

ЕА Я люблю всех героев, даже самых отвратительных. Чем отвратительнее, тем сильнее я его люблю, больше привязываюсь.

АЕ Есть мнение, что отрицательных персонажей создавать сложнее?

ЕА Нет, отрицательных как раз легко. Во мне достаточно всякой дряни, поэтому я могу создать огромное количество отрицательных героев. На положительных во мне нет столько материала.

ЕК На русский вы свои тексты не переводите?

ЕА Это значило бы написать другой рассказ. По-русски я написала две или три статьи. Мне бы хотелось писать по-русски, но со времени моего отъезда из России язык изменился.

АЕ Вы преподаете литературное мастерство в Нью-Йоркском университете. Можете рассказать про свой курс?

ЕА Раньше я преподавала в Сити-колледж — там низкий уровень образования, студенты мало читали. Невозможно преподавать литературное мастерство тем, кто мало читает. Но как убедить подростков читать, особенно классику?.. Единственный способ, который хоть как-то работает, — находить в книгах что-то им близкое, понятное. Я искала рассказы, действие которых происходит в знакомых им местах, где герои — подростки. В Америке популярны книги Джуно Диаса, лауреата Пулитцеровской премии. Он родился в Доминиканской Республике, вырос и получил образование в Америке, пишет по-английски. Действие его книг происходит там, где жили мои малообразованные студенты. Они с удовольствием их читали, хотя некоторые расстраивались: «Зачем он написал про нас эту грязь?..» Одна девочка даже плакала, не хотела читать его рассказ.

Нью-Йоркский университет — привилегированное учебное заведение, студенты много читают, но понятия не имеют о реальной жизни. Тут я столкнулась с противоположной проблемой: когда они пытаются писать, у них получаются вариации на прочитанные книги. Одна девочка сказала, что хочет написать про бомжей, которых много около кампуса. Я спрашиваю: «Хорошо. А ты пробовала поговорить с кем-то из них?» — она мотает головой.

АЕ Вы знаете что-то про этимологию своей фамилии?

ЕА «Вапно» по-украински «известка», «вапняк» — тот, кто красит известкой дома. Мои предки родом с Украины, из черты оседлости. Знаю про них мало. В детстве мне говорили, что у меня есть прабабушка Клара. Я думала, это обезьяна, потому что знала, что люди произошли от обезьян. В Америке люди интересуются генеалогией, ищут родственников, я этим не занималась, наверное, это очень трудно. Но еврейская тема, как и советское прошлое, сидит во мне и направляет тексты.

У меня было странное чувство, когда я прочитала роман Александра Хемона. Он — украинец родом из Югославии, примерно в то же время, что и я, приехал в Штаты, пишет по-английски. Главный герой его романа, американский писатель, отправляется в Кишинев искать следы еврейского эмигранта, приехавшего в Америку сто лет назад. Когда я прочитала роман, то почувствовала, что нечто похожее должна была сделать и я. Может быть, попав в эти местечки, я бы почувствовала что-то родное.

ТАКИЕ РАЗНЫЕ КАСРИЛОВКИ

Аגודו אגודו

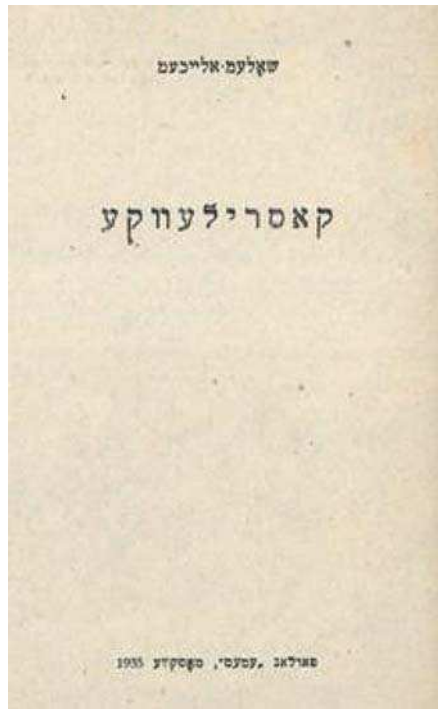
Около года назад было решено, что, кроме тех имен, которые мы открываем читателю, хорошо бы в серии «Проза еврейской жизни» переиздать какие-то книги, давно существующие на русском. Разумеется, в первую очередь всем в голову пришел Шолом-Алейхем. Правда, издавать его заново казалось мне авантюрой — ведь Шолом-Алейхем есть у всех. Я не помню в своем детстве еврейской семьи, у которой на полке не стоял бы шеститомник Шолом-Алейхема приятного сливочно-кофейного цвета (потом он был переиздан в черных переплетах). Но, к моему удивлению, оказалось, что и «Мальчик Мотл», и «Тевье-молочник» хорошо продаются. Видимо, слишком много лет прошло с момента издания того собрания — и каких лет! Люди книжки продавали, выкидывали, увозили в эмиграцию и т. д.

Но это лирика. Суть же вот в чем. Еще работая над «Тевье-молочником», я понял, что Шолом-Алейхем переведен, во-первых, зачастую неточно, а во-вторых, не полностью. Фрагменты произведений, а иногда даже произведения целиком по-русски отсутствуют. И когда мы начали готовить сборник рассказов «Касриловка», я решил сверить переводы с оригиналом. С оригиналами, кстати, отдельная история: существует советское собрание сочинений Шолом-Алейхема 1935 года, варшавское собрание и два нью-йоркских, 1937 года и идентичное ему 1944-го. И в советском идишском собрании том «Касриловка» — это совсем не то, что называется «Касриловкой» в русском переводе. Русский перевод ориентирован либо на дореволюционное русскоязычное собрание, либо на американское идишское. И там, и там существует эта подборка рассказов — правда, называется она «В мире маленьких людей» или «Большие заботы маленьких людей». А название «Касриловка» применительно к этой подборке, видимо, впервые как раз и появилось в том самом кофейно-сливочном шеститомнике. Интересно еще и то, что в дореволюционном переводе никакой Касриловки вообще не было, она была передана как Голодаевка. В одном из рассказов Шолом-Алейхем, объясняя происхождение этого топонима, говорит, что бедняков в этой местности называли «касриликами», и переводчики попытались сохранить этот смысл.

Так вот, при сличении текстов выяснилось, что в советском шеститомнике отсутствует ряд рассказов из сборника, а в «присутствующих» налицо серьезная цензурная правка. Причины, по которым несколько рассказов остались за пределами собрания, мне совершенно непонятны. Вообще рассказы Шолом-Алейхема почти всегда предназначены для чтения со сцены. Собственно, Шолом-Алейхем их сам с большим успехом читал, разъезжая по Европе, а позже по Америке. Читали их и многие актеры, на разных языках, некоторые из них сделали себе на этом карьеру. И особенно для такого публичного исполнения подходят как раз «Касриловка» и «Железнодорожные рассказы» — юморески, с фирменным шолом-алеихемовским смехом сквозь слезы. Выкинутые рассказы в этом отношении ничем не отличаются от оставленных.

Зато стала понятна тенденция цензурной правки. Мы не знаем, на каком этапе эти места вымарывались — переводчик ли понимал, что они все равно не пройдут, или ему «помогал» редактор, или же все решалось на уровне Главлита. Но логика изменений стала более или менее ясна. Так же, как стало ясно, что в некоторых местах цензурное вмешательство приводит к искажению сути.

Скажем, в одном из рассказов описывается обрезание. У некой женщины муж уехал в Америку искать счастья, о нем нет ни слуху ни духу. Она уже после его отъезда понимает, что беременна, и весь городок этой соломенной вдове «сочувствует» — по-шоломалеихемовски, разумеется. Наконец она рождает мальчика, и столяр Генех организует обрезание. Все это замечательно в переводе Гуревича передано.

De-ò deim' ùe eem' m'aa'onei' ùe e'aa' ey' «Eim'ee'ra'ee».

I' adai' e'ni' Ci'ada' ey' m'-ei'at'ee' Of'ei' -A'ee'ba' à

I' i'ne'aa' 1935 aa'

Но дальше начинается игра с кибудим, «почетами» — игра, очень понятная и смешная для того, кто существует внутри мира еврейских обычаев. Для обычного еврейского мещанина такой «почет» — вызов к Торе, приглашение принять участие в заповеди — был важен и по религиозным мотивам, и как доказательство его позиции в местечковой иерархии. Поэтому важно было не только самому получить «почет», но и проследить, чтобы никто не получил его вместо тебя, чтобы равные тебе по социальному положению тебя не обошли. Особенно, конечно, это соперничество обострялось во время публичного исполнения заповедей, когда собирается много народу.

При обрезании тоже есть ряд кибудим, одно другого ниже. Самый большой «почет» — держать ребенка на руках во время обрезания. И Генех, который оплатил весь процесс, считает, что это полагается ему. Но местечко решает иначе, отдавая этот «почет» меламену Хаиму-Хоне. Дальше в советском издании говорится: «Словом, с распределением почетных обязанностей кое-как уладили». Но даже человеку, не знакомому с идишским оригиналом, а просто немного представляющему себе обрезание, понятно, что сидеть с ребенком на руках — это только первый «почет». И вообще, о каком «распределении» речь, если что-то досталось лишь одному человеку?

Смотрим в оригинал и видим, что полстраницы выкинуто. Генеху все же достался другой «почет» — уложить ребенка на кресло Ильи-пророка. Понятно, что, если оставить это место, придется объяснять, что это за обряд, концентрация религиозной пропаганды станет невыносимой и Шолом-Алейхем превратится для советских читателей в учебник еврейской жизни. Он все равно превратился, но чтобы он не стал слишком уж подробным учебником, некоторые фрагменты приходилось выкидывать.

А дальше уходит замечательный штрих. Третий «почет» — это мецица, отсасывание крови из ранки после обрезания, что-то совсем уж невообразимое для советского издания. Делает это, как правило, моголь, и отдавать этот «почет» было не принято. Но Шолом-Алейхем передает его одному из персонажей, бывшему николаевскому солдату, с изумительной мотивировкой: «так как он человек грубый и может устроить скандал». На мой вкус, это лучшее место в рассказе — и именно оно выброшено.

Вот пример очень типичной правки. Убирается «излишняя» религиозность, при этом выхолащивается яркий мазок и скомкивается сюжет в целом.

Во многих местах переводчик сокращал перечни блюд. Если у Шолом-Алейхема говорится, что герой съел лапшу, бульон, курицу и цимес, то в русском тексте остаются курица и бульон. Куда делись лапша и цимес, зачем их нужно было вымарывать? Могу предположить только, что в переводе на советские реалии обед из четырех блюд выглядел слишком роскошным для местечкового бедняка.

Есть правка, вызванная не цензурными причинами, а отсутствием у переводчика соответствующих знаний. Шолом-Алейхем сочетает простонародный язык с ивритскими и арамейскими фразами, характерными для прихожанина местечковой синагоги. Переводчик, сталкиваясь с ивритом или арамейским, перестает понимать, о чем идет речь, и начинает придумывать. Например, в рассказе «Родительские радости» описывается Пурим. Там есть сцена, когда рассказчик вместе с детьми и внуками поет за праздничным столом: «Я затягиваю “Розу Яакова” и еще раз “Розу Яакова”! И опять-таки “Розу Яакова”!» Пока что все правильно. «А дети как подхватят: “Ликуем и веселимся!”» Вот здесь уже неточность — в оригинале «Ликует и веселится», в третьем лице. Речь не о «нас», а о Розе Яакова, то есть о еврейском народе. Но этого переводчик уже не знает, конечно. А дальше: «А маленькие сорванцы, внуки, подтягивают тоненькими голосками». Что они подтягивают? Заглядываем в оригинал. Внуки поют: «У иудеев свет, у иудеев свет, у иудеев свет». Это, конечно, явный клерикализм, в советском издании такому не место. Так что здесь органично сочетаются непонимание и цензура.

По всему сборнику выражение «а шейнер ид», «хороший еврей», переводится как «хороший человек», а «идише нахес» — как «человеческое счастье». И кстати, мы в нынешнем издании это не правим. Потому что вполне вероятно, что это не цензурная правка. Просто переводчик как носитель идиша понимает, что «а шейнер ид» — это именно характеристика моральных качеств, а не подчеркивание национальности. А по-русски «хороший еврей» будет читаться совсем по-другому. Давайте не забывать, что «Мальчик Мотл» на идише называется «Мотл кантора Песи». Но на русский сам Шолом-Алейхем переводит его более «общечеловеческим» образом. Дело в том, что многим еврейским писателям — и Шолом-Алейхем не исключение — очень важно было сделать русский перевод доступным для читателя, не разумеющего в деталях еврейских реалий.

То есть проблем тут много. И выводы делать можно разные. Ясно одно: единственный канонизированный советской властью еврейский писатель был известен советскому читателю в усеченном и «неполноценном» виде. И важно эту несправедливость устранить.

суетливого, болтливового, чадолюбивового, скаредного, иногда романтического и непременно упертого существа, которое везде (на Земле, на дне морском или на планете Ригель-7) и всегда (в XX, в XXX или в XXXXX веке) будет изъясняться с комическим акцентом, смешно пугаться, скушав трешное вместо кошерного, трепетать при слове The Pogrom и ежеутренне осмыслять свою этнорелигиозную идентичность, вглядываясь в туалетное зеркало.

В этом зеркале может отразиться человек, а может — создание «длинной с руку и толщиной с голову» («Таки у нас на Венере есть раввин» Тенна), или многорукий монстр «на коротеньких гусеничных ножках» («Как я искал Кадака» Эллисона), или зеленый кентавр («Дибук с Мазлтов-IV» Сильверберга), или хотя бы ворона («Еврей-птица» Бернарда Маламуда). Суть дела не меняется: героев будет волновать лишь увиденное в зеркале (что там? лицо еврейской национальности? жидовская морда?), а читателю будет предписано в очередной раз удивиться контрасту причудливости форм и неизменности их содержимого...

К счастью, в 1974 году коммерческий успех сборника, составленного Джеком Данном, был, вероятно, не очень велик — в противном случае опыт был бы продолжен. Ведь подобные рассказы можно легко ставить на поток. Роджер Желязны мог бы заставить девятерых принцев Эмбера искать десятого: без которого, сами понимаете, миньян невозможен. Клиффорд Саймак написал бы новеллу о борьбе евреев-цветов с евреями-скулсами. Рэй Бредбери сочинил бы притчу о еврее-бабочке, чья случайная смерть изменила историю. Стефани Майер вывела бы на свет прекрасного еврея-вампира, Энн Маккэфри явила бы мудрого еврея-дракона... Ну а тот же Азимов мог бы сесть на любимого конька и измыслить сюжет о еврее-роботе, самовольно добавившем к трем законам роботехники еще и четвертый (о необходимости чтить субботу). И в финале рассказа позитронный мозг перегревался бы от мучительных сомнений: подобает ли правоверному роботу исполнять в шабат первые три закона — или как?

Di ai Adaeoi ai

ÆΑΡΘΩΑ, Ι ΟΙ ΟΙ ΕΕ, ΕΘ ΑΕΑΑΙ ΙΣ

Ææ Èá Δεάάδ

Αάί ηέέ í íάάί è èδèçèñèääí òè: í ηñòè

Í άλ η òδαι ö. Ò. Αάηæέí άέ

Ñí á: Èçä-åì èì. Í.È.Í ίάέέíάά: ÈΆ «Άάέέí à ηέδèí ηñò», 2009 — 720 η

Фундаментальная «Австрийская библиотека» — одна из самых впечатляющих книжных серий, возникших в постсоветской России. Но даже в ее яркой библиографии выделяется книга Жака Ле Ридера, 57-летнего профессора из Парижа, возглавляющего кафедру «Европа и германский мир (эпоха модерна и современности)» в Практической школе высших исследований.

Книга Ридера — тот редкий случай, когда более чем 700-страничный объем не только себя оправдывает, но еще и выглядит недостаточным. Феномен венского модерна рассматривается автором столь подробно и увлекательно, что хочется еще больше информации и деталей. Конечно, Фрейд является здесь основным персонажем — но не главным, одним в ряду многих, таких, как Роберт Музиль, Теодор Герцль, Гуго фон Гофмансталь или Отто Вайнинггер (двух последних Ле Ридер переводил с немецкого — так же, как Гете и Лу Андреас-Саломе).

Еврейской составляющей модерна посвящены многие страницы книги. Среди ее разделов — «Женщина и еврей: по Вайнинггеру, Шопенгауэру, Бодлеру и Гроддеку» и «Положение ассимилированных еврейских интеллектуалов». В книге рассматриваются: отношения немецкой нации и еврейского национализма; пангерманисты, вагнерианцы и ницшеанцы в среде еврейской молодежи; индивидуальные стратегии («евреи и социализм» и «еврей без свойств»). Автор предлагает двойные портреты Фрейда и Герцля — через призму «нового гетто» и как «людей Моисея» эпохи модерна. Кроме того, исследуются фигура Карла Крауса (хорошо название посвященной ему главы — «Неуловимая еврейская идентичность») и «культурный сионизм» Рихарда Беер-Хофмана (1866–1945).

На последнем стоит остановиться поподробнее. Литератор, юрист по образованию, он входил в группу «Молодая Вена», дружил со Шницлером, Гофмансталем и Альтенбергом. Ле Ридер подробно анализирует прозу Беер-Хофмана в контексте эпохи. Его повесть «Смерть Георга» автор читает «на фоне» новеллы Томаса Манна «Кровь Вельсунгов», породившей в свое время скандал, поскольку многие увидели у Манна сатиру на окружение его жены-еврейки.

Во многом благодаря своему отцу, чьи полные скепсиса письма цитируются в книге, Беер-Хофман не испытывал иллюзий относительно ассимиляции, что помогло ему избежать «шока и кризиса “еврейской ненависти к себе”», которые стали уделом многих его соучеников, переживших сильнейшее

разочарование, когда их надежды на ассимиляцию, унаследованные от отцов, то есть от поколения либералов, оказались обманутыми».

В книге рассматриваются разные аспекты «самоненависти». Автор акцентирует согласие Фрейда с мыслью философа Теодора Лессинга о том, что такая ненависть — «типично еврейский феномен». Поразительным образом сам Лессинг оказался при этом в списке ненавистных Фрейду людей — причем список этот так и не был обнародован, в беседе с Айтингтоном Фрейд упомянул лишь Лессинга. Чем не фрейдистский сюжет?! Тем более важен он в свете другого положения французского ученого. Работу Фрейда «Человек Моисей и монотеистическая религия» Ле Ридер готов считать исследованием патологии иудаизма как религии и настаивает, что ее следует изучать в контексте психиатрического и психологического дискурса рубежа веков о «вырождении» евреев (в статьях и учебниках Будена, Шарко, Крафт-Эбинга и других авторов много писалось о склонности евреев к разного рода нервным заболеваниям).

Ле Ридер рассматривает редко интересующие других исследователей темы, как, например, феномен языкового расизма. Его адепты боролись с «еврейским жаргоном», принимавшим, на их взгляд, «обличье чистейшего и безукоризненного языка», что было подозрительно. Ведь «даже если еврей в совершенстве владеет немецким и говорит по-немецки лучше, чем сами немцы, он все равно в каком-то смысле говорит по-еврейски». Как утверждал Теодор Бильрот, автор памфлета «О преподавании и изучении медицинских наук» (1876), «даже полностью ассимилированный еврей всегда говорит по-еврейски», и если окружающие не замечают этого за внешней элегантностью его языка, то это их вина и беда.

«Венский модерн и кризис идентичности» указывает на множество корней австрийского антисемитизма. Среди его составляющих был и аристократический и антиклерикальный антииудаизм. Но, как показывает Ле Ридер, решающую роль на рубеже столетий стал играть «антисемитизм интеллектуальный» — если, конечно, внутреннее противоречие не разрушает такой оксюморон. Его объектами становились и «иррациональный космополитизм» Стефана Цвейга, кризис еврейской идентичности которого «нашел иллюзорное разрешение в интернационализме», и антисионизм Карла Крауса. Кажется, у венского еврея не оставалось ни одной стратегии поведения, ни одного языка, позволявшего ему стать для окружающих «своим». Но, как показала история, кризис идентичности в этом случае наступал не только жертву агрессии, но в гораздо большей степени самого охотника.

Анастасия Ле Ридера

СІАЕІІ УА È ÈÕ ÆËÓАЕІА

Àðòóð Ì èèèð

Ì àìèùâù àðàì áí è. Èñòíðèÿ æèèé

Ì áð ñ àì æ. Ñ. Ì æéóðáí èíâé

Ì .: ÀÑÒ; Àñò ðàèÿ 2010. — 736 ñ

Вначале пару слов о стиле книги, потом перейдем к хорошему. Если правда, что гений — это умение сказать сложное просто, то Миллер все же не гений. А если гений, то не в этой книге. В «Наплывах» чувствуется претензия: вот, мол, я могу выступать в роли не только драматурга, но и Писателя. Человека, который делает Текст. Отшлифованную вязь. Когда Миллер набрасывает сцены со знакомыми, то по привычке увлекается, забывается, и его становится по-настоящему интересно читать. Но там, где он сознательно «работает над стилем», начинают лезть такие кусты...

Если говорить о природе его дарования, оно было сродни таланту писателя, вечно стремящегося преодолеть бессмысленность попыток соприкоснуться с тайной бытия, которая творится в хаосе таинственных отблесков света.

Теперь собственно о Миллере. Человек в колодеце. Спускается в полной темноте. Ощупывает осклизшие стены и прикидывает, как оно здесь все устроено. Делится соображениями с теми, кто остался на поверхности.

Колодец — это метафора. На самом деле человек спускается внутрь себя, а речь — это инструмент постижения, где слово тянет за собой слово. Квентин, герой пьесы Миллера «После грехопадения», спрашивал себя: «Ты когда-нибудь видел себя насквозь, до самого дна?» Увидеть себя до дна, наверное, нельзя. Но попытаться можно. Все пьесы Миллера — такие попытки.

Драматург не изнурял себя шлифовкой внешней, формальной стороны. У него почти нет интриг и неожиданных поворотов. Такого рода фантазией он не обладал, или его это не интересовало. Рефлексия была его фантазией. Он обожал фантазировать на тему знакомых. Его интересовали «маленькие люди». Это могли быть родственники, друзья, любимые. Или, наоборот, люди, настроенные враждебно. Он умел взглянуть на себя чужими глазами. Даже глазами врага («Евреев боятся за их загадочный искусительный ум, способный обольстить и обмануть простодушного человека»). Он пытался понять логику знакомых, их чувства.

Ситуации, конфликты для пьес — за редкими исключениями — тоже брались из жизненного опыта. В процессе работы все это, естественно, трансформировалось, но изначальный посыл был именно

таким: глубокое погружение в тех, с кем столкнула жизнь. Попытка понять: почему эти люди так поступали с ним? Почему он так поступал с ними? Кто он сам? Что с ним происходило? Какой путь он прошел? Как этот путь его менял?

Пару слов насчет «маленьких людей». Мне, например, Башмачкин не нравится. Он, конечно, униженный, и вроде как его принято жалеть, но живет он исключительно для себя, и мир его затхлый. Именно так: дурно пахнущий от сырости и гниения. Не исключено, что Башмачкин извращенец. Вилли Ломен — герой пьесы Миллера «Смерть коммивояжера» — совсем другое дело. Он самый солнечный «маленький человек», которого я видел (в исполнении Дастина Хоффмана). Прекраснодушным своим маразмом он бьет в сердце напрямик. Он живет не собой, а — что важно — жизнью семьи. Он по-ленински засовывает руки в жилетку (большие пальцы торчат наружу) и, выгнувшись, покачивается на носках. Откинув голову назад, скалится в американской улыбке — демонстрирует уверенность. Абсолютно неуверенно ее демонстрирует. Он от старости сухой, как одуванчик. Его вот-вот ветер унесет, небытия. Мне он папу моего напоминает. В одном фильме пластинка с Утесовым заедала на щемящей ноте: «У меня есть сердце... у меня есть сердце... у меня есть сердце». От Ломена — такой же спазм.

Я думал: персонаж этот — интимный факт моей биографии. Оказалось, нет. Оказалось, Ломен напоминал отца чуть ли не каждому второму зрителю «Коммивояжера». После премьеры они подходили к Миллеру и признавались ему в этом. Смущенные. Сбитые с толку. Почему «Коммивояжер» дает такой эффект? Наверное, потому, что зрителям казалось: такие нюансы нельзя придумать, можно только узнать.

И вот выясняется, что Ломен списан совсем не с отца Миллера, а с отца его товарищей по детству. Что таких отношений в семье драматурга, строго говоря, не было. Но с другой стороны, то первое впечатление все равно не обманчиво. Он же не придумал, он же видел таких людей. Пусть и не в своей семье.

Теперь по поводу собственно «наплывов времени». Как приема композиции. «Смерть коммивояжера» была, кажется, первой пьесой, написанной в этой технике. До нее принцип триединства (действия, места, времени) соблюдался неукоснительно. А тут он был разрушен с неожиданной легкостью. Это освежало восприятие и делало историю Ломена необычайно пронзительной. Драматургически прием тоже попадал в десятку: эскапизм героя оправдывал временные скачки. Старый коммивояжер, когда ему становилось невмоготу, сбегал мыслями в прошлое. В те времена, когда он был силен, уважаем и удачлив. Чередовалось всего два времени: «Ломен — старик» — и «Ломену сорок лет», что не вызывало никакой путаницы.

Мемуары — возможно, неосознанно — композиционно повторяют пьесу. Но в книге временных пластов чередуется уже не два, а десять, и они тасуются в произвольном порядке. «Наплывы времени» писались, когда автор был весьма пожилым человеком, возможно, книга отражает сознание в этом возрасте. Тут что-то определенное я сказать не могу: недостаточно постарел. Но читать — особенно вначале — все-таки трудновато. Тем более — стиль, опять же.

P deé Ntéráá

**Áíðèñ Ñáí áéáð, Èáðü Ñáí áéáð. Í áðè ñááò ñéíá ï áðèíáá: ñááò ñéí-
èçðáè èüñéèá í ò í î áí èý á çáðèáèá í î èè ò è: áñéíé èáðè èáò òðü**

Ì.: Í îñò ü èçéüò òðü; Èáðüñéèí: Ááø áðèí, 2009 — 252 ñ

«Израильская военщина известна всему свету...» Вполне вероятно, что составитель речи, зачитанной героем Александра Галича, вдохновлялся именно теми карикатурами, которые воспроизведены в «Парке советского периода». Книга возвращает нас к блаженной памяти временам пролетарского интернационализма, апофеозом которого была борьба с международным сионизмом. Все рисунки сгруппированы в семи главах по тематическому принципу: «“Истинная” природа ближневосточного конфликта», «Всемирный еврейский заговор в советской карикатуре» и т. д. Самые ранние из помещенных здесь карикатур относятся к периоду суда над Эйхманом (это тоже было предметом издевок!), более поздние отражают истерическую реакцию Советов на победу Израиля в Шестидневной войне, а последние датированы перестроечными годами. Автор вступительной статьи к книге и предисловий к отдельным главам Нати Канторович вводит читателя в «историю вопроса». Среди прочего он рассказывает о некоем А. Зенине, который повадился изображать сионизм в образе Соломона Михоэлса. Два его рисунка были опубликованы в газете «Советская Молдавия» в начале 1970-х годов. На одном из них сионизм ака Михоэлс плел паутину антисоветских провокаций, на другом — тот же Михоэлс, в пилотке со свастикой и с окровавленным топором, отбрасывал тень в виде профиля Гитлера.

**Ì áééè Í áñí áí íí. Ñí áðèáéüñ üá èíí áí áü Ýéòí áí á Èáðáò áéüñ üá
îí áðáòèè ÑÑ. 1939-1945**

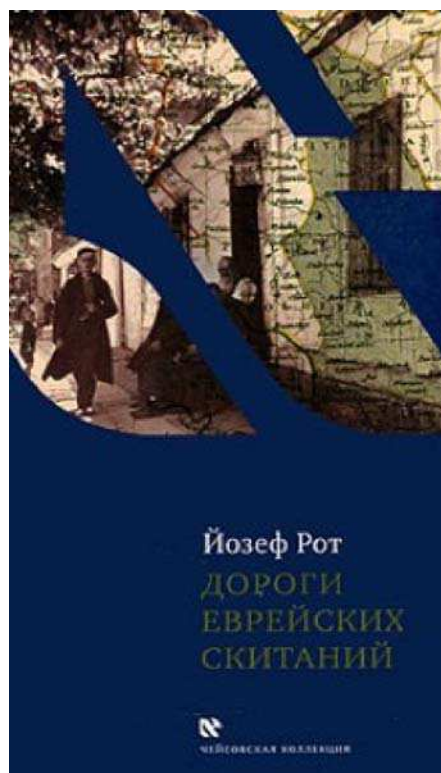
Ì.: Òáí òðí î èè áðáò, 2010. — 256 ñ

Автор этой книги, американский юрист Майкл Масманно, в 1948 году возглавлял трибунал в Нюрнберге по делу об айнзатцгруппах – карательных командах, которые были созданы по приказу Гитлера прежде всего для уничтожения еврейского населения на территориях, оккупированных вермахтом. По итогам слушаний большинство обвиняемых, виновных в уничтожении миллиона евреев, были приговорены к смерти или длительным срокам тюремного заключения. Позже, в 1961 году, Масманно выступил свидетелем обвинения на проходившем во Дворце правосудия Бейт а-Ам в Иерусалиме процессе по делу руководителя айнзатцгрупп Адольфа Эйхмана. Таким образом, в книге речь идет о двух процессах, объединенных общим преступлением против человечности. Читатель узнает, в частности, о том, как вели себя обвиняемые на слушаниях и какими обстоятельствами оправдывали свои поступки (чаще всего ссылались на необходимость исполнять приказы фюрера либо на собственное неведение). Примечательно, что российские издатели отнеслись к Масманно без особого почтения, перегрузив текст его книги обильными «уточняющими» комментариями. В одном из них, к примеру, говорится о «засилье евреев в дезорганизованной германской экономике, а также культуре в период 1919–1932 гг.». Чего у работников издательства «Центрполиграф» не отнять, так это потрясающего чувства такта.

Í áá áí í í ò áò èýí è ðááí ò áéè

***Áéááèí èð Áðññí í áñéé
è ðñí áí Áðáè òí***

Порой они не ощущают счастья любви, пока не лишаются его (как Хана в рассказе «Переезд», потерявшая кошку Зельду), порой — неосознанно мучительно страдают без него, а порой ищут — целенаправленно и безрезультатно: «И ищут себя, и ищут, и нигде найти не могут» («Поиск»). Отношение человека нормального к подобным поискам афористически запечатлено в рассказе «Поэт и врач»: «Я описываю акт любви между мужчиной и женщиной» — «Надо же, жить в такой квартире и заниматься таким вздором!» Но эти поиски, если верить Винер, не прекратятся никогда: «Вы меня не поняли, постойте, я все вам объясню еще другими словами...»

Принося извинение за слишком пространную цитату, нельзя не отметить ее принципиального, концептуального характера. Обращаясь лишь к тем, кто способен страстно и искренне принять судьбы восточноевропейских евреев, унижение и несправедливость которых сквернят именно цивилизацию угнетателей, Рот предлагает одну из самых последовательных гуманистических программ.

Но это 1926 год; в предисловии к неосуществленному голландскому изданию 1937-го автор, в соответствии с резко изменившимися историческими обстоятельствами, главное из которых — разгул нацизма и равнодушие Запада, пишет гораздо жестче: «Все вокруг постоянно твердят о «европейской семье народов». Но если продолжить аналогию: разве можно себе представить, что брат не схватит за руку брата, видя, что тот замышляет глупое или зверское дело? Или же мне позволено учить правилам хорошего тона лишь чернокожих — но ни в коем случае не белых головорезов? Странная, право, семейка, эта «семья народов!»...» Не рискуя ошибиться, можно сказать, что, будь этот текст опубликован вовремя, он встал бы в ряд самых ярких антифашистских манифестов.

Сама книга посвящена различным аспектам того — утраченного, легендарного — еврейского мира, который существовал до второй мировой войны. Рот описывает общее положение евреев на Западе, предлагает зарисовки еврейской жизни в разных странах, демонстрирует особенности гетто в Вене, Берлине, Париже (французская столица оказывается, по Роту, чуть ли не образцом толерантности к евреям; впрочем, здесь могла сыграть свою роль известная галломания писателя).

Среди прочих важных подробностей отметим внимание Рота к поколенческому растождествлению, к растворению младшего поколения еврейских переселенцев из Восточной Европы в социальной структуре «новой родины». Однозначной оценки этому феномену Рот не дает, но ему, очевидно, важны и дороги подробности глубинного, традиционного еврейского бытия. Не случайно очерк «Еврейский городок» — самый теплый, любовный из всех, представленных в книге (стоит прочесть хотя бы фрагмент, посвященный еврейским музыкантам). Напротив, очерк «Еврей едет в Америку» выделяется жесткостью, отчасти даже сатиричностью тона, — но острие этой сатиры нацелено, конечно же, не на еврейских иммигрантов, а на исторические и социальные механизмы, заточенные для максимального подавления и унижения маленького человека — инородца (особое внимание и здесь, и в других очерках автор уделяет разнообразным бюрократическим жвалам: получению документов, регистрации личных имен и т. п.).

Особое место в сборнике занимает финальный очерк о положении евреев в Советской России. Незадолго до выхода книги Рот посетил СССР, внимательно изучая жизнь евреев при новом режиме. Это путешествие можно рассматривать в ряду визитов многих видных западных интеллектуалов в Советский Союз в 1920–1930-х годах. Но, в отличие от более поздних, совершенно постановочных поездок, экспедиция Рота происходила в еще относительно «вегетарианские» времена, когда, помимо всего прочего, евреям действительно предлагалась возможность обустроить новый быт, новые условия труда, обрести новую — равноправную с иными народами — идентичность. Но именно относительно последнего пункта в апологетическом в целом очерке Рота звучат скептические

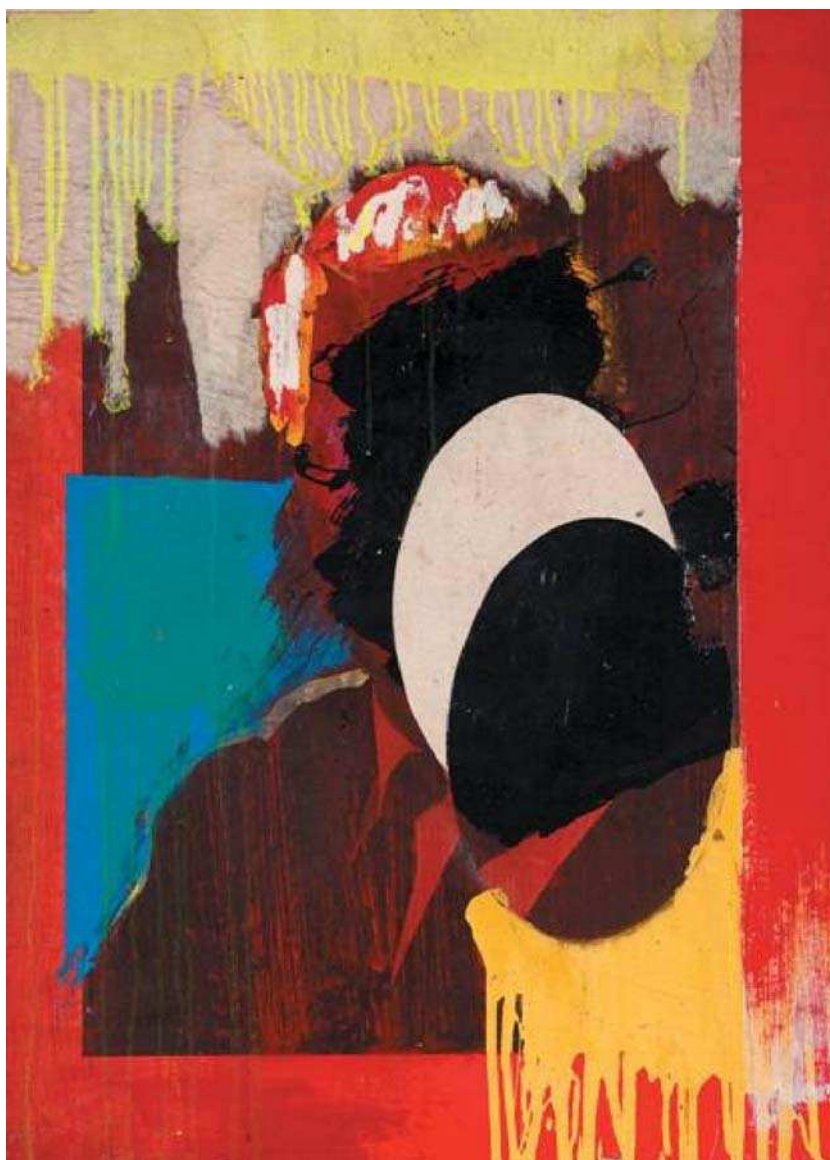
ноты: «Революция не считает нужным задаться старинным и, в сущности, главным вопросом: образуют ли евреи такую же нацию, как любая другая? Или они представляют собой нечто большее — или меньшее? религиозную? родовую? сугубо духовную общность?..» Однозначного ответа на этот вопрос не дает и сам автор, чья книга тем не менее остается памятником литературы, этнографии — и одновременно глубочайшего человеколюбия.

20 июля

«НЕТ» КАК «ДА»

НОНКОНФОРМИЗМ БОРИСА ЛУРЬЕ В ЗВЕРЕВСКОМ ЦЕНТРЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Έεσα Ἰ εααεἰ ηεαυ

Αἰδεη Ἐοδη Ἐσηδε «Ἐηοηοαι ε Ἰηεοεεα». 1968 αἰ. Οἷα Αἰδεη Ἐοδη

Зверевский центр современного искусства в Москве — независимая институция, названная именем одного из самых известных русских нонконформистов художника Анатолия Зверева, — известен как художественная и поэтическая площадка искусства, может быть, последняя в Москве, не отравленная всеразъедающим влиянием арт-рынка.

И в этом смысле очень символично, что выставка идеолога американских нонконформистов Бориса Лурье (1924–2008) оказалась именно здесь. Хотя на самом деле это очень странно, так как, в принципе, экспозиция из сорока произведений 1949–1970-х годов является событием высочайшего

музейного уровня. Но в данном случае история развивалась не по линии истеблишмента или круговорота дорогих произведений в музейной среде. Это история живого искусства, подчиняющегося исключительно собственной логике, искренней заинтересованности и совпадению человеческих и художественных позиций. Такого в Москве, пожалуй, еще не было никогда.

Директор Зверевского центра поэт и куратор Алексей Сосна, будучи в Нью-Йорке на поэтических чтениях по приглашению «Нового журнала», в гостях увидел произведение Бориса Лурье и, по его словам, почувствовал, что искусство этого художника созвучно эстетике Зверевского центра. А дальше нью-йоркские поэты, представители, как ни странно, враждующих поэтических группировок, в удивительно короткие сроки сделали так, что Фонд Лурье действительно отправил в Зверевский центр ретроспективу работ знаменитого борца с консьюмеризмом и соглашательством. Получилась выставка, восстанавливающая свободные идеалы 1960-х, основательно подзабытые здесь и сейчас, принесшие дух яростной борьбы с общественным лицемерием, пронизанный эмоциями и очевидно демонстрирующий непосредственный пульс смены художественных направлений, обычно замыливающийся в глянце толстых искусствоведческих книг.

Фондом Лурье был сделан акцент на раннее творчество художника. Совсем небольшие работы в стиле кубизма 1920-х, трогательно аутентичные, невероятно изысканные по цвету, с исключительно европейским ощущением хрупкости городской культуры и художественных достижений французских пространственных революций в живописи и скульптуре.

В 1954–1955 годах Лурье обучался в Париже в постимпрессионистской еще академии «Гранд Шомьер». Возвратившись в Нью-Йорк, он стал участником группы радикально настроенных художников, поэтов и искусствоведов «Март». Однако это был только промежуточный пункт. В самом конце 1950-х Лурье с друзьями создает движение «No!art», смысл которого — прямое высказывание, не спрятанное за ширмами эстетизма, морализаторства и притяния обществом.

Самые знаменитые работы Бориса Лурье относятся именно к акциям и выставкам объединения «No!art». Прежде всего, это шокирующие коллажи, на которых слащавые фотографии девушек из мужских журналов сопоставлены с беспощадной фотохроникой нацистских преступлений против человечности. Смотреть на них практически невозможно. Это искусство шокирует сегодня так же, как и полвека назад. И оттого что из непризнанного оно стало музейным, становится, наверное, еще страшнее. В этих произведениях эмоции и чувства не имеют срока давности. Это беспощадный сарказм на основе тончайшего эстетизма и глубокого знания языка актуального искусства.

*Açık Aklım. 1954-1955 yılları.
Özellikle Aklımın İçinde*

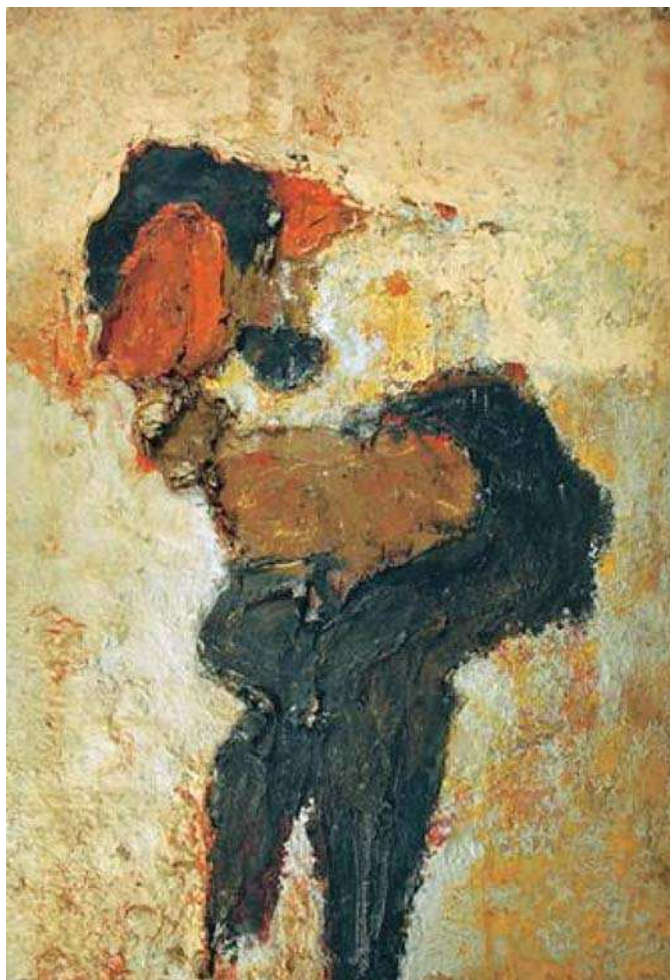
Лурье писал, что помимо страха, отвращения, соблазнения и прочих сильных чувств и эмоций, которые может вызывать искусство, его больше всего интересовало смущение. И он добивается его. «No!art» — эстетика и стиль Нью-Йорка 1960-х, эпоха битников, беспощадных и веселых, двери, открытые мастерами абстрактного импрессионизма и поп-арта, но двери, в которые вошли по-настоящему честные парни, которым правда не нравилось то, что любая этическая проблема слишком быстро покупается за деньги и становится сладостным и беззубым искусством.

Но 1960-е прошли, и «No!art» было практически забыто на долгие двадцать лет. Вторая жизнь этого искусства началась в конце 1980-х на волне европейского раскаяния в деяниях Холокоста. Лурье теперь предстает в первую очередь как еврей-антифашист, беспощадно и иронично обвиняющий общество в попустительстве насилию и геноциду.

Представитель дискурса современного искусства, Борис Лурье создает жесты, возможные лишь в поле этого искусства: коллаж, ассамбляж, он совмещает свободный жест из арсенала психологической абстракции, плакат и коммерческое фото из арсенала поп-арта. Но и это разительно отличает Лурье от любого другого представителя нонконформизма 1960-х. В изобразительном искусстве его высказывания глубоко личны, и это личность юноши-еврея, прошедшего Холокост: еврей в концлагере, еврей среди евреев в концлагере, еврей среди евреев в Нью-Йорке, помнящий о том, как евреи жили в концлагере... Еврей-русский, еврей-европеец, еврей-американец. Одни из базовых тем еврейского изобразительного искусства, которое является ровесником авангардизма вообще, — это трогательное внимание к местам еврейского детства, как правило местечка, нежная нота влюбленности и трогательные женские образы.

Глубокая литературность, любовь к надписям и интонация воспоминательного рассказа — общие черты творчества выдающихся художников-евреев XX века: Шагала, Рыбака. Свойственно это и Борису Лурье, только вместо пусть бедного, но уютного быта местечка — концлагерь. В котором нет никакого быта, есть только правда урожая смерти, а нежный женский образ уничтожен буквально, и остаются лишь эротические фантазии, воплощенные в фотографиях из специфических мужских журналов. И единственное слово, которое все еще может быть написано, — это «Нет!».

Выставку сопровождает статья Дональда Каспита «Евреи, нацисты, женщины: травматическое начало творчества Бориса Лурье», в подробностях исследующая психологические подтексты и последствия насилия над евреями, над жизнью в суперполе крайних степеней нарушения прав человека и уникальной возможности свободы искусства говорить об этом.

Голос евреев 1956 (?) г.

Голос евреев

Но возникает вот какой вопрос. Выставки являются элементом культурного обмена, и эта выставка большое культурное событие, демонстрация объектов протестного искусства 1960-х, сильного и живого до сих пор. Искусства, вырвавшегося из усыпляющих объятий музея. Другой аспект — Холокост. Тема насилия и угнетения, а также раскаяния перед евреями. Сотворившие это деяние обречены на жизнь в осознании своих преступлений. Они манифестируют свое раскаяние и находят в этом смысл жизни и процессов в искусстве. И мир этот узаконен, и голос евреев в этом мире — голос жертв. И это тоже общепринято. Однако в случае Лурье мы сталкиваемся с иной позицией: это прежде всего история жизни и творчества человека, выжившего в концлагере и обретшего свободу, — в том числе от стереотипов общества, какими бы привлекательными они ни были.

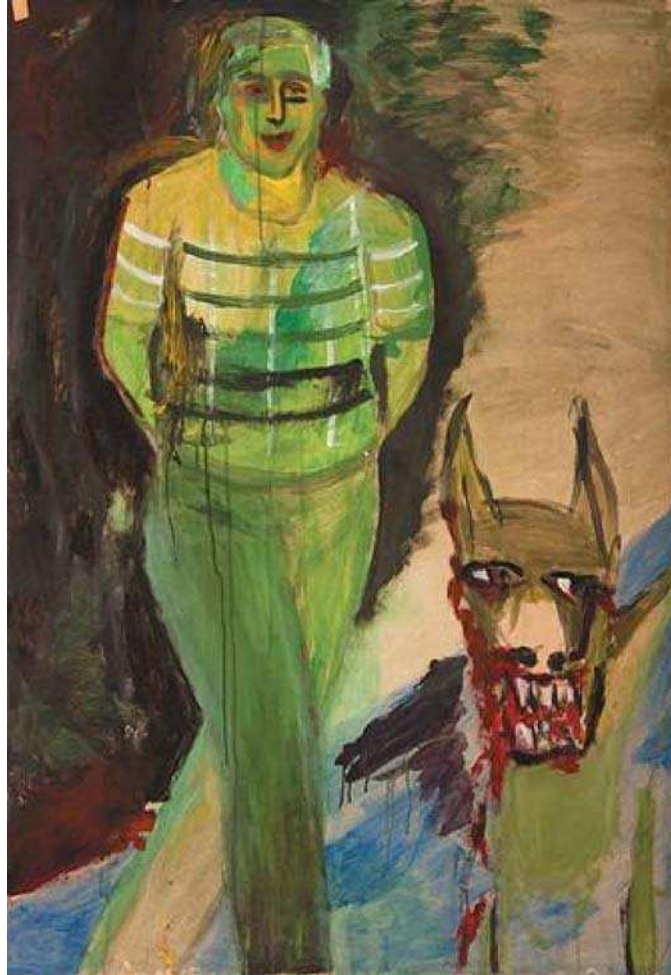
Лурье, как выжившему и нашедшему в себе силы жить полноценной жизнью, а не жизнью жертвы, позволено судить и сравнивать, называть вещи своими именами, не прикидываясь святошей, наслаждаться, обвинять, демонстрировать... Это искусство тем более остро, что, в отличие от других, совсем не окрашено нотами сентиментальности. Оно жизнерадостно и прямолинейно, в стиле его современников писателей-битников.

Прожив всю жизнь в Америке, Борис Лурье никогда не забывал своих русских и еврейских корней, считал своим языком русский и поддерживал связь с родственниками в Ленинграде.

Еврей, он же русский, он же американец, Лурье использует Звезду Давида как восклицательный знак или нотабене. Магеновид у него из позорной метки времен Холокоста становится солнцем — не клеймом, но знаком. Лурье таким образом перечеркивает свастику Звездой Давида.

Дональд Каспит видит в Борисе Лурье эмоционально деформированного юношу, прячущегося за ширму перенесенных страданий и не допускающего мысли о том, «что крепче нас делает то, что не убивает». А ведь в случае Лурье это именно так. Не марионетка, но по-настоящему свободный член общества, благодаря богатому жизненному опыту не позволяющий врать себе и окружающим.

Дора Эштон — выдающийся искусствовед, соратница Пикассо — говорила про «No!art», что оно «уже не искусство», но мы, за полвека подрастеряв все достижения авангардизма, точно опознаем его как искусство.

Австралийский художник Борис Лурье. 1960-е годы.

Они Аидеи Эдны

Сеймур Крим, знаменитый издатель литературы битников, квалифицирует искусство Лурье как искусство, «выкалывающее глаза и насилующее душу».

Но все это американский взгляд на вещи, и тут не хватает одного важного аспекта — упоминания того, что работы Лурье нежны и интеллектуальны, пропитаны горьким изяществом парижской школы.

Выставка Лурье в Москве открывает удивительные черты. На первый взгляд — шокирующие. К примеру, осознание того факта, что русский зритель не в состоянии переживать Холокост как травму. Травма — это что-то, что остается после окончания насилия, здесь же Холокост в известном смысле продолжается. Он продолжается не только по отношению к евреям, но и ко всем национальностям, живущим в этой стране. Однако невосприимчивость к насилию и ярости имеет и совершенно противоположный аспект. В зоне насилия особенно явно высвечиваются позитивные ценности культурной памяти. Они как спасательные круги из гармоничного мира, удерживающего личность от распада. В России позитивная культурная традиция европейского авангарда как сокровищницы цветовых и философских

откровений в художественном творчестве выходит на первый план. В России Лурье не злой калека-еврей, но живописец, человек, выражающий свои эмоции в меланхоличной форме изобразительных сюит, с глубокими трагическими оттенками. Не насилие, а трагедия в греческом смысле неразрешимости, безвыходности и невыносимости обстоятельств.

*× àì íààí. Νάδευ «Εἰδὼνάεε ε̄ ÷ àì íààí ú».
1964 ἄἄ Οἰῖἄ Αἰδευῖἄ Εἰδὼνῖἄ*

В американских и английских исследованиях творчества Лурье поражает заикленность на факте личного страдания художника в концлагере, при полном пренебрежении к подробностям остальной жизни, не менее важной для понимания эстетики его произведений. Меж тем для творчества Лурье характерна, кроме надрывной истеричности жеста, твердая композиционная основа, тонкий и даже нежный колоризм и, как это ни покажется странным, глубокая человечность.

Представленный в Москве чемодан (из серии «Чемоданы и коробки») Лурье идентичен тому, что угодил в концлагерь и вышел из него обклеенный веселыми коллажами. Это типичный русский чемодан, который был почти у всех в СССР, с которым связаны не только страдания, но и радости жизни, расцвеченной путешествиями и приключениями. Сколько всепобеждающего жизнелюбия в облике этого чемодана, — здесь вспоминается скорее не стокгольмский синдром Анны Фрейд, а карнавализация культуры Михаила Бахтина. Здесь преодоление морали как базовой системы христианского социального сознания происходит не в низ и в минус, а в плюс. Стихия народного празднества, веселого и древнего, уход за маски и выход во вседозволенность, как писал об этом Бахтин. Сам цвет, форма и жест нанесения этих коллажей свидетельствуют о том, что Лурье руководили скорее всепоглощающая веселость и следующая за ней вседозволенность карнавала, нежели обида и злость человека, видевшего смерть в лицо. Он играет невыносимо тяжелыми понятиями, как апельсинами. Он плюет на всех — и на страдающих, и на разлагающихся от благополучия, — он весел и всемогущ, потому что он — художник.

Áac Íaçáíey. Êçñðèè «xáðíí-ááèãý æèáííèññ».

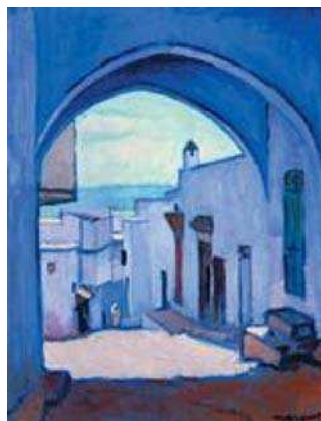
1957 áã Óñíá Áíðèññ Èóðñ

ÊÈÍ Î È ΟΪÀ
Ï ÀΔÈÆ, Ï ΑΪ Î ΔÈÀÈ ΟΪÀ,

ãĩ 28.08.2011ã

Àðèøà òèèüü à «Áĩçððàüáí è á è æèçí è». Õðàí òèÿ. 1949 ãã

Àèüüãð Î àðèá

Õèð àããèüü á Õàí æáðá

1913 ãã

***Ï òçáè Áðáí ï áèÿ.
Èç ï àñèãáèÿ Áðò ò Ñàí áá***

Несколько лет назад мемориал Шоа стал собирать киноплакаты, посвященные премьерам фильмов, связанных с Холокостом. Их подборку показывают сейчас в Париже, вместе с фотографиями со съемочных площадок и газетными вырезками с рецензиями — от «Диктатора» Чарли Чаплина (1940) до французского «Месье Кляйна» (1976), от польского «Последнего этапа» (1947) до шедевра Витторио Де Сики «Сад Финци-Контини» (1970). История богатых еврейских семей Феррары в годы второй мировой

войны рассказана Де Сикой через призму безответной любви к героине Доминик Санда. «Золотой медведь» в Берлине и «Оскар» за лучший иностранный фильм кажутся слишком скромной наградой этой пронзающей своей интонацией картине, снятой оператором Эннио Гуарньери как путешествие в глубь недоумевающей памяти. Обидно, что перевод на русский язык романа Джорджо Бассани, ставшего основой сценария, сопровождался у нас довольно кислой критикой. Одним из сценаристов «Сада Финци-Контини» был Туллио Пинелли, писавший в свое время «Сладкую жизнь» Феллини. Он скончался два года назад в возрасте ста лет. Его работа над текстом Бассани — блестящий пример того, как беллетризация истории оказывается не менее точным и емким портретом ушедшего, чем тома научных исследований.

Î ÐËÁÎ ÑÀËËÇÌ Â ÁÂÐÌÏÁ: ÎÒ ÁÁËÄËÐÓÀ ÄÎ Î ÀÒËÑÑÀ

Î ÁÐÑÁËÛ ÑÁÎ ÑÐÁ ÑÒÀÐÌËË ÁÎ ÁÁÁÁËÛÏÁ, ÄÎ 29.08.2011ã

Восток был в моде в Старом Свете начиная с египтомании рубежа XVIII–XIX веков, во многом порожденной походами Наполеона (1798–1801 годы). Следом за армией — а иногда и прежде ее — страны покоряли художники. Выставка в комплексе марсельских музеев, объединенных в Старой Богадельне, величественном здании эпохи Людовика XIV, представляет более 120 картин и скульптур из крупнейших музеев мира. Все они созданы после поездок авторов по Северной Африке, Ближнему Востоку или мавританской части Испании. Имеются в виду и знаменитое путешествие Делакруа в Марокко в 1832 году, и вояжи Матисса в страны Магриба в 1906, 1912 и 1913 годах. Здесь есть работы Августа Маке, Пауля Клее и Василия Кандинского, а также виды Иерусалима. Так, два полотна предоставлены Музеем Востока в Дохе — «Стена Плача» Густава Байуернфайнда (1880) и «Вид на Иерусалим с Востока, с Храмовой горой и Львиными воротами» Пьера Тетара ван Эльвена (1894).

Осенью марсельскую выставку покажут в Королевском музее искусств в Брюсселе.

ÄÆÏÏË ÑÁÎ ËÐÌ. ÁÑÒÐÁ×Á ÎÁÐÀÇÎÁ

ËÁËÛÏ, Î ÑÇÁËË ÐÐÁÁËËÁ, ÄÎ 25.09.2011ã

Äæïïë Ñáì ëðì. Ñòðáá áì ò ëí ñòáæÏÏËË.

Î ñçáëË Ððááëëá á ËáëÛÏ á

***Ì èòàṣṣà Ì àṣṣí. Óàḍàí àṣṣíá
Èí ñò àṣṣíyòṣṣy (2007).
Ì óṣṣé Èáí ò ò ñ Èṣí ò***

Выставка в одном зале кажется небольшой, тем более если состоит она из одного произведения. Но в случае с 70-летним скульптором Джоэлом Шапиро размер не имеет значения. Как пишет в предисловии к каталогу кельнской экспозиции директор Музея Людвиг Каспер Кениг, у Шапиро иногда и шестисантиметровая скульптура из бронзы может доминировать в целом зале. Сейчас же скульптор получил в свое распоряжение целиком верхний зал музея с естественным освещением.

Этот зал обычно отдается под экспериментальные работы — правда, неясно, в какой степени такое слово применимо к творчеству классика. А Шапиро определенно классик. Член Шведской королевской академии искусств, он дважды представлял Америку на Венецианской биеннале, дважды участвовал и в главной интеллектуальной выставке мира, кассельской «Документе» (а ведь изначально учился на врача, затем два года провел в Южной Индии в составе «Корпуса мира»). Его персональные выставки проходили в таких престижных местах, как мюнхенский Дом искусства, датский музей «Луизиана» и нью-йоркский музей «Метрополитен». В начале 1990-х Шапиро создал скульптуру по заказу Американского мемориального музея Холокоста в Вашингтоне.

В Кельне при помощи мало заметных тросов он разместил на разной высоте 14 цветных плоскостей из дерева, наполняющих пространство непривычным для глаза узором, меняющимся при любом движении зрителя. Это создает новые связи между пространством и расположенным в нем произведением, напоминая чем-то работы русских конструктивистов 1920-х. Работы Шапиро порой называют «медитациями по поводу скульптуры», он словно подводит итог последнему столетию в ее развитии. Но зрителю об этой истории помнить необязательно, достаточно чувствовать пространство, соотносить его с собственным опытом.

ÑÌ ÁḌÀÍ ÈÁ, 1900-2011

ÈÈÍ Ò, Í ÎÁÀB ÁÀÈÁḌÁB, ÁÎ ÁÁÑÍ Û 2012

Выставка в Линце, втором по величине городе Австрии, представила в 11 залах 11 последних десятилетий искусства — на все про все 111 произведений на любой вкус. Здесь три работы экспрессиониста Макса Пехштайна, много Варвары Степановой, абстрактная темпера Герберта Байера, портрет Марселя фон Немеса кисти Оскара Кокошки. В основе коллекции модерна — собрание берлинского антикара Вольфганга Гурлитта (1888–1965), персонажа столь же типичного для своего времени, сколь и яркого. В Берлине 1920-х Гурлитт торговал искусством, затем покупал работы на аукционах «дегенеративного искусства» и в венском «Доротеуме», где распродавались реквизированные у евреев коллекции. При этом сам Гурлитт заступался за коллег-евреев, а в 1940 году гестапо начало расследовать его собственную деятельность, в том числе из-за его подруги еврейского происхождения, бывшей одновременно партнером по галерейному бизнесу (у Гурлитта тоже были евреи среди предков, согласно немецким расовым законам он имел «смешение 2-й степени»; большинство его ближайших родственников эмигрировали из Германии). Новая Галерея знаменита и собранием послевоенного искусства, в том числе работами Энди Уорхола, Карела Аппеля и Ричарда Сера. Представлена на выставке и видеоинсталляция 55-летней мюнхенской художницы Михаэлы Мелин «Лагерь Ференвальд», посвященная «последнему штетлу Европы». Инсталляция состоит из двух проекторов со 160 слайдами и часовой аудиозаписи (та выпущена на отдельном компакт-диске и за последние годы получила несколько престижных наград). Ференвальд — это жилой комплекс конца 1930-х, построенный концерном «IG Farben» для своих рабочих (концерн играл важнейшую роль в экономике рейха, после войны его лишили собственности; так, внушительное здание штаб-квартиры во Франкфурте передали Университету им. Гете). С 1940 года жилье использовали как лагерь для принудительных рабочих, а после войны — для перемещенных лиц и евреев, которым некуда было возвращаться после освобождения из КЦ (с октября 1945 года, после того как его посетил президент Эйзенхауэр, признавший лагерь переполненным, и до 1957 года — исключительно для последних). В этом небольшом городке, третьем по величине среди подобных в Германии, шла полноценная жизнь. Здесь даже выходил свой еженедельник, были ешива и кибуцы.

В аудиозаписи использованы не только воспоминания поселенцев конца 1940-х — 1950-х годов, но и современных жителей Ференвальда; звучат пластинки Берлинской граммофонной фирмы «Lukraphon Semer» (1931–1938 годы), выпущенные в свое время в сотрудничестве с немецким Культурбундом.

была показана опера Верди «Иерусалим» в постановке Моше Кэптана, при участии израильских и иностранных солистов и иерусалимского симфонического оркестра под управлением Дэвида Штерна. Заодно к фестивалю была приписана и помпезная постановка «Аиды», представленная Израильской оперой в пустыне, у подножия Масады. Увы, по единодушному мнению знатоков и любителей оперного искусства, акустика в обоих случаях сильно уступала природной сценографии.

Специально к юбилею была подготовлена музыкальная композиция, в основу которой легла оратория Георга Фридриха Генделя «Израиль в Египте», написанная в Лондоне в 1738 году на сюжет библейской истории Исхода. К традиционному барочному оркестру «l'arte del mondo», англо-израильскому контр-тенору Яниву Д'Ору и Тольцкому хору мальчиков под управлением Вернера Эрхардта из Германии, исполнявшим этот классический шедевр западноевропейской музыки, присоединился фольклорный ансамбль Яира Далала (Давид Менахем — голос, флейта най; Эяль Села — кларнет, флейта; Эльад Габай — канун, голос; Эрез Моук и Шарон Колтон — ударные; Нетанель Залевски — баритон и Йотам Хаймович — ситар) с различными вкраплениями традиционной и современной еврейской музыки различных общин, а также арабские певцы Гассан Манасра и Любна Саламе с фрагментами суфийской поэзии. Если канторский речитатив, восточные пияюты на тексты Пасхальной агады и шофары в финале оратории призваны были приблизить «Израиль в Египте» к его первоисточнику, то элементы мусульманской и христианской музыки сделали декларацию этой подчеркнута мультикультурной программы совершенно очевидной: исход из рабства на свободу — это общечеловеческий сюжет, полный значения и смысла для всех народов и для каждого индивидуума в отдельности. Что же вышло из этой благородной затеи? С музыкальной точки зрения одни переходы от Запада к Востоку были более удачны, другие — менее, но в целом концерт оказался изрядно затянутым. В ряде случаев, когда ансамбль Далала впадал в неслыханную «попсу» как в ересь, трудно было удержаться от нелестного для него сравнения с классикой высокого барокко. Тем не менее, подкупленная идейным содержанием экуменистического замысла и исполнения, публика реагировала восторженно, устроив настоящую овацию.

Вообще публика в Иерусалиме замечательная, полная энтузиазма и радушия. Для обоснования этого утверждения достаточно вспомнить концерт Хельсинкского барочного оркестра (руководитель Аапо Хеккинен), проходивший в зале, пустом на две трети. Те немногие, кому посчастливилось слышать это прекрасное исполнение баховских концертов для одного и двух клавесинов, сумели страстными аплодисментами создать иллюзию аншлага, спасти честь столицы и исправить ситуацию, которая могла оказаться весьма обескураживающей для исполнителей и позорной для принимающей стороны.

Музыку барокко: Вивальди, Перголези, Генделя, Баха и Перселла исполнял также уже знакомый иерусалимцам английский камерный ансамбль «Флорилегиум» (руководитель — флейтист Эшли Соломон), при участии канадской певицы Джиллиан Кейт. Отточенная техника и вдохновение на равных сочетались в выступлении этих превосходных артистов. А строку, которой открывается исполненная ими ария Генделя «Милая птичка», можно было бы поставить эпиграфом ко всему фестивалю, дарящему столь нечастые в повседневной жизни моменты гармонии посреди сумбура политики и экономики: «Милая птичка, что шум глупости заглушает...»

Кстати, о птичках. «Мой отец — не птица» — так называется театральная композиция Шахара Пинкаса в постановке Шир Гольдберг, основанная на «Коричных лавках» Бруно Шульца. Это один из десятка драматических спектаклей, представленных на фестивале, и один из самых неожиданных и свежих, если говорить о сценическом языке. Фестиваль Израиля имеет склонность, если так можно выразиться, к «другому театру», использующему, кроме собственно драматической игры, элементы других искусств: от акробатической пантомимы постоянно участвующего в фестивальных программах израильского театра «Клипа» до соединяющего живое театральное действие с кинопроекциями «Teatro Cinema» из Чили. На этот раз представление «Клипы» разворачивалось прямо над головами публики, сидевшей на полу.

Νοιά à εç áññò óí éáí éý òáí óáááéññí íé áδύ'í ñ Ì áδñά Éáí íéí áññ à

Но и без классиков, составляющих неперменный репертуар ведущих драматических театров мира, дело тоже не обошлось. Год за годом художественное руководство фестиваля с завидным постоянством отдает предпочтение двоим: Уильяму Шекспиру и Антону Павловичу Чехову. Почему, спрашивается, именно Чехов и Шекспир, а не Островский и Мольер, например? Видимо, в израильском менталитете особенно глубоко укоренилась та дуалистическая картина мира, которая десяток лет назад подвигла Амоса Оза заявить, что у ближневосточных событий возможны только два сценария: или шекспировский, или чеховский. В первом — море красоты и героизма и груда мертвых тел в финале, во втором — все маются ничтожностью бытия, но худо-бедно продолжают жить. В этом отношении жесткий и громогласный «Гамлет» берлинского театра «Шаубюне» в постановке Томаса Остермайера и «Дядя Ваня» вахтанговского театра в ироническом прочтении Римаса Туминаса совершенно точно соответствовали этим двум полюсам. Конечно, постановка чеховского «Юбилея» на этом юбилейном фестивале придала бы ему еще большей живости. Но, видимо, предложений водевиля не поступало.

Особое внимание публики (приведшее к не увенчавшимся успехом попыткам ошарашенной администрации не пустить представителей прессы в зал Шеровера) вызвал приезд танцевальной компании Мерса Каннинггема. Дело в том, что в этом году ставшая живой легендой компания, основанная в 1953 году, завершает свое прощальное двухлетнее турне по миру, а вместе с ним и само свое существование. Каннинггем (1919–2009) на протяжении всей своей семидесятипятилетней артистической карьеры был признанным лидером американского авангарда и сотрудничал с самыми выдающимися его представителями, от Джона Кейджа, до конца жизни бывшего музыкальным директором труппы, и до столпов поп-арта Роберта Раушенберга и Энди Уорхола. Разработанный Каннинггемом и Кейджем принцип «случайности», когда сочетание различных элементов действия: хореографии, музыки, костюмов и декораций не определяется заранее, а решается публикой непосредственно перед началом спектакля, был наглядно проиллюстрирован метанием кубика. Этот ритуал затянул начало танцев не менее чем на полчаса, что довело и без того накаленную атмосферу в зале до точки, близкой к кипению. Показанные в тот вечер мини-балеты «Split Sides» (2003) и «Sounddance» (1975) демонстрировали метод, согласно которому место конвенциональных нарративных элементов в танце занимает исследование чистого движения.

Впрочем, тенденция к абстрактному языку движений и отказ от иных, внехореографических смыслов стали в наши дни вполне общепринятыми. Яркий пример тому — славный по всему свету израильский ансамбль «Бат Шева» под бессменным руководством Охада Нахарина. Куда более легкие, чем американские ветераны, танцоры «Бат Шевы», практически не знающие телесных ограничений, показали захватывающую дух премьерную программу «Поле 21». Эта постановка посвящена памяти хореографа Ноа Эшколь, в те же годы, что и Каннинггем, разрабатывавшей принципы движения, не связанного музыкой или какой-либо «идеей».

Νοῦτ' ἂ ἐς τὴν ἀεὶ ἀεὶ «Ἐπαῖται ἡ ἰατρία». Ὁ γὰρ ἀπὸ θεῶν Πάσῳ τῷ. Ὅμοιόν δ' αὖτ' ἄν, Ἀαίεϋ

Прямая противоположность такому подходу — спектакль датского Театра танца «Любовные песни» (хореография Тима Раштона), в котором все происходящее на сцене иллюстрирует лирико-драмо-трагикомическое развитие событий на танцплощадке, где расположившийся прямо на сцене живой джазовый ансамбль и певица задают тон представлению, вызывающему в памяти популярную в семидесятых годах «Скамейку» датского карикатуриста Херлуфа Бидструпа.

Так уж обычно получается, что рассказ о Фестивале Израиля, дойдя до джаза и этнической музыки, вынужден, в силу требований формата, закругляться. Места не остается даже на простое перечисление концертов и участников. А ведь были еще представления для детей, большой цикл музыкальных программ в центре «Тарг» в Эйн-Кереме, включавший выступления лауреатов конкурса пианистов имени Артура Рубинштейна, а также всевозможные «сопутствующие мероприятия» на улицах, площадях и в садах Иерусалима. Все же невозможно не упомянуть, по крайней мере, «Самурая» — представление пяти ведущих аккордеонистов из пяти европейских стран, преподнесших публике яркую смесь из стилей, эпох и темпераментов — обобщающий образ не только эклектичного фестиваля, но и всего нашего удивительного города.

ЛЕХАИМ АВГУСТ 2011 АВ 5771 – 8(232)

ГЕРОИ И МАССОВКА

Алексей Мокроусов

Достаточно ли правильно выбранной темы для появления произведения искусства? Программа Московского кинофестиваля, как никогда полная фильмов с еврейскими сюжетами, лишний раз доказала: нет.

Еврейская история в «Лехаим» — от «Эсфирь» до «Кедма». Диалог с Еврейской Ассамблеей 2011 года №1

В этом году в жюри 33-го Московского кинофестиваля работал известный режиссер Амос Гитай. Он автор нескольких кинотрилогий, в том числе об изгнании — «Эсфирь», «Берлин—Иерусалим», «Голем, дух изгнания» (1985–1991), о жизни в больших городах — «Дварим», «Йом-йом» и «Кадош» (1995–1999), о важнейших событиях израильской истории — «Кипур», «Эдем» и «Кедма» (2000–2002).

Приезд 61-летнего мэтра, живущего то в Израиле, то во Франции, совпал с на редкость богатой (из перспективы «Лехаима») программой. Документальное кино представляла лента «Уже не чужие» (см.: Майя Волчек. Чужие здесь не ходят. Лехаим. 2011. № 4). Получивший в том году «Оскара» фильм Карен Гудман и Керка Саймона рассказывает о знаменитой тель-авивской школе «Бялик-Рогозин», где учатся дети 48 национальностей. Если не знать контекста — а эта школа породила нешуточные дебаты в Израиле, ее учащиеся говорят на иврите, но они не иудеи, — можно не понять позитивный настрой авторов. Непосвященному зрителю покажется — как-то все у них подозрительно хорошо. Количество описываемых проблем сведено к минимуму, что порой выглядит чуть ли не рекламой. И лишь знание о попытках закрыть школу помогает понять значение картины.

Êããð èç óèèüü à «Î àðè Áíííêíé.

Ëíðíèüè è óó». Áéáèíáí àð Áððííêíí áíêêé. 2011 áã

Êããð èç óèèüü à «Î áéááá». Ðáæèííáð Ðíçèéí Áíç. 2009 áã. Õðáí èçý-Ááðí áí èý-Ááí áðèý

Επίσημο αφίσσα για «Ελλάδα». Διαθέσιμη Ομάδα Ομάδα. 2010 π.π. Γ. Γ. Γ.

Документальная программа в последние годы задает уровень всему ММКФ. Самое здесь интересное — судьбы. «Бобби Фишер против всего мира» Лиз Гарбус рассказывает, как постепенно ломалась психика великого шахматиста, ставшего к концу жизни отчаянным антисемитом (будучи евреем). А название фильма «Марк Донской. Король и шут» шире его содержания — ни королевского размаха, ни шутовской остроты в полной мере ощутить не удастся. Фильм о выдающемся режиссере советской поры дробится на фрагменты, некоторые сюжеты возникают из ниоткуда и исчезают в никуда — как, например, о «Непокоренных» (1945), считающихся первым фильмом о Холокосте (до него появлялся лишь сюжет в «Боевом киноальбоме»). Возможно, дело в телевизионном формате (52 мин), попытке объять необъятное. Но есть примеры удачной работы в этом хронометраже — например, шедшая вместе с «Донским» картина Виктора Тоньолы о Ремарке, Марлен Дитрих и Поллет Годар. Вот куда уместилось многое, и все так хорошо скроено, что смотрится на одном дыхании.

В программе художественного кино много ждали от «Облавы» Розлин Бош (программа «Вокруг света»). Надо обладать мастерством, чтобы уложить в 115 мин экранного времени историю парижских евреев, заточённых на зимнем велодроме после облавы 16 июля 1942 года. Жан Рено в роли врача-еврея и замечательная Мелани Лоран в роли медсестры не спасают фильм от дидактичности. Линейный рассказ о прошлом, ведущийся в апробированной драматургической и выразительной манере, не порождает кинособытия, внезапно просыпающийся антисемитизм множества французов выглядит как наваждение. Ряд сцен по-настоящему трогательны, но Бош вдруг показывает урывками и Гитлера, и Петена с помощниками. В итоге нет ни исторической эпопеи, ни полноценной психологической ленты. Последняя может ограничиться несколькими персонажами — как «Иоанна» поляка Феликса Фалька. Молодая Иоанна (Уршула Грабовская справедливо получила «Серебряного Георгия» за лучшую женскую роль) прячет у себя еврейскую девочку, чью мать арестовали во время облавы. Страх перед соседями оказывается не напрасным: кто-то предает, а после того, как героиня, спасая ребенка, вынуждена стать любовницей немецкого офицера, доносят и участникам Сопротивления. Те обривают ей голову. Не выдержав позора, она кончает жизнь самоубийством.

Фальк ставит редкую для кино проблему. Как бы ни различались благородством цели, участники войны редко думают о людях.

КОГДА СЛОВАКИ ВПЕРВЫЕ СТАЛА СТРАНОЙ

Èðèíà Ì àé

Ì ÁÁÀÇÈÍ ÍÀ Ì ÈÌ ÙÁÄÈ

Ðàæèííðú Bí Èáááð, Ýèì àð Èèíñ
× àñíñèí àèèèÿ, 1965

***Àéò àñíñèí èáð Èáú Èáì èí ùñèè è Èíííà Èðííàð à òèèíí à «Ì ááàçèí íà ì èí ùáäè»
áííèà àèèèí à ò àèèíí íé***

Снятый в 1965-м в Чехословакии «Магазин на площади» — яркая примета Пражской весны и неожиданное свидетельство против нацизма. Хотя мы давно знаем о Холокосте, нам только кажется, что мы знаем о нем все.

Наверное, это один из самых старых фильмов о Холокосте, и в силу своего возраста я не могу помнить подробностей его проката в СССР. Подозреваю, что проката и не было, даром что картина была сделана в дружественной Советскому Союзу ЧССР. И потому показ ее шесть лет назад на телеканале «Культура» фактически превратился в премьеру, каждое приличное издание поспешило об этом сообщить.

Это было в 2005 году. А в 1965-м тема Холокоста в нашей стране была под запретом, даже если ей был посвящен удостоенный «Оскара» фильм. Впрочем, и об «Оскаре» у нас тогда мало кто знал. И уж точно никто не думал делить чехословацкое государство на две страны, как это случилось позже. О том, что впервые подобный раздел осуществил Гитлер, словаки не любят вспоминать.

Нацисты поделили страну, едва успев на нее напасть. С Чехией обошлись как с прочими завоеванными странами, а словакам после Мюнхенского соглашения 1938 года позволили автономность под крылом Йосефа Тисо — бывшего священника, от которого впоследствии отрекся Ватикан.

Для не посвященных в кровавую историю в начале картины следуют титры: «После захвата бывшей Чехословакии и провозглашения так называемого Словацкого государства правительство Тисо добровольно приняло Нюрнбергские законы о расовой дискриминации». Добровольно — ключ к пониманию происходящего. Парламент Словакии не просто почти единогласно (против был только венгр Янош Эстерхази) проголосовал за депортацию евреев в лагеря смерти, но оказался единственным правительством, изъявившим готовность оплатить ее фашистской Германии. Тисо инициировал участие словаков в военных операциях против СССР и снарядил на Восточный фронт две дивизии. Он называл Гитлера отцом и призывал молиться за уничтожение коммунистов, евреев и цыган. И преуспел в своих агитках.

Именно поэтому за весь более чем двухчасовой фильм вы не увидите на экране ни одного немецкого нациста. Их успешно заменяют словаки в форме с двойным крестом — местным аналогом свастики. Люди в черной форме с упоением рассуждают о новом порядке, люто ненавидят иноверцев и

старательно вскидывают руку в нацистском приветствии. Все, кроме одного. «Руку при встрече вытянул бы, — советует герою сосед. — Что я, попугай?»

Тоно Бртко не герой. Он тихий столяр, незаметный на фоне сварливой жены. Дело происходит в местечке, где по выходным жители прогуливаются на главной площади, снимают шляпу, приветствуя друг друга, веселятся и млеют, глядя, как очередной аист вьет гнездо на печной трубе. Тоно — такой же, как они, комический персонаж, словно сошедший со страниц «Швейка». Но вдруг на маленького человека обрушилась удача: свояк, пошедший на службу к нацистам, назначил его ариезатором. И это сулит новую жизнь.

Ариезация еврейских предприятий — это была обычная практика словацкой жизни во время войны: еврейские фирмы передавались представителям высшей расы. Это началось в 1942-м, когда еще не был решен еврейский вопрос. В местечко уже пригнали состав с вагонами для скота, но не всем и не сразу об этом дано было узнать. Пока же евреи ходят по улицам с желтыми звездами на груди, а тихоне Тоно досталась галантерейная лавка пани Лаутманновой, матери двух погибших на прошлой войне сыновей. Старушка явно не в себе. Полуглухая и полуслепая пани Розалия живет прошлым, не видя, что творится вокруг. Не ведает, что идет война, не слышит о законах, приравнявших евреев к скоту, и вместо шестиконечной звезды прикалывает к платью кружевное жабо. Когда на пороге ее лавки появляется Тоно, вдова решает, что тот бедный дальний родственник, обзывает его шлимазлом и ведет себя с ним как с новым приказчиком, которого еще учить и учить. В действительности дар свояка обернулся для Тоно проблемой: лавка не приносит дохода, пани Розалию содержит еврейская община и «белые жиды», как называют коллаборационисты словаков, помогающих евреям. Только ей о том узнать не дано. Понимая, что за клад они нашли в лице добропорядочного Тоно, члены общины договариваются с ним: они будут платить ариезатору, а тот не тронет вдову. Так они и сосуществуют до поры до времени — он чинит старухину мебель, она жарит ему гуся. А посреди площади тем временем строят гигантскую башню. Ее венчают свастикой словацких фашистов как рождественскую елку — звездой. В 1960-х эта вавилонская нелепица наверняка воспринималась как символ тоталитарной системы, но главный фокус картины — не в политических аллюзиях, а в актерах, в блистательном дуэте Тоно и пани Лаутманновой: посвященные могут считать с лиц главных героев тайный смысл. В основном речь идет о героине, ибо слава Йосефа Кронера, известного в Словакии театрального и киноактера, сыгравшего Тоно, не вышла за границы его родины. И специальное упоминание на Каннском фестивале 1966 года их с Идой Каминьской дуэта в «Магазине на площади» осталось наивысшим признанием его заслуг. Тогда как пани Каминьская была настоящей звездой, известной за пределами еврейского театра и своей страны.

Родиной Ида Каминьская считала Польшу, хотя родилась не в ней. Дочь известной не только в Одессе актрисы Эстер-Рохл Каминьской — еврейской Элеоноры Дузе, как ее называли, — и режиссера Авроома-Ицхака Каше, в четыре года Ида впервые вышла на сцену — в роли Сережи, сына Анны Карениной. В 16 она пела в еврейской оперетте, в 1933-м основала театр, который гастролировал в Париже и Брюсселе... Спасаясь от нацистов, вместе с дочерью перешла границу СССР и оказалась во Львове, где возглавила местный еврейский театр, впоследствии эвакуированный во Фрунзе и прокатившийся с гастролями по всем среднеазиатским республикам. Как и ее мать, гастролировавшая в 1907 году в Петербурге, — об этом даже писал Жаботинский, живший в то время в городе на Неве, — Ида играла на нескольких языках — идише, польском, русском... Позже к ним прибавился английский. Каминьской везло: она успела сбежать из Польши, когда туда пришли немцы, и вернуться туда, прежде чем началась борьба с космополитами в СССР. Если дочь Иды Рут, вышедшая замуж за Эдди Рознера и певшая в его оркестре, отправилась в ссылку в Казахстан, когда того посадили, то пани Ида избежала репрессий. Но всю жизнь скиталась. Она успела после войны восстановить в Варшаве театр — возила свою «Мамашу Кураж» в Штаты и «Миреле Эфрос» в Израиль, где на спектакль пришла Голда Меир. А в 1968-м, из-за развернутой в Польше антисемитской кампании, перебралась за океан.

Но прежде чем покинуть Европу, Ида Каминьская снялась в своем главном фильме. В 1965 году до разгрома Пражской весны было еще далеко, а чувство никем не сдерживаемой свободы, свойственное чехословацкому кино той поры, выгодно отличало его от работ кинематографистов других социалистических стран. Кажется, цензура там и не ночевала — достаточно вспомнить первые, снятые еще в Праге картины Милоша Формана. Однако даже на их фоне «Магазин на площади» занимает особое место. То, о чем коллеги Кадара и Клоса говорили полунамеками, эти двое сказали врагам в лицо. Они и еще Ладислав Гросман, сценарист и автор одноименной повести, по которой был снят фильм. И никто не посмел упрекнуть их в том, что они преувеличили вину соотечественников: Кадар сам прошел через концлагерь и точно знал, о чем снимал кино. После «Оскара» за лучший фильм на иностранном языке за 1966 год и государственной премии, врученной создателям картины президентом Чехословакии, Кадар пытался сделать с Каминьской новую картину. А закончил он ее в 1969 году уже в Америке, куда сбежал после вторжения в Прагу советских войск. Тогда же репатриировался в Израиль Гросман. Но Каминьская с семьей

тоже выбрала США: в Израиле, где с 1937 года жил ее брат Йосеф Каминьский, концертмейстер первых скрипок Израильского филармонического оркестра, театр на идише никого не интересовал.

Заметим, что в том же 1968 году вышел на свободу Александр Мах, правая рука Йосефа Тисо, причастный к массовым расстрелам евреев и непосредственно осуществлявший вывоз их в концлагерь. Приговоренный к 30 годам тюрьмы, Мах был амнистирован президентом Чехословакии по состоянию здоровья: беглецам нашли достойную замену.

Иде Каминьской в 1968-м было уже 70, и в Штатах она была востребована и как актриса, и как режиссер. А в «Магазине на площади», где она играет совсем старуху, актрисе всего 66. И только когда в видениях Тоно появляется преображенная пани Розалия, в ее истинный возраст веришь легко.

Это страшный финал, и другим он быть не мог. Евреев собрали на площади — всех, кроме старухи, о которой и здесь умудрились забыть. Но трагедии избежать не удастся ни тем, кого убивают, ни тем, кто пришел убивать. «Там, где по закону наказывают невинных, всему конец, — говорит парикмахер Кац. — Даже тем, кто пишет эти законы». В 1965 году эти слова звучали как пророчество. Сказанные с экрана, они превратили фильм в приговор.

ГАННОВЕР СПРАВА НАЛЕВО

Ἐδὲ ἰὰ Αἰετῆεῖνεαῦ

*Ναὶ εἰσελάγῃ ἐπόιδεῦ ἀδύνα Ἀαίττῆαδὰ καὶ ἰ:εἰαῦνι ἀ ἐρῆα 1942 πᾶα, εἰαῖα ὁσαὶ ἰτῆαῖνι ἐε
υῶαῖνι ἀ Ὀαδαῖνι. Γαῖροῖοῖνι ἐπόιδεῖαὶ εἰαεῖοῖνι, ὃῖ αἰετῆεῖ ἰτῆα ἰτῆαῖ ὁεῖ ἀ ἀτῆ ἰαῖα ἀ ἰ
ἰεῖτοῶ εἰ εἰεῖα:αῖνι δατῆῖαδαῖε, ὃῖ ἀποῦ ἰαῖαεῖα ἰα ἀτῆαῖαῖεα ἀαδῆεῖτε ἐπόιδεε ἀ
Ἀαῖτῆα Ἰοῖ ἰαῖαεῖοῖνι ἰε πᾶρῆατῆρὸ πῆ εἰαῖοῶνι ἐ εῖ αῖαεῖαῖ ΝῆΝῆ.*

*Ἀαίττῆαδ ἐαεῖο ἀ πῶῖοῖα ἰὸ ὀαδῆοῖεῖο ὀδῆνι, ὀαῖα ἀγῆο ἐεῖ ἰτῆ αῖαῖ, ἐεῖ ἀ πῆοε.
Ἀδῆα αῖεῖ, ὃῖ, ἰεαῖαεῖνι ὀαῖ, ἀῖοδὲ ἰοῖε ὁεῖοῖεῖ ἢ πᾶεῖοῖνι, ἰαῖαῖνι, ἰτῆ ἀαῖ
ἰδῆεῖαεῖοῖνι ἰαῖτῆαῖ ἰαδῆεῖτε ἢ αῖαεῖοῖεῖοῖ ἰεαῖε Ναεῖνιεε.*

Старое еврейское кладбище в центре Ганновера

Весной любой город предстает сказочным и волшебным. Вот и Ганновер, когда-то оставшийся в памяти скучным комфортным местом для проживания скучных добропорядочных граждан, этой весной показался сплошным цветущим садом, там и сям уставленным пряничными домиками. Современные многоэтажки, как и безнадежно уродливый центр, чья торопливая послевоенная застройка вопиет о ковровых бомбардировках и ужасах войны, глаз замечать решительно отказывался, посылая их на задворки сознания, в зиму.

Сравнение Ганновера со шкатулкой с секретом не случайное. Идешь, к примеру, по одной из центральных улиц — и вдруг незаметно попадаешь в парк, который через пару шагов становится лесом (потом смотришь по карте и изумляешься: город обтекает этот лесопарк со всех сторон). А в сердцевине этого леса — тайные знаки, оставленные, быть может, друидами. А может, инопланетянами: лабиринт, выстриженные в траве круги и спирали.

Говорят, этот лабиринт очень старый, старше города, чья история задокументирована начиная с XII века. Люди, отвоевавшие жизненное пространство у лесов и болот, наверное, таким образом демонстрировали болотному царю свое превосходство.

Или же совершенно неожиданный среди прозаических университетских корпусов таинственный холм: старинное еврейское кладбище, сохранившееся в своем первозданном виде чуть не с XVIII века! Памятники с древними письменами торчат среди травы как указующие в небо персты или как

грозные щиты. Ни последняя разрушительная война, ни Холокост, ни городские власти почему-то это дело как бы не заметили (городские власти здесь не такие алчные, как родные московские, но все же).

Как и любой другой немецкий город, Ганновер устроен на зависть разумно в смысле единения человека с природой — буквально в каждом квартале есть сквер, парк или просто лужайка. Главная же, на мой взгляд, достопримечательность, известная с XVII века, — вечнозеленый Парк барокко, к которому примыкает Ботанический сад, в центре которого расположен Парадиз (непрерывно цветущие розовым пышные магнолии). Дворец, летняя резиденция герцогов Ганноверских, разрушен во время войны, но атмосферу прежних лет парк сохраняет. Летом здесь проходят концерты классической музыки, устраиваются фейерверки, а некоторые горожанки, чувствительные к прекрасному, просто прогуливаются по парку в самолично сшитых костюмах ушедшей эпохи. Выгуливают красивые пышные платья, чепцы и ленточки, ну и себя заодно, ничего не имея в виду, бесцельно — с корзинками в руках, веселые, раскованные, абсолютно естественные среди этих геометрически правильных дорожек, фигурно выстриженных кустов и старых скульптур.

Самые прелестные и талантливые декорации так и останутся декорациями, то есть кусками раскрашенного картона, если в них не происходит жизнь и нет людей, совершающих ту самую «движуху», ради которой, собственно, мы все здесь собрались.

Всенародно признанный путешественник и блогер Сергей Доля Ганноверу был не рад и не заметил в городе ничего особенного, интересного или хотя бы примечательного.

В Ганновере профессиональному туристу вообще-то делать нечего — осмотр так называемых достопримечательностей занимает полдня, а копать глубже, разматывая спирали лабиринта, туристу незачем.

Тем временем именно в глубине лабиринта, то есть в истории и людях, делающих эту историю здесь и сейчас, можно найти секреты и сокровища, побуждающие к вере во все хорошее и даже к социально-историческому оптимизму.

Верену Дорн писатель Леонид Гиршович, тоже житель Ганновера, называет не иначе как «совесть немецкой нации».

В течение последних лет тридцати тема ее научных интересов — история еврейства Восточной Европы, быт и культура местечек Украины, Галиции, стран Балтии.

Как историку ей, конечно, повезло: местечек уже нет, но еще есть живые свидетели того, как оно все было на самом деле.

Неіаїаїа а Ааїїааа аїеа іїїііаїа іа Аааааааа а 1870 ааа, даааааа а 1938-і. Іааааї і аа аеаааае іаааа аї аїаа і іааааї е ааааа 14 даааааї і іаа аїеаааа іеїааа Аааї аїеа аїе аїіііааї іааааї ааї е Аааї аааааааа аааї іеїаа-аїеїа аїеаааааа

Почему именно ей, дочери пастора, участника войны с сомнительным в идеологическом отношении прошлым, так важно описывать и документировать исчезающую (и уже исчезнувшую) форму жизни?

Отвечая на вопрос, «почему евреи», Верена всегда волнуется (вопрос этот в той или иной форме за двадцать лет знакомства я ей задавала не раз), всегда отвечает по-разному и после долгих раздумий. То говорит про пресловутое немецкое чувство вины, а то про раввинов, поэтов, отказников и диссидентов, встреченных ею в Праге, Москве и Будапеште и повлиявших на ее мировоззрение. Говорит, что к занятию историей она пришла через личные истории людей, переживших катаклизмы XX века. Иногда и вообще ничего не отвечает.

Может быть, решение еврейского вопроса было также и мучительной семейной темой. Может быть, в силу обостренного чувства справедливости ей важно проследить извилистый путь во времени и пространстве того или иного еврейского семейства, чтобы понять, каково это — быть гонимым.

Чтобы общаться на равных со своими коллегами из Израиля, она выучила иврит и некоторое время пожила в Иерусалиме.

Еврейская тема в Германии в моде, но уж кто-кто, а Верена к моде совершенно равнодушна.

Раньше она часто приезжала в Москву, сидела в архивах, в библиотеках и честно пыталась понять нашу странную жизнь.

Во времена перестройки она перестала менять свои солидные дойчмарки у уличных фарцовщиков — только в государственном банке, чтобы поддержать зарождающуюся демократию и Горби.

Свой небольшой загородный домик она устроила на манер русской дачи (единственной уступкой европейской традиции явилась канализация с душем). Как-то, празднуя на даче жарким июлем свой день рождения, она поставила под яблонькой обувную коробку, предлагая многочисленным гостям жертвовать в пользу евреев города Вильнюса. Друзья не удивились, спросили только — почему Вильнюс. Я только что оттуда, отвечала она, там люди живут очень бедно, и мне было стыдно, что я могу покупать фрукты, а они нет.

Αὐτὸς ἀδικεῖ ἅ ἀδικεῖ-ἴτι ἰαδὲα Αἰἰ ἴααδὰ ἰαἰἰ ἑἰ ἰαβὸ ἰ αἰ ἴδὸ

От ее «детской болезни левизны» остался лишь интерес к левому искусству, а яростная антибуржуазность, в рамках которой в девятнадцать лет она отказалась от занятий музыкой (хорошая была виолончелистка), почти сошла на нет. Левые идеи ее больше не привлекают — сказались частые поездки в советскую Москву, Ригу, Киев.

В пик еврейской эмиграции Верена естественным образом стала центром русской колонии Ганновера, каждый вновь прибывший из СССР мог рассчитывать на стол и кров у нее в доме, на любую помощь — от денежной до совместного хождения по чиновничьим кабинетам.

Верена, конечно, в курсе всех дел еврейских общин Ганновера (их четыре: ортодоксальная, хасидская, реформистская и недавно возникшая община бухарских евреев) и регулярно, не пропуская праздников, ходит в реформистскую. Нарядная, с сияющими глазами, вместе с мужем, который по такому случаю весело прикалывает к редущей шевелюре кипу.

Именно в реформистскую общину «Эц Хаим» она меня и повела на шабат.

Меня не сильно потрясли собравшиеся помолиться вместе, наперекор традиции, мужчины и женщины, на то она и либеральность (в ортодоксальной ганноверской синагоге, кстати, мужчины тоже очень плохо отделены от женщин, потому что перегородка коротенькая). Потрясла девушка-кантор, которая вела службу.

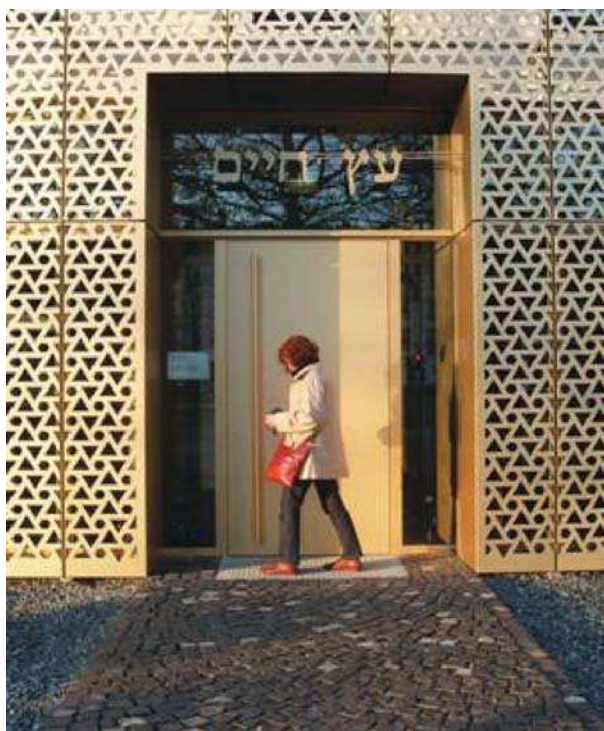
Впрочем, рассказать про это простыми человеческими словами невозможно, как невозможно передать словами, например, ангельское пение.

Канторша, кстати, оказалась совсем юной и застенчивой, во время неформального общения после службы краснела от комплиментов, конфузилась и, кажется, не очень-то ценила свой дар — божественной красоты голос.

(Первый парадокс, которым меня встретил Ганновер, — это именно она, студентка-израильтянка, приехавшая поучиться в немецкой канторской школе.)

Словами можно передать лишь изумление от вида белокурой крупной немецкой женщины, типичной Брунгильды с маленькой белой кипой на светло-русых волосах, которая, как мне сказали, вот сейчас, в данный момент, комментирует главу из Торы. На чистом немецком языке.

Как потом пояснил здешний раввин Габор Ленгель, бежавший в 1956 году из Будапешта через Австрию в Израиль (его долгая жизнь — как роман), он часто просит членов общины — немцев, принявших иудаизм, — подготовить собственную трактовку главы. С целью объединения членов общины, так как у «русских» к ним бывает недоверие.

Áááá à Áíóí ó áááá á çááí èá ááóí óí èíòíéíé íáúéí ú «Ýó Óàèí »

Собственно, практически все еврейское население Ганновера это и есть «русские» — евреи, приехавшие из России, Украины, Молдавии. Как известно, наши сограждане любой национальности категорически не способны к самоорганизации, к коллективной добровольной работе на благо общества.

Реформистской общине в этом смысле повезло — ее совет возглавляют Ингрид, Катарина и Алиса, три немецкие еврейки, железные тетки, бескорыстные энтузиастки, сделавшие невозможное: они пробили разрешение на перестройку и переоборудование в общинный дом здания заброшенной кирпичи, уныло ветшавшей в отсутствие прихожан. Собрали деньги (каждый член общины мог купить камень в кладке стены или плитку на полу, на стене висит план с поименным указанием, кто что купил), сделали ремонт, перестроили старое здание, в котором теперь есть кабинеты для социальных работников, комнаты для детского творчества, просторный зал и уютная столовая — в общем, показали пример ударного труда во имя светлого будущего, идеалов и еврейского ренессанса.

Надо сказать, в Ганновере эта идея — еврейский ренессанс — просто витает в воздухе. О возрождении еврейской жизни говорил и историк Петер Шульце, который регулярно водит экскурсии на старое еврейское кладбище. Среди экскурсантов люди из Израиля, Латинской Америки, Штатов — всем интересно, говорит он. Он бывает рад, когда к нему на экскурсию записываются местные евреи, бывшие наши сограждане, это, правда, бывает редко. Их, к сожалению, гораздо меньше, сдержанно замечает он. И после небольшой паузы (в которую я успеваю вставить нечто неодобрительное о состоянии умов и нравов «наших») доктор Шульце произносит небольшую взволнованную речь. Он говорит, что, если остались материальные свидетельства еврейского присутствия на немецкой земле — памятники, кладбища, книги, — значит, не все пропало. Он уверен: раз есть люди, то есть и надежда на возобновление еврейской истории в Германии. Пусть не сейчас, а через поколение.

...В Кракове есть популярный среди туристов район Казимеж, когда-то населенный евреями, а теперь ставший симулякром: отреставрированы дома, принадлежавшие когда-то еврейским семьям, вывески нарядных ресторанчиков все сплошь с еврейскими именами — только вот евреев никаких там давно уже нет. Это приятное местечко с чистенькими улочками, уютными площадями и милыми домиками вызывает горловые спазмы, как будто на дне котлована с человеческими костями устроили дискотеку.

יְדָאָרְיָ לְאִי עַל יְדֵוֹעֵי אֵל אֲדֹאֵר דִּי עֲבֹדְתֵי עַל יְדֵוֹעֵי אֵל «Yō Daei»

Может быть, рассуждения доктора Шульце наивны, но нельзя не согласиться с тем, что возрождение возможно только там, где есть жизнь и, стало быть, способность к развитию.

Молодой энергичный раввин хасидской общины Биньямин Вольф и не сомневается в возрождении еврейства на вверенном ему участке. Слов «миссионер» и «миссия» он категорически не любит. Просто он, по его словам, как Робинзон, высадившийся на необитаемом острове, налаживает еврейскую жизнь с нуля.

«Еврейство — это больше чем просто служба, молитва, это гораздо шире, это способ жизни», — вторит ему Габор Ленгель, бывший инженер, тридцать лет проработавший на немецких машиностроительных заводах и получивший раввинский диплом уже после выхода на пенсию. У него доброе лицо и пронизательные темные глаза. Он говорит, что хочет передать своим подопечным то, что сам понимает о еврействе «не только умом, но и сердцем», он трактует свое раввинство не как профессию, а

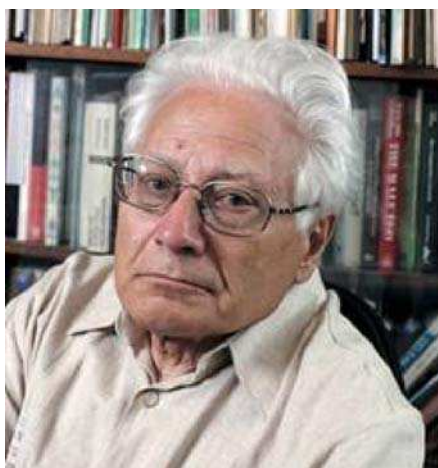
скорее как моральное обязательство — перед матерью, погибшей в концлагере, перед близкими, лелеявшими еврейскую жизнь вопреки временам и нравам.

«Что вы делаете со своим еврейством, Ирина»? — озадачил он меня на прощанье вопросом.

НЕКРОЛОГИ

ÈĀĪĎŮÈĪĪ: ĀĪÑÒĪÈĪÑÒĀĪ ĪĎĪÒÈĀ ĪĀĪĀĀÈÑÒÈ

27 ài ðæÿ ĩ à 83-ì ãäó áĪ ĩñëää ñëĪĪ ÷ æÿÿ ÈĀĪĎŮÈĪĪ.

Простое перечисление тех областей науки, в которых работал Кон, производит впечатление вполне ренессансное: история философии и социологии, социальная психология, антропология, этнография, сексология, этика, педагогика. Однако сам ученый в конце жизни констатировал: «Разбросанность моей тематики не так велика, как кажется со стороны. Если это и безумие, то в нем есть своя логика».

Он всегда был жаден до знаний. В 15 лет, экстерном окончив школу, стал студентом истфака. С интервалом в три месяца защитил две кандидатские — по истории и философии — и собирался защищать третью, по юриспруденции, но ученый совет счел такое рвение чрезмерным. В 32 года он становится доктором, в 35 — получает профессора.

Дальше — типичная карьера интеллектуала-шестидесятника: преподавание в Ленинградском университете, переезд в Москву и работа в Институте конкретных социальных исследований, разгром ИКСИ и переход в Институт общественных наук, возвращение в Ленинград и десять лет в Институте этнографии, еще один переезд в Москву... Но уже тогда возникли две «фирменные» коновские темы: возраст и пол, социопсихология детства и юношества и гендерно-сексологические исследования. В советской науке ни этих тем, ни даже базовых понятий, необходимых для их разработки, не было и быть не могло. Официоз отрицал наличие в СССР как проблемы поколений, так и половой проблемы. Можно представить, чего стоило Кону идти по этой целине и выпускать одну за другой статьи и монографии в годы, когда введение любого элементарного, казалось бы, термина, вроде «молодежной субкультуры», вызывало нешуточный скандал. Ситуацию изменила перестройка.

Последние десятилетия Кон занимался преимущественно пропагандой сексуального просвещения школьников и студентов, исследованием маскулинности и гомосексуальности, защитой прав сексуальных меньшинств. Именно в постсоветские годы он стал едва ли не самым обсуждаемым публичным интеллектуалом страны. Его боготворили и ненавидели, ставили в один ряд с самыми выдающимися современниками и оспаривали его состоятельность как ученого.

Он оказался идеальным кандидатом на вечно вакантную должность еврея, совращающего русский народ. Его выступления прерывали мяуканьем и свистом, ему угрожали по телефону, под дверь его квартиры подбросили муляж взрывного устройства, а на самой двери намалевали магендовид рядом с тремя шестерками. «Антисемитизм сделал мою этническую принадлежность проблематичной, — писал Кон. — Я понял, что есть люди, которые ни при каких обстоятельствах не станут считать меня русским, и почувствовал себя евреем, хотя к еврейской культуре так и не приобщился. Зато у меня появилась

ÈÁÎÍÈÀ Ì ÈËÛÄÄÀÌ : ÑÌ ÐÀÁÁÄËËÈÁÛË È ÑÌ Ð Ç È Í ÓÒÀ È Ì ÐÐÍ ÈÈÁ

17 èpíý á Ì ñéáá á áíçðáíðá 90 éáò ñéíí-æéíý ãèðéòíð ì ñéíáíééé óéíéú ¹ 45, íáðíáí úé ó-éòáéú ÑÑÑÐ, ìí-áòí úé áðæááíéí áðíáá Ì ñéáá, -éáí Ðííéééíá ñááòá íééí í'èáá óéíéú ééíá Èáí í'èá Èíéáíðíáè- Ì ééúááí.

Человек легендарной биографии, сын старого большевика, одного из первых разведчиков СССР, Леонид Мильграм родился в Москве 25 февраля 1921 года. В 1937-м его отец, польский еврей Исидор Мильграм, был арестован и через год расстрелян. Вслед за ним была арестована мачеха Леонида. В 1939 году Леонид сумел попасть в Красную Армию, несмотря на статус сына «врага народа». Пройдя всю Великую Отечественную войну, он вернулся в Москву и женился на итальянке Мирелле Пасторе, дочери коммуниста Оттавио Пасторе. После войны Мильграм окончил исторический факультет МГУ, а в 1959-м стал директором английской спецшколы № 45.

С юных лет Леонид проявлял организаторские способности: из числа тех своих одноклассников, кто остался без родителей, он создал бригаду из 13 человек, занимавшуюся разгрузкой вагонов. Великую Отечественную Мильграм прошел артиллерийским разведчиком. Окончив истфак в 1951 году, как сын врага народа и безродный космополит, он был направлен учителем истории в Архангельск.

Среди учеников Леонида Исидоровича Мильграма много известных людей, и все они свидетельствуют об уникальной обстановке, которую он создал в своей школе. Любовь и уважение к ученикам он ставил во главу всей педагогической практики: по утрам стоял перед школьными дверями и за руку здоровался с каждым входящим. Мильграм собрал в своей школе уникальный педагогический коллектив, а заложенные им традиции соблюдаются по сей день. Обладая неформальным авторитетом среди учеников, Мильграм воспитывал методом пробуждения сознательности. Провинившегося ученика он мог вызвать к себе в кабинет и потребовать написать сочинение о том, как тот «дошел до жизни такой». Даже в простом общении Мильграм преподавал урок, который в будущем непременно оказывался полезным. Двери его кабинета и его квартиры никогда не были закрыты. «Каждый день полно народу, — говорил Леонид Исидорович. — Причем есть ребята, которым 70 лет. И они все-таки помнят, приходят. Для меня это наслаждение».

Московская интеллигенция мечтала о том, чтобы дети учились в школе Мильграма, для этого использовались все знакомства и возможности. Но Мильграм неизменно демонстрировал независимость своих решений. Однажды, несмотря на просьбу министра образования, он не принял в школу внучку Сталина.

Леонид Мильграм так формулировал основы руководства школой: «Прежде всего это подбор учителей. Каждый учитель должен быть личностью, у каждого должно быть увлечение, чтобы наполнить школьную жизнь, сделать ее яркой, незабываемой. Моих учителей дети боготворили, и, случалось, я брал на

работу талантливых педагогов, которых по идеологическим причинам выгоняли из других школ. Я не боялся брать людей, которые ярче, талантливее меня. Главное — служить делу, нести миссию учителя».

Народный учитель СССР не был необычайным новатором в педагогике и считал кнут и пряник главными рычагами воздействия на учеников. Объявляя строгий выговор нескольким ученикам за драку, но зная, что зачинщики защищали честь девочки, он велел носить этот приказ с собой как орден.

Александр Александрович

ÀĚĀĪÀ ĀĪĪĪŸĐ:

ĒĐÀÑĒĀĀB ĪĀ ĒĐÀÑĪŌĪP ĀĚĀĪ ŌĐĪ ŪŌ ĄŌĐĪĀĚĪĀ

17 ep1y ā ĀĪĪŌĪĪā (ÑŌĀ) ā āĪĉđāĪŌā 88 ēāŌ ĪĚĪĪ-āĚĀĪĪ āĪĪā āĚāāāĪ ēēā ĀĪ āđāŸ ĪāŌāđĪāā, ĪđāāĪĉāĪēŌĪēē ē ĪāĪāĪŌāĪĪĪŪē āāŸŌāĚŪĀĚĀĪ ā ĀĪĪĪŸĐ

Существует поверье, будто всякий человек с момента рождения ищет свою пару. И только редкие счастливицы находят. Одним из таких счастливцев был Андрей Дмитриевич Сахаров — с тех пор, как он встретил Люсю (Елену) Боннэр. Даже первая встреча их произошла при необычных обстоятельствах — они познакомились, стоя по колено в снегу перед зданием Верховного суда, где шел пересмотр смертного приговора А. Дымщицу и Э. Кузнецову по так называемому «самолетному делу». Я знаю это по показаниям очевидца, моего мужа Александра Воронеля, который тоже стоял там по колено в снегу — а снег был мокрый и много часов валил с неба без передышки.

Люся и Андрей Дмитриевич были идеальной парой — они ни в чем не были похожи, они дополняли друг друга. В то время как никакие действия Сахарова не сопровождалось ни громкими заявлениями, ни демонстративными жестами, Люся подкупала своей энергией, открытостью, быстрым умом, точным, лишенным сентиментальности суждением об окружающих.

Сахаров поражал удивительным, беспрецедентным отказом от себя во всех своих поступках: что бы он ни делал, за что бы ни боролся, он никогда не преследовал никаких личных интересов. За свою долгую жизнь мне ни разу не привелось встретить человека, больше, чем он, подходящего под почти запретное сегодня определение «святой».

Люся же на святость не претендовала. Она была красивой женщиной — не красотой гламурных журналов времен фотошопа, а редкой духовной красотой значительного человека — и знала себе цену. Ее влияние на Сахарова было несомненным, но не на его взгляды и решения, а на его активность, на наступательный характер его поступков.

Помню, как-то Александр Галич пригласил нас участвовать во встрече семейства Сахаровых с группой заграничных борцов за мир. Борцов оказалось двое — типично англосаксонская общественно полезная дама и худой рыжий еврей в сиреновой сутане с огромным католическим крестом на тощей груди. Он объяснил нам, что во время второй мировой его спасли католические монахи и он навеки остался им верен. Нашими еврейскими делами борцы за мир интересовались мало. Они сосредоточили все свое внимание на Сахарове: назначив мне должность переводчика, они засыпали его градом вопросов типа «что академик Сахаров думает о том-то?..». Сахаров никогда не отвечал сразу — внимательно выслушав вопрос, он глубоко задумывался, автоматически макая в стакан чая кусочки сыра: он ел сыр только подогретым.

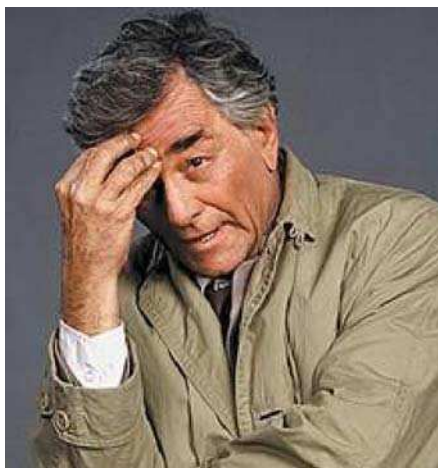
Пока он думал, над столом повисала почтительная тишина, которую прерывала Люся: «Академик Сахаров думает об этом так-то и так-то», — говорила она, и Сахаров согласно кивал. Нам было ясно, что Люся не навязывала собеседникам свое мнение, а просто точно знала, что думает ее муж.

Я не сомневаюсь, что и на съезде «Форума свободы» в Осло она высказала мнение Сахарова о современном статусе когда-то престижной Нобелевской премии мира: «Когда-то она была высшей нравственной наградой нашей цивилизации. Но после декабря 1994 года, когда одним из трех ее новых лауреатов стал Ясир Арафат, ее этическая ценность сильно поколебалась. Я до сих пор не могу понять и принять то, что Андрей Сахаров и Ясир Арафат, теперь оба посмертно, являются членами одного клуба нобелевских лауреатов».

Í eí à Áîõí àëü

Ἰ Εὐὰδ Ὀὰεῦε: Ἰ δι ὕαέ, εἶεἶ ἰ αἱ!

*23 ἐπίῤ ὁαῖ ἐς αἰεῖε Ἰεὸαδ ἰ αἰεῖ Ὀὰεῦε Ἰ ἰ αἰ εἰεὸαἱ ὀ Ἐἶεἶ αἱ, ἢ ἰα-ἰἶε
ςαε-ἰἰἶε ἰε-ἰἰἶε ἰ αἰεὸ ὀα, ἰ ἰἰἶἰ, ἰἰἰἰἰἰ ἐς ἰ ἰἰἰ ἰε-ἰἰἰ, ἰαἶἰἰἰἰ ἰἰἰ εἰἰἰἰἰἰ αἰἰ ὀ ἰ
ἰἰἰἰἰ*

Этот помятый человек с хитро прищуренным глазом, постоянно въезжающий в ворота роскошных особняков на своем допотопном «Пежо» и всегда успевающий вставить в финале «Just one more thing...» («Еще только одна вещь, сэр...»), прежде чем объявить убийцу, — самая известная роль Питера Фалька. Если у нас телеканал ОРТ, еще не переименованный в Первый, начал показ «Коломбо» в начале 1990-х годов, то в Штатах сериал-рекордсмен снимался, правда с перерывами, больше 30 лет, с 1968-го по 2003-й. Шестьдесят девять эпизодов — и всего один персонаж, по которому все и знали актера.

Это обычная история с детективным сериалом: британская актриса Хелен Миррен, впервые посетив Москву еще до выхода «Королевы», жаловалась тогда, что в мире ее знают по роли комиссара в сериале «Главный подозреваемый», и никто не помнит Миррен в фильме Гринуэя.

В начале 1990-х тоже никто не вспомнил, что видел Фалька в знаменитых американских комедиях — «Больших гонках» Блейка Эдвардса, 1963 года, жестоко порезанных в советском прокате, и в популярнейшей картине Стенли Крамера «Этот безумный, безумный, безумный мир», снятой в 1965-м. Из Фалька получился успешный комедийный киноактер, дважды номинированный за роли второго плана на премию «Оскар», получивший «Золотой глобус» (все это еще до «Коломбо») и три «Эмми». Хотя в начале карьеры Фальк полагал, что кино ему не видать как своих ушей. Или, точнее, своего глаза. Правый глаз Питер Фальк потерял в трехлетнем возрасте из-за злокачественной опухоли сетчатки и потом ходил со стеклянным глазом — отсюда его знаменитый прищур. Прочие черты итальянца Коломбо — от еврейских родителей. Мама Мэделин, в девичестве Хокхауз, была родом из еврейской семьи, имевшей польско-чешско-венгерские корни. Отец, Майкл Питер Фальк, был сыном евреев, эмигрировавших из России в 1890-х годах. Родители Питера держали галантерейный магазин в Нью-Йорке. Их сын, несмотря на недуг, играл в баскетбол и бейсбол, окончил школу президентом класса и даже умудрился попасть в армию — служил поваром на военном корабле. Фальк искушал себя многими профессиями — изучал в университете литературу и политические науки, потом экономику, работал на железной дороге и в банке, чтобы в итоге оказаться на актерских курсах и только в 29 лет, невероятно поздно для актера, дебютировать на сцене, в роли Станареля в мольеровском «Дон Жуане». А в 33 Фальк уже сыграл в «Корпорации “Убийство”», принесшей ему первую номинацию на «Оскар». И впоследствии он не знал ни одного провала. Питер Фальк был не просто популярен в Америке — он был воплощением всего лучшего, что думают о себе американцы, и потому съемки «Коломбо» возобновлялись снова и снова. И Вим Вендерс, собравшись в 1986 году снимать «Небо над Берлином», пригласил Питера Фалька на одну из главных ролей — человека, способного распознавать ангелов среди людей. В одной из сцен его герой говорит: «Существует так много прекрасных вещей». В другой: «Желтая звезда означает смерть. Почему они выбирают желтый? Подсолнухи. Ван Гог убил себя...» В фильме фраза о желтой звезде едва ли отсылает к корням актера, но у Вендерса ведь ничего не бывает просто так.

В «Американском первоцвете» Питер Фальк снялся в 2009 году. Он умер, не дожив трех месяцев до 84-го дня рождения и оставив свою главную роль дочери Кэтрин, которая стала частным детективом.

Èðéíà Ì àé

ЛЕХАИМ АВГУСТ 2011 АВ 5771 – 8(232)

РОМАН АРБИТМАН (р. 1962)

литературный критик. Автор «Истории советской фантастики» (под именем доктора филологии Р. С. Каца) и детективных романов (под маской Льва Гурского).

НИНА ВОРОНЕЛЬ

диссидент, прозаик, драматург, переводчик и эссеист. Автор книг «Трепет забот иудейских», «В плену свободы», «Ведьма и парашютист» и др.

ИРИНА ГОЛОВИНСКАЯ

журналист, автор статей и эссе. Публиковалась в изданиях «Частный корреспондент», «Стенгазета», «Еженедельный журнал» и др.

МИХАИЛ ГОРЕЛИК (р. 1946)

эссеист, публицист, литературный критик. Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

ДАНИЛА ДАВЫДОВ (р. 1977)

филолог, поэт, прозаик и литературный критик. Лауреат премии «Дебют» (2000). Публиковался в журналах «Октябрь», «Новый мир» и др.

ЛЮДМИЛА ЖУКОВА

религиовед, культуролог, доцент Центра изучения религий РГГУ.

ГАЛИ-ДАНА ЗИНГЕР

поэт, переводчик, редактор журнала «Двоеочие». Автор поэтических книг на русском и иврите, лауреат израильских премий.

НЕКОД ЗИНГЕР (р. 1960)

писатель, переводчик, критик, редактор двуязычного литературного журнала «Двоеочие». Автор романа «Билеты в кассе».

АЛЕКСАНДР ИЛИЧЕВСКИЙ (р. 1970)

прозаик, поэт; лауреат премий им. Ю. Казакова (2006), «Русский Букер» (2007), «Большая книга» (2010).

ЕЛЕНА КАЛАШНИКОВА

журналист, филолог, автор книги «По-русски с любовью. Беседы с переводчицами».

АРКАН КАРИВ (р. 1963)

писатель, журналист, автор трех книг об израильском сленге, триллера (вместе с Антоном Носиком) и романа «Переводчик».

АРКАДИЙ КОВЕЛЬМАН (р. 1949)

историк, заведующий кафедрой иудаики ИСАА МГУ. Основные работы: «Риторика в тени пирамид: массовое сознание римского Египта», «Эллинизм и еврейская культура».

ИРИНА МАК

журналист, автор материалов об изобразительном искусстве и кино, публиковалась в «Известиях», «Vogue», «Time Out», «Open Space», в «Madame Figaro» вела постоянную колонку о еде.

АФАНАСИЙ МАМЕДОВ (р. 1960)

писатель, журналист. Лауреат премий им. Ю. Казакова (2007), И. П. Белкина (2010).

АЛЕКСЕЙ МОКРОУСОВ (р. 1965)

литературный и художественный критик, сотрудничает с журналами «Синий диван», «Теория моды», газетой «Ведомости».

СИНТИЯ ОЗИК

американская писательница, автор романов, сборников рассказов и эссе. Награждена множеством премий, в том числе премией Бернарда Маламуда, премией

О. Генри.

ГРЕЙС ПЕЙЛИ (1922–2007)

американская писательница, поэт, общественный деятель. Автор сборников рассказов, стихотворений, бесед.

ЛИЗА ПЛАВИНСКАЯ

искусствовед, автор статей о русских художниках и архитекторах, куратор, арт-критик, художник. Публикуется в изданиях: «Проект Россия», «World Paper».

ПАМЕЛА САРДЖЕНТ

американская писательница-фантастка. Первая публикация — «Приземлившееся меньшинство» (1970). Первая книга — роман «Клонированные жизни» (1976). Писала также в соавторстве с писателем-фантастом Дж. Зебровски.

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ (р. 1959)

президент Института Ближнего Востока, экс-президент Российского еврейского конгресса.

ЮРИЙ СОЛОДОВ (р. 1963)

сценарист, режиссер, прозаик. Сотрудничает с изданиями «Литературная газета», «Огонек», «Искусство кино».

ИЦХАК СТРЕШИНСКИЙ (р. 1980)

библеист, переводчик, автор статей по еврейской истории.

АЛЕКСАНДР ФЕЙГИН (р. 1959)

раввин, ректор Международного еврейского института экономики, финансов и права (Москва).

ВЛАДИМИР ХАЗАН (р. 1952)

филолог, профессор Еврейского университета в Иерусалиме. Автор книг и публикаций, посвященных различным аспектам русско-еврейских культурных связей.

АВИГДОР ШИНАН (р. 1946)

профессор кафедры еврейской литературы Еврейского университета в Иерусалиме. Специалист по библейской экзегезе, мидрашам, таргумам. Автор нескольких монографий, критических изданий источников и более чем 50 статей.

МИХАИЛ ЭДЕЛЬШТЕЙН (р. 1972)

филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Сотрудничает с «Русским журналом», «Новым миром», «Знаменем», «НЛО», газетами «Русская мысль», «Ведомости» и др.